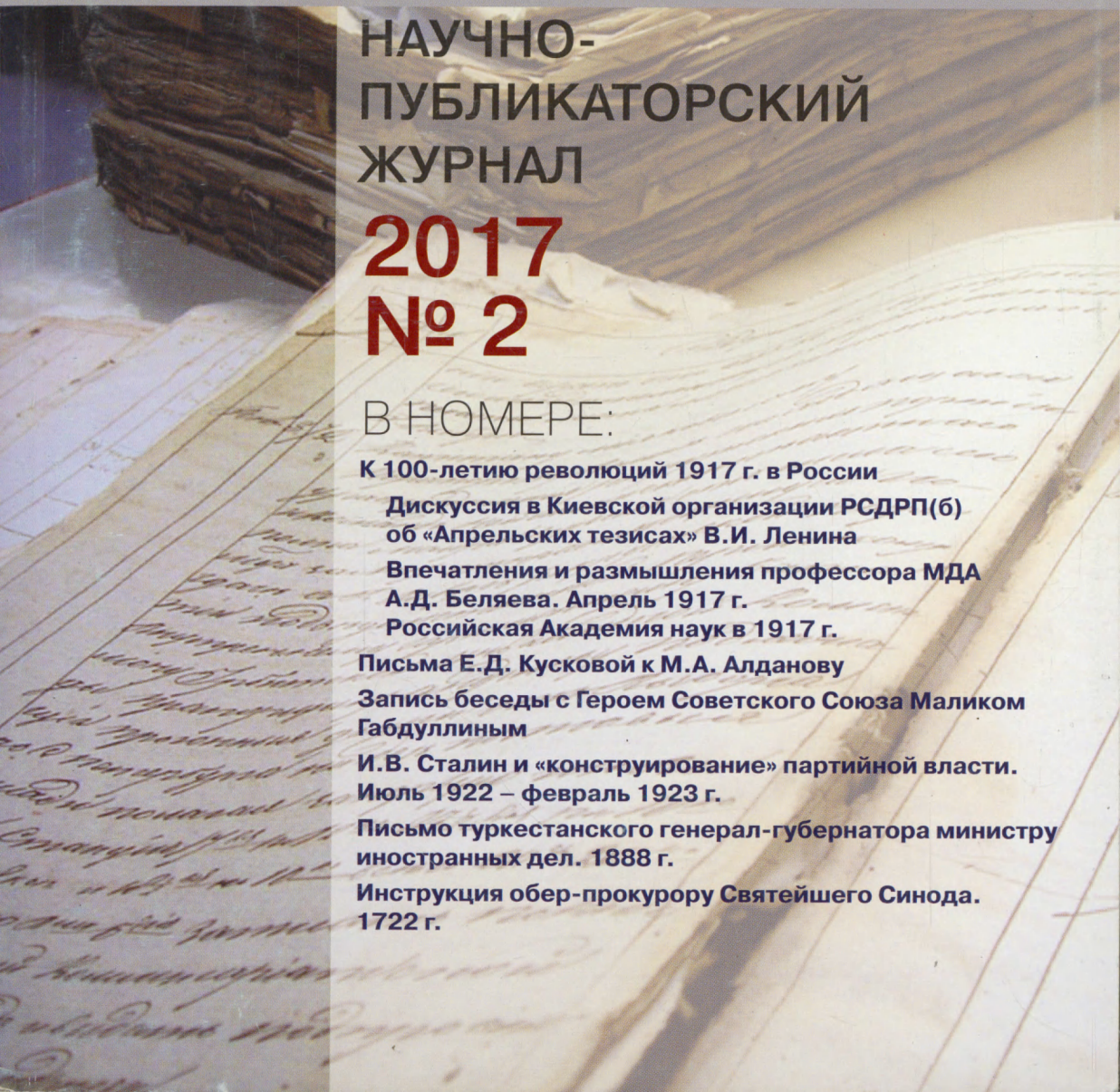
исторический АРХИВ

ISSN 0869-6322



НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

2017
№ 2

В НОМЕРЕ:

К 100-летию революций 1917 г. в России

Дискуссия в Киевской организации РСДРП(б) об «Апрельских тезисах» В.И. Ленина

Впечатления и размышления профессора МДА А.Д. Беляева. Апрель 1917 г.

Российская Академия наук в 1917 г.

Письма Е.Д. Кусковой к М.А. Алданову

Запись беседы с Героем Советского Союза Маликом Габдуллиным

И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Июль 1922 – февраль 1923 г.

Письмо туркестанского генерал-губернатора министру иностранных дел. 1888 г.

Инструкция обер-прокурору Святейшего Синода. 1722 г.

исторический архив

Выходит 6 номеров в год

Двадцать пятый год издания

В НОМЕРЕ:

К 100-летию революций 1917 г. в России

Дискуссия в Киевской организации РСДРП(б) об «Апрельских тезисах» В.И. Ленина

Впечатления и размышления профессора МДА А.Д. Беляева. Апрель 1917 г. Российская Академия наук в 1917 г.

Письма Е.Д. Кусковой к М.А. Алданову

Запись беседы с Героем Советского Союза Маликом Габдуллиным

И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Июль 1922 – февраль 1923 г.

Письмо туркестанского генерал-губернатора министру иностранных дел. 1888 г.

Инструкция обер-прокурору Святейшего Синода. 1722 г.

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

2017
№ 2

РОССПЭН
Москва
2017

Учредители:
АНО «ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ"»,
ФКУ «РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ»

*Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям*

Главный редактор:
А.А. ЧЕРНОБАЕВ, доктор исторических наук

Редакционный совет:
А.Н. АРТИЗОВ (председатель), доктор исторических наук, О.В. ВОЛОБУЕВ, доктор исторических наук, В.В. ЖУРАВЛЕВ, доктор исторических наук, В.П. КОЗЛОВ, член-корреспондент РАН, С.В. МИРОНЕНКО, доктор исторических наук, В.С. МЯСНИКОВ, академик РАН, Ю.А. ПЕТРОВ, доктор исторических наук, Р.Г. ПИХОЯ, доктор исторических наук, А.К. СОРОКИН, кандидат исторических наук, А.О. ЧУБАРЬЯН, академик РАН, В.В. ШЕЛОХАЕВ, доктор исторических наук

Редакционная коллегия:
И.А. АНФЕРТЬЕВ, кандидат исторических наук, В.Ю. АФИАНИ (зам. главного редактора), кандидат исторических наук, А.Ф. БОНДАРЕНКО (зам. главного редактора), доктор исторических наук, О.И. ГОРЕЛОВ, кандидат исторических наук, С.М. КАШТАНОВ, член-корреспондент РАН, Е.Р. КУРАПОВА, кандидат исторических наук, В.С. МЯСНИКОВ, академик РАН, Г.И. НАУМЕНКО (отв. секретарь), кандидат исторических наук, М.И. ОДИНЦОВ, доктор исторических наук, Д.Б. ПАВЛОВ, доктор исторических наук

ISSN 0869–6322

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–59448 от 22 сентября 2014 г.
Адрес редакции: 101999, г. Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 15.
Тел.: (495) 692-77-20. E-mail: ist_arh@rosspen.su

Издатель: Издательство «Политическая энциклопедия».
Адрес издательства: 127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1.
Тел./факс: (499) 685-15-75. E-mail: rosspen@rosspen.su

*Журнал «Исторический архив» включен в Перечень ВАК РФ
и в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

© «Исторический архив», 2017
© Авторы публикаций, 2017

«Киевский комитет, выслушав и обсудив тезисы В.И. Ленина, находит их в общем неприемлемыми»

Из протоколов Киевской организации РСДРП(б). Апрель 1917 г.

Вынесенные в заголовок слова – лейтмотив отношения руководства одной из крупных и авторитетных организаций большевиков – Киевской – к Апрельским тезисам В.И. Ленина.

Как известно, в произведении «О задачах пролетариата в данной революции» (официальное наименование Апрельских тезисов) был обоснован стратегический курс РСДРП(б) перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической, намечен план первоочередных конкретных действий, сформулированы тактические лозунги. В советской историографии на протяжении длительного времени вполне обоснованно делался обобщающий вывод, согласно которому большевистские организации страны довольно оперативно овладели предложенной вождем партии политической стратегией, сплотились на революционной платформе и развернули борьбу за воплощение ее в жизнь. Вместе с тем отмечалось, что далеко не все было просто и однозначно. В серьезной дискуссии удалось преодолеть распространенный феномен непонимания, неадекватной оценки как существа принципиально новой исторической ситуации, так и содержания, характера политической деятельности партии, обосновывавшихся в ленинских произведениях той поры[1]. При этом в фокус внимания попадали «старобольшевистские» взгляды Л.Б. Каменева, М.К. Муранова, М.С. Ольминского, Я.М. Свердлова, И.В. Сталина и практически не анализировались похожие коллизии, имевшие место на периферии, хотя подчас идейная борьба тут приобретала достаточно острый и масштабный характер. В полной мере это относилось к Киевской организации РСДРП(б).

В украинских изданиях советского времени отмечалось, что «Г. Пятаков, возглавлявший комитет, сделал все, чтобы навязать свою антиленинскую позицию Киевской организации и не допустить одобрения ею Апрельских тезисов». В самых общих чертах, очень лапидарно характеризовалась «Платформа Киевского комитета РСДРП», поддержанная Е.Б. Бош, И.М. Крейсбергом, М.М. Майоровым и др., а развернувшаяся дискуссия по существу предметно не воссоздавалась, не доводилась до логического завершения[2], хотя довольно значительный пласт документов, среди них – черновые и чистовые протоколы заседаний комитета и общих собраний партийной организации – неплохо сохранились[3], частично, буквально в единичных случаях публи-

---

[1] См., например: История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 т. Т. 3. Коммунистическая партия – организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции и обороны Советской республики. Март 1917–1920 г. Кн. 1. (март 1917 – март 1918 г.). М., 1967. С. 58–63; Кувшинов В.А. К новому политическому курсу: дискуссия в партии большевиков (март–апрель 1917 г.) // Дискуссии в РСДРП(б) – РКП(б) 1917–1920 гг. Сб. статей. М., 1990. С. 66–69.

[2] См.: Очерки истории Коммунистической партии Украины. Изд. 4-е, доп. К., 1977. С. 188–189.

[3] Центральный государственный архив общественных объединений Украины (бывший Партийный архив Института истории партии при ЦК Компартии Украины – филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Ф. 51. Оп. 1. Д. 1,1а, 2, 3.

ковались в изданиях 20-х – начала 30-х гг., или их содержание кратко, реферативно передавалось[4].

Документы Г.Л. Пятакова – «отъявленного троцкиста», «врага народа» – было не принято републиковать и даже цитировать или упоминать. В 1950-е гг. при подготовке документальных изданий архивные материалы, имевшие отношение к проблеме, воспроизводились в очень ограниченном объеме, селективно и неизменно, с купюрами[5].

Во второй половине 70-х гг. прошлого века внимание к архивным источникам, связанным с дискуссией в Киевской организации вокруг ленинских тезисов, повысилось в связи с подготовкой хроникального издания «Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Февраль 1917 г. – февраль 1918 г.»[6], хотя согласно жанра, на основе источников, кратко реконструировались факты, а документы практически даже не цитировались. Некоторые из них попали на страницы сборника, посвященного организационно-партийной деятельности большевиков Украины в период революции[7]. Материалы идейно-политического содержания, к которым относилась упомянутая дискуссия, в результате оказались обойденными. Определенный итог в исследовании проблемы с наиболее широким и подробным обращением к архивным документам был подведен в публикациях автора данного материала[8].

Вместе с тем, следует констатировать, что в полном, «неурезанном» виде некоторые весьма важные документы в научный оборот так и не попали, сегодня вообще мало кому известны. А без них трудно представить не только масштабы дискуссии, развернувшейся в Киеве, но и характер ее протекания, а также сущность выдвигавшихся аргументов, отстаиваемых позиций.

Опубликовать все относящиеся к проблеме протоколы в их целостном виде, и даже в подробных извлечениях, не представляется возможным из-за лимита журнальной подачи, да и связано с другими сложностями, поскольку буквально каждый элемент, непосредственно относящийся к затронутой проблеме, требует привлечения сопряженных материалов, дополнительной информации, достаточно широких примечаний, разъяснений, трактовок. Поэтому, отобрав для воспроизводства несколько самых важных фрагментов, в которых в концентрированном виде воплощены основные «расходящиеся» линии полемики и итоговые содержательные моменты, целесообразно, хотя бы «пунктирно», обозначить весь процесс имевшего место столкновения позиций, взглядов, промежуточных и финальных идейно-политических приемов, а также результатов дискуссий.

---

[4] См.: 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Харьков, 1928. С. 18–46, 469–471; Протоколи Київської організації РСДРП (більшовиків) 1917 року // Літопис революції. 1931. № 4. С.139–193.

[5] См.: Большевистские организации Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март–ноябрь 1917 г.). Сб. документов и материалов. К., 1957. С. 193–230.

[6] См.: Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Хроника важнейших историко-партийных и революционных событий. В двух частях. Ч. 1. Большевики во главе трудящихся Украины в период борьбы за победу Великого Октября. Февраль – октябрь 1917 г. К., 1977.

[7] Большевистские организации Украины: организационно-партийная деятельность (февраль 1917 – июль 1918). Сб. документов и материалов. К., 1990.

[8] См.: Солдатенко В. Ф. Апрельские тезисы В.И. Ленина: процесс и итоги обсуждения в большевистской организации Киева // Дискуссии в РСДРП(б) – РКП(б) 1917–1920 гг. Сб. статей. М., 1990. С. 76–97; Его же. Георгій Пятаков: миттєвості неспокійної долі. К., 2004. С. 94–112.

Позиция Г.Л. Пятакова достаточно наглядно проявилась уже в отношении к телеграмме В.И. Ленина большевикам, отъезжающим в Россию, от 6 марта 1917 г. «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата – единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями»[9], – наставлял Ленин. Из тех, кто входил в состав группы большевиков, которым она была адресована, Пятаков и Бош сразу же выступили против идей, изложенных в телеграмме.

13 марта Бош сделала на заседании Бюро ЦК доклад о директивах, полученных от Ленина. Зачитав телеграмму, она сообщила, что Владимиру Ильичу был направлен запрос в связи с тем, что последние два пункта показались недостаточно ясными. Здесь же было предложено начать дискуссию о тактике и, после короткого обсуждения, решено выработать платформу, которая бы раскрывала лозунги, предложенные Бюро ЦК. Однако, комиссия, которой это было поручено, не выполнила намеченной работы. На заседании Бюро ЦК 22 марта при обсуждении вопроса о платформе были одобрены резолюции «О Временном правительстве», а также «О войне и мире», опубликованные с введением «Наша платформа» в «Правде» № 18 от 26 марта 1917 г. Эти документы содержали положения, характерные для тогдашней позиции Бюро ЦК (о контроле Советов над деятельностью Временного правительства, требования к Временному правительству, которому давалась размытая характеристика отказаться от захватнических планов, предложить всем воюющим странам мир и так далее)[10]. Принципиальную тактику по таким важнейшим вопросам не смогло выработать и Мартовское совещание партийных работников.

В момент обсуждения ленинской телеграммы Бюро ЦК в Петрограде находилась представитель Киевского комитета РСДРП Д.И. Иткинд. Она получила этот документ как директиву и привезла в Киев. Позиция Бюро ЦК относительно ленинской телеграммы, возможное знакомство Иткинд с взглядами по данному вопросу Пятакова и Бош, возглавлявших в прошлом Киевскую организацию, непоследовательная позиция части руководителей комитета относительно ключевых вопросов революции, наметившаяся к тому времени, предрешили характер принятого Киевским комитетом РСДРП решения по результатам поездки своего представителя в Петроград. На заседании, состоявшемся 19 марта, комитет постановил не объявлять на следующем собрании партийной организации привезенную Иткинд «Телеграмму большевикам, отъезжающим в Россию». В связи с этим она не включила информацию о документе Ленина в свой доклад о результатах командировки в Центральный Комитет партии, сделанный на собрании 21 марта[11].

Тем временем в Киев прибыли Пятаков и Бош, которые сразу погрузились в работу. 23 марта 1917 г. оба авторитетных партийца выступили на заседании комитета с докладами «О платформе ЦК и созываемом на 28 марта партийном совещании»[12]. Под влиянием их докладов было решено создать специальную комиссию для выработки собственной платформы – платформы Киевского комитета. В ее состав вошли Бош, В.А. Быстрянский, Крейсберг, Пятаков, М.А. Савельев (Петров). На следующий день комитет заслушал доклад комиссии для выработки платформы, принял предложенный проект и поручил Пятакову осуществить окончательную редакцию документа для представления

---

[9] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 7.

[10] Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б). Март 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1962. № 3. С. 145, 147, 151.

[11] Большевистские организации Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март – ноябрь 1917 г.). Сб. документов и материалов. К., 1957. С. 228, 230.

[12] Протоколи Київської організації РСДРП(більшовиків) 1917 року. С. 148; Бош Е.Б. Год борьбы. 2-е изд. С прилож. биогр. писем автора. К., 1990. С. 28.

общему собранию организации[13]. Однако 29 марта, после обмена мнениями, собранием было решено отложить принятие предложенного Пятаковым документа до очередного собрания в связи с тем, что представитель организации Савельев находился в то время на совещании партийных работников в Петрограде. С целью уточнения позиции большевиков относительно войны комитету было поручено в дополнение к платформе разработать специальную резолюцию[14]. Симптоматичен тот факт, что, не ожидая одобрения платформы очередными собраниями, комитет на своем заседании 1 апреля поручил Быстрянскому и А.Б. Горвицу собрать объединенное заседание пропагандистов и агитаторов, прочитать им доклад о платформе Киевского комитета и предложить «в своих выступлениях держаться этой платформы»[15]. Не повлияли на позицию Пятакова, его сторонников и перепечатка из «Правды» органом киевских большевиков «Голосом социал-демократа» 25, 28 и 30 марта статьи Ленина «Письма издалека. Письмо 1. Первый этап первой революции».

31 марта комитет одобрил разработанную Быстрянским и Пятаковым резолюцию о войне. Но члены организации проявили осторожность, отложив большинством голосов ее утверждение, автоматически сняв вопрос об одобрении платформы комитета на общем собрании 4 апреля[16].

Однако Пятаков и его единомышленники пытались во чтобы то ни стало добиться утверждения своей точки зрения. Собрав большинство в комитете, они 6 апреля вновь внесли на утверждение общего собрания резолюцию о войне и одобрении платформы комитета. Частое проведение собраний приводило к тому, что в них не всегда могло принимать участие большинство членов организации. Состав присутствующих тоже менялся. На собрании 6 апреля, как показывает подсчет по результатам голосования резолюций, было всего 323 человека, то есть не более ¼ тогдашнего состава организации. В таких условиях Пятакову и его единомышленникам удалось добиться одобрения наработанных ими документов[17]. 9 апреля они были опубликованы «Голосом социал-демократа».

Основная идея платформы содержалась уже во вступительном абзаце: «Мы считаем, что развитие производительных сил и социальная мощь пролетариата не достигли в России того уровня, при котором рабочий класс может совершить социалистический переворот. Установление социалистического строя, являющееся конечной целью всей нашей деятельности, не входит поэтому в число задач, стоящих перед нами в ходе совершающейся революции».[18]

Считая, что в России осуществляется буржуазно-демократическая революция, создатели «Киевской платформы» выдвигали в качестве стратегической цели созыв Учредительного собрания, чем, как они полагали, предопределялся выбор тактики на ближайшую перспективу. «Очередной задачей с.- д., – подчеркивается в документе, – является самое широкое участие в избирательной кампании в Учредительное собрание. Ее лозунги – демократическая республика, проведение программы-минимум и немедленное прекращение войны. Вторая важная задача социал-демократии состоит в проведении социал-демократической кампании при выборах в органы местных самоуправлений»[19].

---

[13] Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Хроника. Ч.I. С. 59, 61.

[14] 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 24.

[15] Протоколи Київської організації РСДРП (більшовиків) 1917 року. С. 155.

[16] Там же. С. 154, 159.

[17] Там же. С. 168; Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Хроника. Ч. 1. С. 72, 88.

[18] Голос социал-демократа (Киев). 1917. 9 апреля. № 11; 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 470.

[19] Голос социал-демократа (Киев). 1917. 9 апреля. № 11; 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 471.

Неверие в революционные потенции российского пролетариата и его союзников приводило Пятакова, поддерживавших его членов Киевского комитета, к выводу о том, что социалистическая революция в России невозможна без свержения капитализма в наиболее развитых странах Запада, что, в свою очередь, вело к выводу о существенном сужении задач РСДРП. «Российская революция, происшедшая в разгар мировой войны и в эпоху колоссального обострения классовых противоречий на Западе, даст толчок новому подъему пролетарской борьбы в странах финансового капитала за полную экспроприацию класса капиталистов, – говорилось в «Платформе». – Российская соц.-демократия должна стремиться к тому, чтобы демократическая революция в России послужила сигналом к пролетарской революции на Западе и обратиться к интернационалистам всех стран с призывом к координации своих действий для борьбы против капитализма»[20].

7 апреля в Киев вернулся с общепартийного совещания Савельев. Перед отъездом из Петрограда, скорее всего 6 апреля, он получил один экземпляр подготовленного к печати в «Правде» варианта тезисов. Впрочем, это могло произойти и несколько ранее, 3 апреля, когда Савельев вместе с другими большевиками встречал возвращавшегося из Швейцарии Ленина в Белоострове[21]. «Я списал их (тезисы. – В.С.) карандашом на отдельную записку, – вспоминал представитель Бюро ЦК и Киевского комитета большевиков, – и вот с этим новым евангелием революционного коммунизма приехал в Киев»[22].

Сравнение документа, с которым ознакомился в Петрограде Савельев, с текстом тезисов, напечатанных в «Правде», и теми подготовительными материалами, которые хранятся в фондах РГАСПИ, позволяет выдвинуть предположение, что Савельев скопировал один из первых вариантов ленинского труда, возможно даже в момент ознакомления еще незавершенного. Вероятно и другое. Савельев по неизвестным причинам (например, не успел почему-то) переписал только 8 из 10 тезисов и дальше оперировал неполным документом. Важным было и то, что Савельев присутствовал на первых ленинских выступлениях по возвращении лидера партии с эмиграции и обнародовании им тезисов 4 апреля на собрании большевиков, а также на объединенном собрании большевиков и меньшевиков – участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов в Таврическом дворце[23].

Сразу после приезда в Киев, уже вечером 7 апреля 1917 г., на заседании комитета Савельев сделал доклад, в котором развернуто осветил свою поездку в Петроград, ход работы Мартовского партийного совещания, Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, доложил о сути предложенной Лениным линии поведения в революции. Докладчик охарактеризовал ленинский доклад на объединенном собрании большевиков и меньшевиков как мощный удар по объединительным тенденциям. Далее Савельев зачитал упомянутые 8 тезисов и изложил ленинскую аргументацию в их развитие. К сожалению, на этом черновик протокола заседания комитета от 7 апреля обрывается, хотя в чистовом и перепечатанном варианте, по неизвестной причине датированном 9 апреля (можно предположить, что путаницу внесли технические исполнители, готовившие материал на подпись, а редакторы журнала «Літопис революції» просто воспроизвели два разных протокола, датированных одним числом), значится: «После долгих прений обсуждение переносится на следующее собрание»[24].

---

[20] Голос социал-демократа (Киев). 1917. 9 апреля. № 11; 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 471.

[21] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. Март–октябрь 1917. М., 1973. С. 55; РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 737. Л. 1.

[22] РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 42. Л. 178; Український історичний журнал. 1957. № 1. С. 129.

[23] Савельєв М.О. Ленін В.І. і Жовтень // Український історичний журнал. 1977. № 10. С. 112.

[24] ЦГАОО Украины. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1а. Л. 51; Літопис революції. 1931. № 4. С. 176–180.

Обсуждение доклада было продолжено на заседании 9 апреля в обстановке острой полемики. Савельеву пришлось достаточно долго отвечать на многочисленные вопросы, которыми его буквально засыпали члены комитета. Причем в большинстве вопросов просматривалось невосприятие ленинских идей, априори критическое отношение к ним. Савельев спокойно и принципиально отстаивал верность ленинских положений. В ряде случаев ему пришлось высказать и собственные взгляды относительно сложных теоретических проблем, и они в целом по духу и направленности совпадали с теми выводами, которые были сформулированы позже Лениным.

Сюжет протокола по вопросу «О позиции, которую занял т. Ленин» завершается четкой записью: «Тов. Савельев (Петров) вполне присоединяется к тезисам Ленина и находит, что они в связи с тем, что капитализм зашел в тупик, вполне оправдываются в международной социальной революции»[25].

Единственной, кто поддержал тогда Савельева, присоединился к разъяснению ленинских ориентиров, была представитель Бюро ЦК (агент ЦК РСДРП) Е. Ф. Розмирович.

Однако большая часть членов Киевского комитета – Г.Л. Пятаков, Е.Б. Бош, В.А. Быстрянский, А.Б. Горвиц, Д.И. Иткинд, М.Я. Кугель и др. выступила против Апрельских тезисов. Основное их доказательство – незрелость России для социалистической революции[26].

Неудивительно, что в процессе дискуссии Н.Н. Лебедев внес и обобщающее предложение о том, что «Киевский к-т не согласен с тезисами Ленина»[27]. 10 апреля 1917 г. Киевский комитет РСДРП принял резолюцию: «Считая тезисы т. Ленина еще недостаточно обоснованными и развитыми, Киевск. к-т воздерживается пока от принятия резолюции по тезисам, оставляя их в пределах дискуссии»[28].

Учитывая стремление единомышленников Пятакова затянуть, а то и вовсе сорвать обсуждение Апрельских тезисов, скрыть их содержание от рядовых членов партии, Савельев ознакомил с ленинским документом самую многочисленную в Киеве Городскую районную партийную организацию (объединявшую около 1000 из общего числа 1500 членов партии). Собрание большевиков Городского района, обсудив тезисы Ленина, одобрило их большинством голосов[29].

Активно поддержала Апрельские тезисы революционная молодежь Киева. Так, 9 апреля Савельев выступил с сообщением о них на встрече с инициативной группой молодых рабочих по созданию союза социал-демократической рабочей молодежи. Участники встречи приняли решение заслушать аналогичный доклад Савельева на собрании рабочей и студенческой молодежи города. Через два дня такое собрание состоялось. После завершения доклада было решено послать приветственную телеграмму Ленину. Молодежь, в частности С. Мальчиков, И. Лапидус, Мишухина и другие, с большим энтузиазмом пропагандировали ленинские тезисы, выступали за их признание, боролись против их противников в комитете и организации[30].

---

[25] Протоколи Київської організації РСДРП (більшовиків) 1917 року. С. 180; ЦГАОО Украины. Ф. 51. Оп. 1. Д. 3. Л. 30. 31; 33–34об.

[26] Протоколи Київської організації РСДРП (більшовиків) 1917 року. С. 171–180; ЦГАОО Украины. Ф. 51. Оп. 1. Д. 3. Л. 42–45об.; 1917 год на Киевщине. Хроника событий. К., 1928. С. 33, 37, 44.

[27] 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 37

[28] Там же. С. 34.

[29] РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 42. Л. 179–180; Український історичний журнал. 1957. № 1. С. 129; Боротьба за перемогу Радянської влади на Україні. Зб. спогадів учасників Великої Жовтневої соціалістичної революції. К., 1957. С. 85.

[30] РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 42. Л. 154, 155, 178, 184, 193.

По инициативе Савельева привезенный им вариант тезисов был размножен на гектографе и распространен в городе листовкой. Очевидно, она увидела свет 10–12 апреля 1917 г. Позже листовка, скорее всего, была бы перепечатана из «Правды» (все 10 тезисов). Данных о ее тираже нет, хотя те сведения, которые дошли до наших дней из воспоминаний участников событий, в частности, Мальчикова (в свое время они, к сожалению, не были записаны, документально оформлены), свидетельствуют, что листовку размножили в количестве 2 тыс. экземпляров. Так, вопреки маневрам Пятакова, усилиями Савельева с ленинским произведением получила возможность ознакомиться значительная часть партийцев еще до решающего этапа его обсуждения.

К этому моменту в Киев поступил и № 26 «Правды» от 7 апреля 1917 г., в котором была опубликована работа Ленина (в городе в это время получали более чем 100 экземпляров органа ЦК РСДРП). Все это не могло не отразиться на характере последующей дискуссии приверженцев радикальной стратегии и тактики со сторонниками иных, более умеренных взглядов.

На заседании комитета 11 апреля было решено вынести обсуждение Апрельских тезисов на общее собрание 15 апреля. За два дня до этого такое же решение было принято относительно повестки дня совещания большевиков Юго-Западного края, назначенного также на 15 апреля[31]. Однако 14 апреля на заседании комитета сторонники Пятакова 7 голосами против 4 провели решение, в котором отмечалось, что «Киевский комитет, выслушав и обсудив тезисы В.И. Ленина, находит их в общем неприемлемыми и остается при своей прежней платформе и резолюции о войне»[32]. На следующий день на общем собрании было отклонено предложение Е. Ф. Розмирович о том, чтобы обсудить тезисы «по существу»[33].

Тогда же, заслушав доклад Савельева о Всероссийском совещании Советов, а также резолюцию комитета от 14 апреля, собрание приняло по предложению Розмирович постановление: «Считая вопросы, поднятые в тезисах Ленина, очень важными и сложными, общее собрание Киевск. организации РСДРП не находит возможным принять без детального обсуждения определенную резолюцию о своем отношении, для чего назначает особое собрание в ближайшие же дни». Собрание решило также опубликовать тезисы Ленина в очередном номере газеты «Голос социал-демократа»[34]. Следует отметить, что Пятаков, Быстрянский и Лебедев, входившие в состав «узкой редакционной коллегии» и решавшие по существу все дела, связанные с ведением органа, не выполнили постановления собрания, тезисы так и не были помещены в газете. Более того, сторонники Пятакова добились, что «Голос социал-демократа» перестал перепечатывать статьи из «Правды», а комитет принял решение о сокращении объема публикаций в газете по общетеоретическим вопросам[35].

15–17 апреля в Киеве состоялось окружное совещание большевиков Юго-Западного края. На нем присутствовали делегаты от большевистских организаций и групп Киевской, Волынской, Полтавской, Подольской, Черниговской губерний, а также представитель Гомельской группы большевиков. В работе совещания приняли участие представители Бюро ЦК РСДРП Розмирович, Савельев, И.И. Шварц. Совещание заслушало и детально обсудило доклады о войне и об отношении к Временному правительству. Содокладчиком по обоим вопросам выступал Савельев, который изложил в ходе выступлений основные идеи Апрельских тезисов Ленина. Совещание (на нем был избран

---

[31] Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Хроника. Ч. 1. С. 103, 107.

[32] 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 36.

[33] Там же. С. 37.

[34] Там же.

[35] ЦГАОО Украины. Ф. 51. Оп. 1. Д. 3. Л. 111–112об.

Окружной комитет во главе с Бош, в который вошел и Пятаков) одобрило резолюции в духе ленинских постановлений и выводов[36].

Постановления совещания, не принимая во внимание некоторых незначительных теоретических несовершенств, свидетельствовали о том, что подавляющее большинство членов партии организаций пяти губерний одобрили ленинский стратегический курс. Можно предположить, что последние события, очевидно, нарастающие разногласия, обусловили решение направить в те дни в столицу телеграмму следующего содержания: «Петроград. Таврический дворец. Центральному комитету РСДРП. Ленину, Зиновьеву. Киевский комитет приветствует Вас, дорогие товарищи, как вождей революционной социал-демократии и выражает твердую надежду, что Вы еще долгие годы будете стоять в передовых рядах революционного российского пролетариата. Да здравствует III Интернационал. Киевский комитет РСДРП»[37].

В этих условиях деятельность Пятакова и его сторонников начала все очевиднее приобретать черты фракционности. 19 апреля на общем партийном собрании (присутствовали, правда, не более чем 300 из 1900 членов организации) комитет заявил, что слагает свои полномочия. Но собрание 221 голосом против 6, при 22 воздержавшихся, отклонило это заявление[38]. Тогда, с целью давления на рядовых членов организации, комитет согласился сохранить свои полномочия до конца обсуждения Апрельских тезисов. При переходе собрания к рассмотрению этого вопроса поступило требование выяснить общему собранию, по каким соображениям комитет вынес резолюцию, отвергающую тезисы[39]. Иткинд вспоминала: «Было страшно бурное заседание. Особенно протестовала молодежь, возглавляемая тов. Мальчиковым, и большая группа Городского района»[40]. Неудовлетворенные таким поворотом событий, Пятаков и его сторонники, под предлогом затягивания прений, добились решения о перенесении обсуждения вопроса на следующее собрание, а затем практически саботировали его, заявив от имени комитета об отказе обсуждения принципиальных политических вопросов в связи с тем, что временно исполняют функции руководящего органа. Большинство членов комитета помешали проведению очередного партийного собрания, которого требовали члены организации и часть членов комитета.

В такой обстановке большинство комитета предприняли сомнительные даже с этической точки зрения шаги. Не считаясь с волей и решительными протестами значительного числа членов организации, они добились на собрании 19 апреля переизбрания делегата на VII партийную конференцию. Вместо Савельева делегатом была избрана Бош[41]. 20 апреля комитет одобрил инструкцию для делегатов на конференцию, в соответствии с ней делегатам от Киевской организации было предложено руководствоваться платформой комитета[42]. Это решение не было доведено до всей партийной организации,

---

[36] Большевистские организации Украины... (март–ноябрь 1917 г.). С. 193–209.

[37] ЦГАОО Украины. Ф. 51. Оп. 1. Д. 2. Л. 104.

[38] 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 37, 43–44.

[39] ЦГАОО Украины. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–14; Д. 3. Л. 103–106.

[40] РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 42. Л. 184.

[41] Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Хроника... Ч. 1. С. 147. Выборы делегатов на VII (Апрельскую) Всероссийскую конференцию РСДРП(б) были проведены Киевской организацией 15 апреля на общем собрании. Кроме М.А. Савельева делегатами были избраны Е.Г. Горбачев, М.М. Майоров и Г.Л. Пятаков. 19 апреля М.А. Савельев не присутствовал на собрании, поскольку как делегат конференции и агент ЦК уже выехал по делам партии в Петроград (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 42. Л. 181, 184).

[42] Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Хроника. Ч. 1. С. 126.

значительная часть которой, как минимум, не разделяла взглядов Пятакова и его сторонников.

Таким образом, в Киеве обсуждение вопросов, связанных с выработкой и принятием нового стратегического курса партии большевиков, вылилось в острое противоборство сторонников разных подходов к оценке перспектив революции. По остроте эта борьба не имела себе равных в партии. Достаточно сказать, что вопросы, связанные с обсуждением Апрельских тезисов, семь раз ставились в повестку дня заседаний комитета, дважды – общих партийных собраний, Окружного партийного совещания Юго-Западного края, а платформа Киевского комитета, противопоставленная тезисам, по три раза выносилась на обсуждения заседаний комитета и общих собраний. В ходе борьбы комитет, имевший периодический печатный орган, воспрепятствовал перепечатке на его страницах тезисов Ленина, на что сторонники ленинской позиции ответили публикацией листовки с текстом ленинского документа. Важно отметить, что других случаев листовочного издания и распространения Апрельских тезисов в историографии не встречалось.

Конкретно-исторически сложилось так, что представители именно Киевской организации смогли получить более полную, по сравнению с любой другой периферийной организацией, информацию о сущности ленинских стратегических и тактических установок. За малым исключением, вряд ли кто из местных большевиков, кроме киевских, мог, например, уже в двадцатых числах марта знать о ленинской телеграмме большевикам, отъезжающим в Россию. Неизвестно, привез ли кто-нибудь кроме Савельева (Петрова) в свою организацию вариант тезисов еще до появления в своем городе «Правды» с текстом ленинского документа. Немного было и тех делегатов с мест, которые слушали доклады Ленина о стратегии и тактике партии в первые дни апреля и оперативно, подобно Савельеву, доносили их содержание товарищам по организации. Однако, ленинским выводам немедленно противопоставлялись взгляды Пятакова и его сторонников, у которых в Киевском комитете было временное преимущество. Можно допустить, что теоретическая дискуссия в Киеве в апреле–мае 1917 г. была продолжением споров, которые вели Ленин и Пятаков относительно основных вопросов революционного движения в 1915–1916 гг. Несомненно, она вылилась в наибольшую в стране откровенную оппозицию ленинским идеям.

Собственно, полемика вокруг Апрельских тезисов до VII Всероссийской конференции РСДРП(б) так и не была завершена. Нигде, кроме Киева, неприятие ленинских предложений не привело к созданию собственной, альтернативной платформы для вынесения ее на форум партии как идейно-политической основы для возможного организационного оформления группы (фракции) членов партии, придерживающихся отличающихся от взглядов Ленина. В Киевской организации оказались неподготовленными к восприятию новых ленинских теоретических выводов не столько рядовые члены партии, сколько руководство комитета, что обусловило особый драматизм дискуссии, в которой большинство организации могло пойти на отстаивание своей линии только до определенного предела, чем воспользовались Пятаков и его сторонники.

Создание достаточно серьезной оппозиции Апрельским тезисам Ленина и противопоставление им «Платформы Киевского комитета РСДРП», воплотившей взгляды и идеи Пятакова, не были малосущественным фактом, не привлекшим внимание всей партии, что, в частности, отметил в «Истории русской революции» Л.Д. Троцкий[43].

Обсуждение в Киевской организации принципиального, стратегически важного ленинского документа отражает тогдашний демократизм отношений и внутрипартийной практики, когда общая политическая линия вырабатывалась в процессе свободного обмена взглядами при полной возможности их отстаивания. Достигнутая при таких

[43] Троцкий Л.Д. История русской революции // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 350.

условиях степень сплочения была особенно прочной, так как, по существу, исключала навязывание кому-либо каких-либо решений.

Публикуемые пять документов являются лишь частью относящихся к проблеме материалов, отложившихся в фондах Центрального государственного архива общественных организаций (ЦГАОО)Украины. Тем не менее они позволяют составить представление об основном содержании, смысле, характере дискуссии, развернувшейся в Киевской организации РСДРП(б) в марте–апреле 1917 г. вокруг вопросов выработки общепартийного политического курса.

Документы публикуются по современным правилам правописания, с сохранением их стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Подчеркнутые слова выделены курсивом. Сведения о ряде лиц выявить не удалось.

Публикацию подготовил доктор исторических наук В.Ф. СОЛДАТЕНКО.

№ 1
Из протокола заседания Киевского комитета РСДРП 7 апреля 1917 г.[1]

Председатель т. Пятаков[2]. Секретарь т. Крейсберг[3]

Доклад т. Петрова[4] о партийном совещании в Петрограде и о новых положениях т. Ленина[5]

[...] В Петроград т. Ленин явился в 11 час[ов] ночи. По дороге он держал речь к встречавшей его колоссальной толпе. Он брал самые крайние лозунги, и толпа все же встречала их апплодисментами.

Только на следующий день во фракции т. Ленин указал свои пункты расхождения с «Правдой». Указал он на то, что *предъявлять* к правительству *требования* не имеет смысла уже потому, что оно империалистическое и наших требований выполнить не может.

Затем Владимир Ильич выступал на объединенном заседании большевиков и меньшевиков. Его речь здесь была камнем, брошенным в воду, и свела на нет все прежние попытки объединения. Он объявил, что против всякого объединения с какими бы то ни было оборонцами, как с социал-патриотами.

Свои мысли детальнее т. Ленин развил в своих «тезисах».

1. «В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К° безусловно остается грабительской, империалистской в силу капиталистического характера этого правительства, не допустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

По этой части 1 пункта т. Ленин подчеркивал, что война империалистическая, что она – продукт столкновения двух капиталистических систем, она своеобразная стадия развития капитализма, который зашел в тупик, где он может развиваться только насчет дезорганизации производительных сил. Необходимо установить, что классом, ведущим эту войну, является империалистическая буржуазия. Соглашения с нею и уступки ей являются недопустимыми.

«На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала».

По этой части пункта он заявил, что мы не являемся пацифистами. Революционный пролетариат может вмешаться в войну, но лишь при переходе власти в руки народа – пролетариата и беднейшей части крестьянства, который откажется от внешних, а также и внутренних аннексий. Империалистическую политику Владимир Ильич понимает широко, как закабаление внутри данного государства мелких национальностей. Стремление буржуазии нашей не считаться, например, с правом украинцев на самоопределение т. Ленин считает аннексией Украины.

«В виду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, в виду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснить им их ошибку, разъяснить неразрывную связь комитета[a] с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно-демократическим, не насильническим миром нельзя без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии. Братание».

В этом пункте т. Ленин подчеркивает, что демократическая масса искренне настроена против империалистической войны. А со стороны буржуазии проводится система организованного обмана. В [18]48 году и в ряде других революций буржуазия всегда возвращалась к политике лести, когда видела, что власть уходит из ее рук. Без свержения капитализма окончить войну невозможно. Войну можно кончить без аннексий и контрибуций постольку, поскольку власть будет переходить в руки Советов Раб[очих] и Солд[атских] Депутатов. (Между тем «Правда» от данного правительства требует заключения демократического мира). Зная же, что такое «отношение к вопросу может не встретить сочувствия со стороны С[оветов] Раб[очих] Д[епутатов], указывает в этом тезисе на необходимость широко разъяснять массам характер войны.

«2. Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни масс пролетариата».

Т[ов]. Ленин указывал на исключительную своеобразность русской революции, к которой нельзя подходить с трафаретом. Революция не может не развиваться, и она поставит вопрос о переходе власти от буржуазии в руки С[оветов] Раб[очих] и С[олдатских] Деп[утат]ов. В противовес меньшевикам, замалчивающим вопрос о двоевластии, Ленин ставит ясно вопрос о захвате власти. Своеобразие текущего момента в том, что теперь Россия самая свободная страна в мире, не абсолютно свободная, но самая свободная. До сих пор Советы Раб[очих]

[a] У В.И. Ленина: «капитала».

Деп[утат]ов не захватили власти потому, что массы недостаточно еще организованы, недостачно политически воспитаны и поддаются на льстивые заигрывания буржуазии. Масса требует особого подхода – вот и надо уметь задевать ее революционные инстинкты.

«3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии „требования“, чтобы это правительство, правительство капиталистов перестало быть империалистским». В этом пункте он резко расходится с позицией «Правды».

«4. Признание факта, что в большинстве Советов Раб[очих] Деп[утат]ов наша партия в меньшинстве и пока в слабом меньшинстве перед блоком всех либеральных, оппозиционных, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат элементов от н.-с., с.-р. до окт.[а], Стеклова[6] и проч., и проч.».

«Разъяснение массам, что С[оветы] Раб[очих] Деп[утат]ов есть *единственно возможная* форма революционного правительства, и что поэтому нашей задачей, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, разъяснение ошибок их тактики».

«Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к С[оветам] Раб[очих] Деп[утат]ов; чтобы массы опытом избавились от своих ошибок». С точки зрения т. Ленина, С[оветы] Раб[очих] Деп[утат]ов Солдатских и Батрацких [Депутатов] являются единственно возможной формой революционного правительства. Если бы они и оказались по целому ряду вопросов оппортунистически настроенными, то их свергать уж не приходится, остается только разъяснять им их ошибки.

5. «Не парламентарная республика – возвращение к ней от С[оветов] Раб[очих] Деп[утат]ов было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских д[епутат]ов по всей стране, снизу доверху».

«Устранение полиции, армии, чиновничества».

«Плата всем чиновникам при выборности и сменяемости их всех в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего».

Т[ов]. Ленин указывал, что в революционном процессе С[оветы] Раб[очих] Деп[утат]ов форма более совершенная, чем парламентская республика. Он находит также, что поскольку будет развиваться революция, вопрос о чиновничестве и полиции будет поставлен ребром. Встанет и вопрос о замене армии всеобщим вооружением народа.

[а] Н-с – члены Народно-социалистической «трудовой» партии, выделившейся в 1906 г. из партии эсеров. В 1907 г. партия народных социалистов практически перестала существовать. После Февральской революции ее организации начали возрождаться. С-р – члены Партии социалистов-революционеров, созданной в конце 1901 – начале 1902 г. После свержения самодержавия решительно активизировали деятельность. Вместе с меньшевиками играли руководящую роль в Советах, входили в состав Временного правительства. Октябристы – члены «Союза 17 октября», основанного в ноябре 1905 г. Партия крупных помещиков и верхов торгово-промышленной буржуазии. Во время Февральской революции безуспешно стремились спасти монархию.

6. «В аграрной программе перенесение центра тяжести на С[оветы] Батр[ацких] Деп[утат]ов».

«Конфискация всех помещичьих земель».

«Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными С[оветами] Батр[ацких] и Крест[ьянских] Деп[утат]ов. Выделение беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 десят[ин] до 300 по местным условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем Батрацких Деп[утат]ов и на общественный счет».

7. «Слияние банков».

8. «Не введение социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны СРД за производством и распределением».

ЦГАОО Украины. Ф. 51. Оп. 1. Д. 2. Л. 106–112; Д. 3. Л. 33–34об. Частичная публикация в журнале «Літопис революції». 1931. № 4. С. 173–175.

№ 2
Из протокола заседания Киевского комитета РСДРП 9 апреля 1917 года[7]

Председатель т. Горбачев[8]. Секретарь т. Крейсберг

Прения по докладу т. *Петрова* о позиции, занятой т. *Лениным.*

Предлагается расчленить прения: по партийному совещанию и по тезисам т. *Ленина.*

Пятаков (вопрос). Как толковалось положение о заключении мира без аннексий интернационалистским большинством во фракции?

Савельев [Петров][a]. Вопрос ставился в той плоскости, что не сохранение границ, не статус-[кво], а предоставление нациям самим определить свою принадлежность к тому или иному государству.

Пятаков. Отсюда, если сделать вывод, то когда великороссам будет грозить опасность, они должны защищаться.

Савельев [Петров]. Защищаться можно бы только тогда, когда война потеряла бы империалистический характер, т. е. когда власть перейдет в руки пролетариата.

Пятаков. Таким образом, формула «мир без аннексий» – декоративная фраза[6]. Какое же содержание вкладывается в эту формулу, в формулу о самоопределении национальностей?

Савельев [Петров]. Тем, что говорим о единственном условии, при котором мы можем воевать, мы отвечаем и на вопрос, что мы будем делать, когда наша формула «мир без аннексий» на почве самоопределения наций не будет принята.

Розмирович[9]. Так конкретно вопрос не обсуждался. Объяснение тов. Савельева является его личной точкой зрения, подкрепленной т. *Лениным.* Т[ов]. Пятаков

---

[a] В черновике вычеркнута начальная фраза, не вошедшая в чистовой вариант: «Ставился таким образом, что мир на основе самоопределения наций».

[6] В оригинале вычеркнуты слова: «Мы понимаем “без аннексий”», предложение, очевидно, не закончено (может быть, просто не успели зафиксировать протоколисты).

прав, когда спрашивает, как ставился вопрос на совещании. Нас не удовлетворяет объяснение тов. Савельева, т. к. оно расходится с положениями *Лен[ина*], в которых указывается, что требование от Временного правительства мира без аннексий не имеет смысла, раз это правит[ельст]во буржуазное. Он упрекает т.т. петербургских большевиков, которые под влиянием травли изменили позиции «Правды», стали прятать ее лозунги в карман. Поэтому прав *Ленин,* когда публично говорил о ряде ошибок, сделанных большевиками. Вспомним о голосовании резолюций об отношении к войне и к Време[нному] прав[ительст]ву.

Лебедев[10]. Вопрос[а]. Вопрос ставился о поддержке прав[ительст]ва или шагов его?

Розмирович. Вопрос ставился о поддержке именно правительства, а не шагов его.

Майоров[11]. Теперь, когда пролетариат начинает брать власть в свои руки, какое будет отношение к войне?

Пятаков. Моя постановка вопроса правильна: она указывает на то, что формула «мир без аннексий» есть чистой воды оборончество, что и развил Майоров, этим формулировка и опасна; ею пользуются оборонцы с успехом.

Если мы не поддерживаем Временного прав[ительст]ва, мы срываем Учр[едительное] собрание, т. к. это мероприятие прав[ительст]ва. Ставило ли так конкретно совещ[ание] этот вопрос ?

Ицковский[12]. Были ли предложены практические шаги к прекращению войны и какие ?

Савельев [Петров]. У «Правды» определенной точки зрения действ[ий] не было, она заслужила нападок, но не таких чрезмерных. Сначала ее линия была правильна, а потом была испорчена. Она вульгаризировала, развивая лозунг «Долой войну»[б]. Лозунг вызвал недоуменные вопросы у солдат, главным образом именно п[отому], ч[то] не диалектически, не по-марксистски она развивала эти лозунги. При выравнивании тактики появилась статья, вызвавшая смущение и у нас. Но потом она поправилась, отказав в своей резолюции в поддержке Времен[ному] прав[ительст]ву.

То, что сказано, не является личными умозаключениями и не всецело решалось на партийном совещании. Это не личные умозаключения, п[отому] ч[то] я ссылаюсь на резолюцию, где сказано о единственном условии, при котором мы можем принять участие в войне[в].

[а] В тексте опущены вычеркнутые слова Н.Н. Лебедева: «Просьба к Е.Ф. [Розмирович] еще раз формулировать вопрос о войне» и заменены словом: «вопрос».

[б] В черновике протокола вычеркнуты слова: «Но ей пришлось это делать, так к[а]к».

[в] В черновике протокола вычеркнута часть документа: «На совещ[ании] выступал даже в том смысле, чтобы заключ[ить] мир через голову прав[ительст]ва».

О прав[ительст]ве, не в противовес Войтинскому указыв[али], что прол[етариат] еще слаб, чтобы свергнуть прав[ительство]. Контроль предп[олагает]ся над правительством. Интернац[ионалисты] стави[ли] вопрос о поддержке лозунгов прав[ительст]ва, а оборонч[ество] подд[ерживало] его самого. О поддержке вопрос даже не став[ил]ся интернацион[алиста]ми, так как ясно, что мероприятия, которые выдвинуты пролетариатом, им поддерживаются. Это тавтология.

Кугель[13]. Под первым пунктом можно подписаться, также по отношению к правит[ельст]ву. Братание – утопия, его встречают залпами. Я не согласен с указанием, что пролетариат не захватил власть п[отому], ч[то] растерялся. Считаю, что не захватил ее п[отому], ч[то] экономически не был к этому готов. Свержение правительства есть социалистический переворот, а это невозможно, т. к. нет всех экономических предпосылок[а].

С другой стороны, Ленин указывает на нашу слабость, значит, переворот не дело сегодняшнего дня... Переход власти к Совету невозможен, п[отому] ч[то] Советы – власть революции, при установлении республики они упраздняются.

С отрицанием Учред[ительного] собрани[я] совершено не согласен. Национализация земли – опасный эксперимент. Если мы накануне социального переворота, то национализация необходима, если же не созрели экономически, то национализация – даст силу буржуазии, т. к. она будет у власти и в ее руках будет земля.

VIII п[ункт]. Если республика – шаг назад, то зачем же контроль? Или то, или другое. К активной борьбе теперь не призывают, а только к толканию, не к свержению[б].

Горвиц[14]. С пониманием развития российской революции Ленина не согласен и с лозунгами тоже. Напр[имер], братание – что это: целование, бросание оружия, действие организованным ли путем? Это не марксистский способ ликвидации войны, а анархический. К[а]к способ разрешения войны он никуда не годится.

Возможна ли теперь диктатура? При теперешнем экономическом развитии, когда аграрная промышленность наиболее развита, в промышленности капиталистической много кустарничества и мелкого капитала, концентрации крупного капитала еще нет.

Пролетариат должен быть гегемоном не только экономическим, но и политическим. Он должен быть организован, он должен иметь крупный авангард. Массы политически не воспитаны, не подготовлены к организации хозяйства, к предотвращению кризисов продовольствия. Правда, с французской революцией сравнивать нельзя русскую революцию. При особых международных условиях возможен ряд крупных социальных реформ: национализация нефтяной промышленности, железных дорог, муниципализация электрической и др. Но только тогда, когда масса будет готова к этому. В России главная масса населения – мелкобуржуаз-

---

Саша [Горвиц]. Импер[иали]зм получ[ил] новый способ извлекать прибыль из тех поправок на внутреннем рынке насчет исправления всего вреда, принесенного войной. О мире: Если аннексия не мешает развитию международных интересов, то она возможна [Курляндия].

Ватин. В нашей резол[юции] не говор[ит]ся об аннексии. В Циммерва[льд]е о мире без аннексий не говорится. Наша конкретная задача в том, что мы от своего прав[ительст]ва требуем отказа анн[ексий].

Обсуждение тезисов Ленина.

Тезисы Ленина».

Последние пять слов могли быть не протокольной записью, а технической пометкой секретарей, осуществлявших фиксирование прений.

[а] В оригинале вычеркнуты слова, не имеющие отношения к предмету дискуссии и, очевидно, просто технически оказавшиеся ошибочно включенными в текст.

[б] Дальше фраза из семи слов неразборчива и была вычеркнута.

ная, потому реакционная. Дальнейшее развитие революции наметит расхождение между пролетариатом и крестьянством. Оппозиция будет от мелкой буржуазии, крестьянской, городской, от крупной буржуазии, банковской. Советы, к[а]к органы правит[ельст]ва, невозможны, они расколются, т. к. интересы батраков и мелких крестьян разные.

Пролетариату предлагается взять в свои руки банки. Народники это давно указывали. Воспитывать оранжерейный капитализм невозможно.

Ленин призывает к борьбе чуть ли не со всеми с[оциал]-д[емократическими] партиями. А где реальные предпосылки, что мы справимся со своими врагами?

В тезисах ничего не говорится о международной обстановке. Если революция на Западе начнется, многие пункты будут правильные. Но пока этого нет, они неприемлемы.

Практически неподдержка прав[ительст]ва – что это: свержение его? Но масса ведь еще не пропитана сознанием этого. Романовы могли быть сброшены только тогда, когда в сознании всей массы проникла идея об их гнилости.

Об отношении к Учр[едительному] собр[анию] ничего не говорится. Сов[ет] Солд[атских] Деп[утат]ов – нет, нет и батрацких. Да и Сов[еты] Раб[очих] Деп[утатов] стоят не на высоте.

Замена армии всеобщим вооружением – есть роспуск армии по домам[a].

Схема дальнейших прений

Тов. Д. Иткинд[15]. Логичность тезисов. Необходимость расширения программы-минимум. Сокращение длины рабочего дня. К пункту 5: Согласна, п[отому] ч[то] демократическая республика – регресс в сравнении с классовой организацией С[оветов] Р[абочих] и С[оветов] Крест[ьянских] Деп[утат]ов. К п[ункту] 3: Иллюзия поддержка нового Временного правительства.

Контроль над банками вполне возможен. Банки чрезвычайно важны в хозяйственной жизни, а свобода их угрожает демократии. Но тезисы Ленина преждевременны ввиду дезорганизации и неподготовленности масс, несознательности солдат. При социальной революции широкие массы крестьянства не пойдут за пролетариатом. Лозунги Ленина не могут пользоваться популярностью, а при настоящих [условиях] и не подходят к моменту.

Тов. *Ватин*[16]. В тезисах Ленина совершенно не говорится об объективных условиях наступления социализма. Освещение вопроса изолированное, национальное. При удачной социальной революции на Западе возможно развитие русской революции – при помощи Запада. Внутренние противоречия диктатуры пролетариата и крестьянства. В силу необходимости пролетариат будет вынужден ввести социализм. Тезисы Ленина – максимализм. Российская революция показывает всю правильность той тактики, которой придерживалась с[оциал]-д[емократ]ия, т. е. тактики, которая разглядывала революцию как буржуазно-демократическую.

Тов. *Кугель* развивает мысль тов. Ватина и указывает важность интернационалистического освещения.

---

[a] В оригинале вычеркнуты слова: «Прения прерываются».

Тов. *Пятаков* указывает на ряд внутренних противоречий в резолюции Ленина, подчеркивая, что революция может создать переходное государство к социализму при социальной революции на Западе.

Тов. *Горвиц* отмечает реакционность мелкой буржуазии при современном экономическом строе. При революции социальной необходимо, чтобы пролетариат был экономическим гегемоном и в то же время был политически сознателен и организован, ввиду того, что таких предпосылок нет, диктатура пролетариата в России теперь невозможна.

Тов. *Савельев* [Петров] вполне присоединяется к тезисам Ленина и находит, что они в связи с тем, что капитализм зашел в тупик, вполне оправдываются в международной социальной революции.

Принимается резолюция.

ЦГАОО Украины. Ф. 51. Оп. 1. Д. 2. Л. 140–148; Д. 3. Л. 42–45. Частичная публикация в журнале «Літопис революції». 1931. № 4. С. 177–180.

№ 3
Тезисы Ленина[17]

1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К[0] безусловно остается грабительской, империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий не на словах, а на деле; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

[...][a] В виду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, в виду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво и терпеливо разъяснить им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистической войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром *нельзя* без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Б р а т а н и е.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит *в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой

[a] Зачеркнуто неразборчиво написанное слово.

стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни, масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским.

4. Признание факта, что СРД есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам Рабочих Депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентарная республика, – возвращение к ней от СРД было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране снизу доверху.

Устранение полиции, армии, чиновничества.

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Сов[еты] Бат[рацких] и Крест[ьянских] Депутатов.

Конфискация помещичьих земель.

Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными Сов[етами] Батр[ацких] Деп[ута]тов. Выделение беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем Батр[ацких] Депутатов и на общественный счет.

7. Слияние банков.

8. Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны СРД за производством и распределением.

ЦГАОО Украины. Ф. 57. Оп. 2. Д. 56. Л. 1.

№ 4
Из протокола общего собрания Киевской организации РСДРП 15 апреля 1917 г.[18]

Председатель т. Пятаков
Секретарь т. Петров
[...] Тезисы Ленина

Оглашаются тезисы и краткое введение, сделанное т. Лениным (№ 26 «Правды»).

Тов. секретарь знакомит с вынесенной Киев[ским] К[омитет]ом резолюцией: «К[иевский] К[омите]т, выслушав и обсудив тез[исы] т. Ленина, находит их в общем неприемлемыми и остается при прежней своей платформе и резолюции о войне» (Принято 7 голос[ами] против 4-х).

Т[ов]. Петров. Вопрос, выдвинутый т. Лениным, требует подробной дискуссии и разъяснения. У нас всего 3 №№ «Правды», где вопрос обсуждался. Это личные тезисы т. Ленина, а не ЦК. Не надо забывать, что т. Ленин около 20 лет являлся идеологом большевизма, творцом марксистской ортодоксии[а], с такими вопрос[ами] т[а]к скоро покончить нельзя, нельзя так скоро высказаться по столь важному вопросу. Высказался только Комитет, да и то неполно, а собрание не высказывалось. Надо[б] поставить вопрос на обсуждение общ[его] собр[ания].

Т[ов]. Пятаков. Эти вопросы будут поставлены в порядок дня всероссийской конференции. Раз т[а]к, то наша организация должна хоть в общей форме высказать свое отношение к тезисам, что она и делает в оглашенной резолюции К[омите]та. Предлагаю тоже дискуссир[овать], но не обходить вопроса.

Т[ов]. Витштейн. Вопросы настолько важные, что могут изменить в целом отношение тт. к программным вопросам. Необходимо назначить отдельное собрание для рассмотрения тезисов до посылки делегатов.

Т[ов]. Ковтун. Теперь принимать резолюцию по тезисам т. Ленина не имеет смысла, т. к. они еще очень туманны.

Т[ов]. Майоров. Т[ов]. Петров рисует т. Ленина в ребяческом виде (не обдумал, мол, и т. д.). Ленин свои тезисы отстаивает в ст[атьях] в «Правде». Не высказаться по тезисам нельзя, т. к. вопрос серьезен: может образоваться новая коммунистическая партия.

Т[ов]. Лебедев. Пройти молчанием такой важный факт, как тезисы Ленина[в], обойти молчанием невозможно: в них требуется пересмотреть программу, образовать новую партию. Наша организация в своей платформе[г] пришла к определенным выводам по вопросу о текущем моменте. В тезисах Ленина высказываются совершенно противоположные взгляды. Поскольку мы остаемся при нашей старой платформе и резолюции, постольку мы должны сказать, что тезисы Ленина не разделяем. Делегатам на конференцию надо дать наказ в этом смысле[д].

Т[ов]. Иткинд. Не следует забывать действительно, что т. Ленин – вождь партии. Считать, что т. Ленин вернется обратно нет основания: он, верно, хорошо обдумал свои положения. Если он к нам вернется, – мы его примем, если же он отходит, то не приход[ит]ся счит[ать]ся с тем, что он вождь. Т[ов]. Ленин зовет к соц[иали]зму. Теперь к этому нет экономических оснований.

Т[ов].[е] Розмирович. Те тт., которые предлагают принять резолюцию, не обсуждая тезисов, непоследовательны. К[омите]т вынес резолюцию, обсудив тези-

---

[а] Вычеркнуты слова: «Предлагает резолюцию».

[б] Далее вычеркнуты слова: «принять не такое, которое предлож[ено]».

[в] Далее вычеркнуто слово: «пройти».

[г] Далее вычеркнуты слова: «внесла опред.».

[д] Далее вычеркнуты слова: «и в нем».

[е] Далее вычеркнуты слова: «Елена Федор.» и над ними написано «Розмирович».

сы. Но общее собрание не обсуждает их, как же оно может выносить какую-либо резолюцию: делегатам нечего будет сказать о мотивах собрания по резолюции[а]. Поэтому вношу следующее предложение: «Считая вопросы, поднятые в тезисах Ленина, очень важными и сложными, общее собрание Киевс[кой] орг[анизации] РСДРП не находит возможным принять без детального обсуждения определенную резолюцию о своем отношении к ним[б], для чего назначает особое собрание в ближайшие же дни –[в]до или после отъезда делегатов».

Т[ов]. Бош[19]. Наши разногласия с тезисами настолько очевидны, что с поверхностного взгляда видно, что наша платф[орма] коренным образом с ними расходится: т. Ленин находит возможным социалистический переворот, а у нас возможен только демократический переворот. Говоря о социалистическом перевороте, мы поддерживаем контрреволюцию. Тов. Ленин говорит: «Долой Врем[енное] прав[ительст]во», а Киевская организация говорит: мы критикуем Вр[еменное] пр[авительст]во, мы боремся с ним, разоблачаем, но не сталкиваем. Тов. Ленин говорит: «Не Учред[ительное] собр[ание]», а мы требуем Учред[ительного] собрания. Если не выскажемся определенно, если выскажемся расплывчато, то мнение Киев[ской] организации и «Гол[оса] с[оциал-]д[емократа]», вся работа их до сих пор идет насмарку. Поэтому мы должны поддерживать резолюцию К[омите]та. Теперь время настолько серьезное, что придерживаться авторитетов невозможно.

Т[ов]. Михаил. Если принять во внимание, что революция развивается, то, б[ыть] м[ожет], дальновидный т. Ленин будет прав. Сейчас отвергнуть тезисов нельзя. Прав[ительст]во уже теперь ведет себя так, что, б[ыть] м[ожет], придется его свергнуть (отнош[ение] к социалистам-демократам).

Необход[имо] обсудить тезисы[г].

Т[ов]. Шустин. Прежде, чем обсуждать тезисы, надо знать хорошо нашу платформу, а ее не все знают. Второе: в деревне все время спрашив[ают], почему крестьян не организов[ывают]. Батрацких депутат[ов] необход[имо] организовать. Предст[оит] разъясн[ение], что платф[орма] обсужд[алась] на 2 собраниях и опублик[ована] в № 11 «Гол[оса] с[оциал-] д[емократа]».

Т[ов]. Миньчин. Мнение т. Ленина – личное его мнение, каких много. Ставить личное мнение на конф[еренции] невозможно. Если мы отвергли пункт о перер[аботке] программы, то и этот вопрос также отвергнуто. Обсужд[ение] тезисов отложить.

Т[ов]. Зарницын[20]. Собрание не согласилось с мнением т. Петрова о том, чтобы не обсуждать тезисов на собрании. Оно высказалось за то, чтобы обсудить тезисы. Указывалось на важность затронутых т. Лениным вопросов. Но новые ли это вопросы? Общее собрание уже их обсуждало и вынесло свое отношение

[а] Далее вычеркнуты слова: «Предложение: Читает».

[б] Дальше вычеркнуты слова: «В ближ. дни назначить общее Собрание для обсужд. тезисов по существу».

[в] Вычеркнуты два слова, которые невозможно прочесть.

[г] Дальше в оригинале протокола вычеркнуты записи выступлений Шустина и Миньчина, хотя каких-либо причин для такой «операции», проведенной , очевидно, не в момент создания протокола, а позднее, нет, и их трудно предугадать. Поэтому в данной подаче вычеркнутое сохранено.

к платформе и резолюции. Т[ов]. Ленин наш идеолог, но это не значит, что надо с благоговением относиться к каждому его слову. Рабочий класс не настолько организован, чтобы взять власть в свои руки. Единственная резолюция, которую К[омите]т мог вынести, это та, которую он уже вынес в своей платформе.

Т[ов]. Петров указывает, что многие тт. здесь были недобросовестны, указывая, что Ленин против Учредит[ельного] соб[рания]. Он оглашает из «Правды» место статьи Ленина (посл[едние] столбцы). Протестует против того, чтобы не обсуждать на собрании тезисов. Приводит место из платф[ормы], указывая на то, что оно сход[ит]ся с т[очкой] зр[ения] Ленина.

Т[ов]. Пятаков. В нашей платформе говорится определенно, что мы сейчас не идем к социализму, а т. Ленин зовет к захвату власти, т. Ленин все-таки против Учр[едительного] собр[ания], говоря что оно шаг назад (в чем он прав, между прочим); но для нас ясно, что сейчас мож[ет] быть только Учред[ительное] собрание, а не Республика Советов Р[абочих], С[олдатских] и Б[атрацких] Депутатов.

Т[ов]. Гальперин[21]. От т. Пятакова мы впервые услыш[али], почему К[омите]т отверг тезисы Ленина. Но его указания показывают, что расхождение не так глубоко: 1) т. Бош сказала, что мы критикуем прав[ительст]во. Что это значит? Критикуем для того, чтобы его сбросить... Если на съезде выскажутся за свержение прав[ительст]ва , будем ли мы бороться с этим? 2) контроль над производст[вом] сейчас уже осуществлен (хлебная монополия и др.). Предлагаю в следующий раз обсудить тезисы.

Т[ов]. Горбачев. Т[ов]. Ленин призывает к социальному перевороту. Есть ли для этого экономические основания? Нет. Человеческая рука не движет историю. Экономических же предпосылок нет. Я согласен с резол[юцией] К[омите]та и предлагаю ее принять.

Т[ов]. Бернфельд. Не понимаю поспешности К[омите]та, когда некоторые тезисы, б[ыть] м[ожет], так близки нам, когда война, б[ыть] м[ожет], ведет нас к социальной революции и т. Ленин может оказаться правым[а]. Никто не может отрицать, что если крестьяне выскажутся за конфискацию земли, то это приближает нас к экспроприации всех ценностей вообще. Когда Ленин говорит, что надо сбросить изменническое прав[ительст]во, в это время с[оциал]-д[емокра]ты топчутся на месте, боясь этого революционного акта.

Принимается[б] резолюция т. Розмирович[в].

Прин[имает]ся новое предлож[ение]: опубликов[ать] предлож[енные] тезисы Ленина в «Гол[осе] с[оциал]-д[емократа].» в ближайшем номере.

6) Выборы канд[идатур] делегатов.

К[омите]т выдвигает 4 кандидатуры.

Пожелание: кажд[ый] кандид[ат] должен сказ[ать], согласен ли он с резол[юцией] и платф[ормой] К[омите]та.

Избраны:

Пятаков – 215 голосами

[а] Дальше вычеркнуты слова: «т. Ленина свод[ится] к тактике».

[б] Дальше над вычеркнутыми словами «предложение Елен. Федор.» написано: «резолюция Розмирович».

[в] Конец протокольной записи вычеркнут, однако восстановлен в данной публикации, как имеющий содержательную информационную ценность.

Горбачев – 170 –"-
Петров – 167 –"-
Майоров – 162 –"-
7. Внеочередное заявление т. Крейсберга.

ЦГАОО Украины. Ф. 51. Оп. 1. Д. 3. Л. 43об.–46.

№ 5
Протокол общего собрания Киевской организации РСДРП 19 апреля 1917 г.[22]

Председ[атель] т. Пятаков. Секрет[арь] т. Крейсберг
Порядок дня:
Заявление К[омите]та.
Тезисы Ленина.
Перевыборы делегатов на конференцию.
День печати.

Предлаг[ает]ся К[омите]ту послать телегр[амму] протеста английскому посольству по поводу задерж[ки] тт. Троцкого[23], Чудновского[24] и др.[a]

Заявление Киев[ского] к[омите]та оглашается.

Предлагает назыв[ать] канд[ида]тов в новый врем[енный] ком[ите]т.

Горбачев предлагает раньше обсудить тезисы Ленина, а потом выбирать.

Т[ов]. Гальперин. Не находит никакого расхождения между Ком[ите]том и общим собр[анием]. Резол[юции] К[омите]та были отвергнуты п[отому], ч[то] для об[щего] собр[ания] не были ясны мотивы резолюции. Поэт[ому] преждевр[еменно] было подавать в отст[авку].

Т[ов]. Пятаков. Тезисы не обсужд[ались] на общем собр[ании], п[отому] ч[то] было мало времени до выборов делегатов на конференцию. Поэт[ому] К[омите]т и предложил свою резолюцию о тезисах Ленина. Если же общ[ее] собр[ание] не согласно на эту резол[юцию], то оно недоверило К[омите]ту без обсужд[ения] на общ[ем] собр[ании] выносить резолюцию. Другими словами, общ[ее] собр[ание] разошлось с К[омите]том, почему он и уходит в отставку. Поэт[ому] Ком[ите]т счел необход[имым], чтобы общее собр[ание] определилось, выяснило свое отношение и выбрало новый Ком[ите]т.

Т[ов]. Зарницын. На общ[ем] собр[ании] одни и те же лица голос[овали] за т. Петрова и т. Пятакова. Этим самым они не поняли, что намеч[ает]ся новая линия политич[еская]. Но сейчас собрание не в полном составе и выбрать К[омите]т не может. Поэтому предлаг[ает], чтобы К[омите]т остался временно – до тех пор, пока организ[уют]ся районы и будет постоянный К[омите]т.

Т[ов]. [...][б] К[омите]т сам виноват во всем случившемся: он должен был поставить перед общ[им] собр[анием] тезисы на обсуждение.

---

[a] Начало протокольной записи с порядком дня и предложением послать телеграмму протеста английскому посольству позднее перечеркнуты, но сохранены в данной документальной публикации.

[б] В тексте остались незаполненными скобки, т. е. фамилия выступавшего в дискуссии.

Т[ов]. Крейсберг. Дело вовсе не в тезисах. Дело в поступке т. Петрова, котор[ый] голосовал за платф[орму], а потом выступил против нее. А общ[ее] собр[ание] выбирало одними и теми же голосами т. Петрова и стоящих на противоположн[ой] т[очке] зр[ения][а].

Т[ов]. М. Иткинд. Предлагает отложить вопрос об отставке до после обсуждения тезисов Ленина.

Предложение принимается 152 голосами против 108.

[б] Тезисы Ленина.

Поступает предложение выяснить общему собранию, по каким соображениям К[омите]т вынес резолюцию, отвергающую тезисы.

Председатель объясняет, что К[омите]т не счел возможным назначить от себя докладчика.

Предлагается огласить снова тезисы.

Председатель читает тезисы.

Т[ов]. Пятаков[в]. Говорит о передаче власти СРД и ССД – это уже диктатура пролетариата, она невозможна при капитализме, 2) сам Ленин говорил, что невозможно введение социализма по кусочкам, 3) Каутский[25] еще в бытность революц[ионным] с[оциал]-д[емократ]ом высказался тоже против введения социализма по кусочкам.

Т[ов]. Кугель. т. Ленин неправ постольку, поскольку он не учел объективных и субъективных предпосылок. Мы исходим из того, что данный переворот буржуазно-демократический, а Ленин принимает его за социалистический переворот. Если СРД не захватил власти, то, по мнению Ленина, потому, что испугался. Между тем Ленин сам доказывал в 1905 г., что захват власти еще невозможен. Мы, конечно, не можем доверять прав[ительст]ву. Но пока мы его терпим: страна еще аграрная. Пролетариат еще субъективно не подготовлен к господству. Если бы он взял в свои руки власть, революция была бы проиграна. Т[ов]. Ленин говорит о свержении прав[ительст]ва. Но прав[ительст]во опирается на СРД. Значит, надо свергнуть СРД. Не доверяя правительству, не мы его поддерживаем, а требуем от него поддержки нам: вооружение народа и т. д. Это нам нужно для завершения буржуазно-демократической революции.

По поводу войны: т. Ленин прав, где говорит, что правительство в силу своей природы не может отказаться от захватных стремлений. Если Запад уже, быть может, готов к социал[истической] революции, то этого отнюдь нельзя сказать о России. Т[аким] обр[азом], т. Ленин неправ, ибо не учел объективных и субъективных предпосылок своих тезисов. В одном из тезисов он говорит о захвате власти пролетариатом, в другом – «не введение социализма». Отчего же в Питере рабочие отказались взять один из заводов в свои руки, когда администрация его разбежалась? Потому, что социализма по кусочкам вводить нельзя.

[а] Далее в протоколе вычеркнута фраза: «Имеется 2 предлож[ения]: выбирать К[омите]т и отложить выборы».

[б] Над пунктом 2 протокола собрания «Тезисы Ленина» позднее вставлена надпись «Собрание К[иевской] О[рганизации] РСДРП. 19 апреля».

[в] Позже внесена правка: «Должен отметить: В тезисах 1) [Говорит]ся».

Т[ов]. Петров (солдат). Оглашает места из ст[атьи] Зиновьева[26] в № 28 «Правды», которая, по его мнению, оправдывает тезисы Ленина. Предлагает следующую резолюцию: «Считая тезисы Ленина вполне обдуманными и прочувствованными, мы, как работники большевизма, должны стараться проводить их в жизнь, уничтожив некоторые их шероховатости. Именно, к СРД и ССД нужно по всей России создать Сов[еты] Кр[естьянских] и Батрацких Депутатов и соединить их в единое целое, создав, н[а]пр[имер], Исполнительный Комитет всех Сов[етов] Раб[очих], Солд[атских], Крест[ьянских] и Батрацк[их] Деп[утат]ов. Упразднить название «армия» и заменить названием «народная милиция» и «действ[ующая] армия» – «действующая милиция» и тем способствовать соединению армии с народом. Временное правит[ельст]во должно находиться под контролем Исп[олнительного] Ком[ите]та Всероссийского Сов[ета] Раб[очих], Крест[ьянских], Солд[атских], Батр[ацких] Деп[утат]ов. Немедленно требовать на Всероссийск[ом] съезде, чтобы по возвращ[ении] со съезда во всех городах России Советы организовали боевые дружины для закрепления полной свободы».

Т[ов]. Терентьев. Если всмотреться в совершившееся, то кажется, что Ленин прав. Но это не так. Если всмотреться, в чьих руках сейчас власть, то увидим, что она фактически в руках СРД, а правит[ельст]во только проводник распоряжений СРД. Врем[енное] пр[авительст]во – только комиссия при СРД. Ленин дает этому явлению только новое название. Это излишне. Причина того, что Ленин разошелся с русской с[оциал-демокра]тией в том, что жил вдали от русской жизни, наблюдал высокое развитие капитализма на Западе и не знает жизни русских берлог, русской жизни в целом.

Принять ленинские тезисы теперь мы не можем. Если бы он появился после того, как мы осуществили программу-минимум, тогда другое дело.

Т[ов]. Янковский. Главный вопрос, затронутый в тезисах, – отношение к Врем[енному] прав[ительст]ву: «Никакой поддержки» и т. д. Можем ли мы, однако, сейчас сбросить пр[авительст]во? Нет, п[отому], ч[то] свергнув пр[ительст]-во, захватив власть в свои руки, пролетариат должен ввести социализм. Однако экономически переход к социализму невозможен: крупная промышленность не развита, земледелие еще в первобытном состоянии.

Т[ов]. Горбачев. Выдвигая лозунг, надо его провести в жизнь. Можем ли мы сделать это с тезисами Ленина? Нет. Во время Французской революции [18]48 г. прав[ительст]ва менялись, как перчатки. У нас будет то же. Голод, безработица и др. факторы, которые будут выдвинуты после войны. Если пролетариат возьмет власть, то он берет гл[авную] ответственность на себя, т. е. уладить и эти бедствия. Он не может еще справиться с такой задачей, иначе он будет низвергнут той волной, которая вернется с фронта, как был низвергнут пролетариат во время французской революции.

Дальше. Есть ли в деревне зародыши государства-коммуны? Нет, конечно. Даже лозунг национализация земли не может пройти, будет наоборот, дележ земли неизбежен. Где же тут говорить о коммуне?

Т[ов]. Каблуков. На первом пункте останавливаться не приходится; мы все сходимся на оценке характеристики войны. Что же касается правит[ельст]ва, то, конечно, поддерживать пр[авительст]во не приходится. Если понадобится, то его нужно будет, быть может, и сместить и заменить революционным. Относительно

аграрной программы Ленина можно сказать, что при развитии революции, б[ыть] м[ожет], ее и можно будет провести[а].

По предложению собрания прерывается обсуждение тезисов для выборов К[омите]та, выслушания доклада делегато[в] на областное совещание и заявление о дне печати.

Вносится предложение:

«Общее собрание, выслушав заявление врем[енного] Комитета о сложении своих полномочий, выражает К[омите]ту полное доверие как своему идейному руководителю и предлагает сохранить свои полномочия впредь до того времени, когда окажется возможным выбрать постоянный Комитет».

За предлож[ение] голос[ует] 221 член, против 6, при воздержавшихся 22 + весь Комитет.

За конец резолюции голосуют 134 члена.

За то, чтобы К[омите]т остался до конца выяснения тезисов Ленина, голосовало 81 чл[ен].

К[омите]т удаляется для совещания.

Слово предоставляется делегату от Киев[ской] организ[ации] т. Е.Б. Бош для доклада и оглашения принятых на совещании[27] резолюций.

Задаются вопросы.

К[омите]т согласился исполнять свои обязанности до конца обсуждения тезисов Ленина. Но свое заявление об отставке не снимает.

Следующ[ий] вопрос: выборы делегатов на конференцию.

3 делегата (Пят[аков], Горб[ачев] и Майор[ов]) отказ[ывают]ся вместе с т. Петров[ым] представлять мнение Киев[ской] орг[анизации], когда т. Петров, как и те 3, будет представлять мнение не меньшинства, а большинства.

Т[ов]. Петров из Гомеля прислал телегр[амму], что по делам партии срочно выехал в П[етрогра]д. Т[аким] обр[азом], и его приходится переизбрать[б].

Оставлены: тт. Пятаков, Горбачев, Майоров. Доизбирается т[...][в]

ЦГАОО Украины. Ф. 51. Оп. 1. Д. 3. Л. 103–106.

Примечания

[1] Черновик и переписанный начисто (оба документа не закончены) сверенные варианты протокола. Хранятся в ЦГАОО Украины (Ф. 51. Оп. 1. Д. 2. Л. 106–112, 114–125, 127–138; Д. 3. Л. 33–34об., 36–41об.).

Публикация по чистовому варианту: Літопис революції. 1931. № 4. С. 173–175.

[2] *Пятаков Георгий Леонидович* (1890–1937) – профессиональный революционер, член большевистской партии с 1912 г., в 1917 г. председатель Киевского комитета РСДРП(б),

[а] Три следующих абзаца протокола перечеркнуты, судя по всему, не в момент создания документа, а несколько позже. Однако, в данной подаче они сохранены, поскольку являются органичной частью проводившейся дискуссии.

[б] Далее в протоколе вычеркнуто слово «избраны».

[в] Черновик протокола обрывается. Доизбранной оказалась Е.Б. Бош – секретарь Окружного комитета РСДРП Юго-Западного края.

член Киевского Совета рабочих депутатов, позднее председатель Исполкома Киевского Совета рабочих депутатов.

[3] *Крейсберг Исаак Миронович* (1882–1919) – член большевистской партии с 1914 г., в 1917 г. секретарь Киевского комитета РСДРП(б), член Исполкома Киевского Совета рабочих депутатов.

[4] *Савельев (Петров) Максимилиан Александрович* (1884–1939) – член большевистской партии с 1903 г., в 1917 г. агент ЦК РСДРП (представитель Бюро ЦК РСДРП) в Киеве, член Киевского комитета РСДРП(б), секретарь Киевского Совета рабочих депутатов.

[5] Часть протокола, относящаяся к докладу М.А. Савельева (Петрова) о Мартовском партийном совещании, не воспроизводится.

[6] *Стеклов (Нахимкис) Юрий Михайлович* (1873–1941) – член РСДРП. Во время Февральской революции член Исполкома Петросовета. Занимал позицию революционного оборончества.

[7] Документ воспроизводится по черновой записи дискуссии, состоявшейся 9 апреля 1917 г. (ЦГАОО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 3. Л. 42–45об; Д. 2. Л. 140–148). Публикаторы документов Киевской организации РСДРП, кроме приводимой записи, поместили чистовой протокол за эту же дату: «5. Обсуждение «тезисов» т. Ленина. После долгих прений обсуждение переносится на следующее собрание» (Літопис революції. 1931. № 4. С. 176).

[8] *Горбачев Емельян Григорьевич* (1892–1965) – член большевистской партии с 1910 г. Рабочий – слесарь. В 1917 г. член Киевского комитета РСДРП(б), член секретариата Центрального бюро профсоюзов Киева, секретарь профсоюза металлистов.

[9] *Розмирович Елена Федоровна* (1886–1953) – профессиональный революционер, член большевистской партии с 1904 г., в 1917 г. – представитель Бюро ЦК РСДРП(б) в Киеве.

[10] *Лебедев Николай Николаевич* (1887–1919) – член большевистской партии с 1911 г., в 1917 г. член Киевского комитета РСДРП(б), один из соредакторов печатного органа киевских большевиков газеты «Голос социал-демократа».

[11] *Майоров (Биберман) Михаил Мусеевич (Моисеевич)* (1890–1938) – член большевистской партии с 1906 г., в 1917 г. член Киевского комитета РСДРП(б), член Киевского Совета рабочих депутатов.

[12] *Ицковский* – видимо, член Киевского комитета РСДРП(б).

[13] *Кугель М.Я.* – член Киевского комитета РСДРП(б) и Центрального бюро Совета профсоюзов Киева.

[14] *Горвиц Александр Борисович (Саша)* (1897–1918) – член большевистской партии с 1915 г., в 1917 г. член Киевского комитета РСДРП(б), член Исполкома Киевского Совета рабочих депутатов.

[15] *Иткинд Дора Иделевна* (1899–?) – член большевистской партии с 1905 г., в 1917 г. член Киевского комитета РСДРП(б), член Исполкома Киевского Совета рабочих депутатов.

[16] *Ватин (Быстрянский) Вадим Александрович* (1886–1940) – член большевистской партии с 1907 г., в 1917 г. член Киевского комитета РСДРП(б), редколлегии газеты «Голос социал-демократа».

[17] Оригинал листовки в 30-е гг. XX в. экспонировался в киевском Музее революции, в годы фашистской оккупации вместе с фондами музея был вывезен в Германию. После Великой Отечественной войны возвращен на Родину и короткое время помещался в экспозиции Государственного исторического музея (г. Киев). Из-за ошибочного решения сотрудников музея, якобы документ изготовлен на обычной пишущей машинке, количество экземпляров которого ограничено единицами, экспонат, как простая машинописная копия, был снят с выставки и переведен в запасные фонды учреждения. В 1977 г. при тщательном изучении оригинала документа, в том числе соответствующем заключении Института судебно-медицинской экспертизы УССР, учеными-историками было доказано, что сохранившийся документ отпечатан на одном из аппаратов множительной техники (скорее всего на гектографе), что позволило предположить о значительном количестве изготовленного

для широкого распространения тиража, то есть он является листовкой. Поэтому документ был передан в Партийный архив Института истории партии при ЦК Компартии Украины – филиала ИМЛ при ЦК КПСС, соответствующим образом зафондирован и ныне находится на хранении в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины (Ф. 57. Оп. 2. Д. 56а. Л. 1).

Воспроизводимый документ, по сравнению с текстом в «Правде» (1917–7 апреля № 26) и Полном собрании сочинений В.И. Ленина (т. 31. С. 113–116), не содержит вступительной и заключительной частей ленинского произведения, 9 и 10 тезисов, а некоторые сокращения, не влияющие на содержание восьми тезисов, по-видимому, были сделаны с целью вместить публикацию на одной странице. Отмеченное, думается, является дополнительным свидетельством того, что листовка была изготовлена из записи документа М.А. Савельевым (Петровым) и отпечатана до появления номера газеты «Правда» с текстом произведения В.И. Ленина «О задачах пролетариата в данной революции», в Киеве.

Публикуется впервые.

[18] Документ представляет собой черновую, рукописную, частично исправленную (главным образом продолжено написание первоначально сокращенных слов) запись неподписанного протокола общего собрания РСДРП(б) 15 апреля 1917 г. (Ф. 51. Оп. 1. Д. 1. Л. 42–43; Д. 3. Л. 50–54, 64–66). Отдельные краткие фрагменты документа процитированы составителями.

[19] *Бош Евгения Богдановна (Готлибовна)* (1879–1925) – профессиональный революционер, член РСДРП с 1901 г., большевик с 1903 г., в 1917 г. член Киевского комитета РСДРП(б), секретарь Окружного комитета РСДРП(б) Юго-Западного края.

[20] *Зарницын М.П.* – большевик, журналист, член редколлегии газеты «Голос социал-демократа», член Центрального бюро Совета профессиональных союзов г. Киева.

[21] *Гальперин Р.В.* – большевик, член Киевского Совета рабочих и Совета военных депутатов, гласный городской Думы.

[22] Воспроизводится черновая, поправленная (характер внесенных правок свидетельствует о том, что сделаны они не сразу, а через определенное время, очевидно, с целью подготовки к публикации) протокольная запись общего собрания Киевской организации РСДРП 19 апреля 1917 г. (ЦГАОО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–14; Д. 3. Л. 103–106). Отдельные фрагменты документа кратко процитированы в издании «1917 год на Киевщине. Хроника событий» (С. 43–44).

В целостном виде документ публикуется впервые.

[23] *Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович* (1879–1940) – профессиональный революционер. Член РСДРП с 1902 г. Меньшевик. В мае 1917 г. возвратился из эмиграции в Петроград, в августе в составе организации «межрайонцев» принят в РСДРП(б).

[24] *Чудновский Григорий Исаакович* (1890–1918) – деятель революционного движения. Член РСДРП(б) с 1917 г. Участник Октябрьской революции (Петроград), член ВРК, ВЦИК. Погиб в бою.

[25] *Каутский Карл* (1854–1938) – один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и Второго Интернационала, идеолог центризма, социал-шовинист.

[26] *Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич* (1883–1936) – профессиональный революционер. Член РСДРП с 1901 г. С 1903 г. большевик. В 1917 г. член Бюро ЦК РСДРП и редакции газеты «Правда».

[27] Речь об Окружном совещании РСДРП Юго-Западного края 15–17 апреля 1917 г.

«Радостного ничего не было, но не было ничего и буйного»

Впечатления и размышления профессора Московской духовной академии А.Д. Беляева. Апрель 1917 г.

Читатели «Исторического архива» уже знакомы с дневником Александра Дмитриевича Беляева (1849–1919) – профессора Московской духовной академии, относящиеся к январю–марту 1917 г.[1] Дневник хранится в Научно-исследовательском отделе Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). В данном номере мы продолжаем публикацию его дневниковых записей, относящихся к апрелю этого судьбоносного в истории России года. Они сделаны чернилами и карандашом в толстой тетради. Почерк А.Д. Беляева сложный, к тому же местами текст выцвел, в нем множество сокращений, что дополнительно делает затруднительным его расшифровку. А.Д. Беляев увлекался метеорологией, а потому записи каждого дня начинаются с указания разнообразных сведений о погоде и природных явлениях (в публикации они опущены). Для удобства чтения, в отдельных местах громоздкий авторский текст публикатор разбил на смысловые абзацы. Везде раскрыты сокращения, устранены описки и ошибки, в квадратные скобки вставлены пропущенные слова. Фрагменты нерасшифрованного текста указаны.

Дневник воспроизводится в соответствии с современными нормами русского языка, с сохранением особенностей авторского стиля. Некоторых из упомянутых в Дневнике лиц установить не удалось.

Публикацию подготовил доктор исторических наук М.И. ОДИНЦОВ.

* * *

1917 г. Апрель

1 [апреля] Великая Суббота

Слышал торжественный благовест к утрени. Не хотелось вставать и пойти. Жаль!

Обедню в соборе служил митрополит[1]. Пели, конечно, хорошо.

2 [апреля]. Светлое Христово Воскресение

С 8 часов колокольня великолепно иллюминована, ярко блестит в темноте. Вечером пошел дождь и, перерывами, поливал и ночью сильно. Я шел к утрени в дождь, по мокроте, текли ручьи. В соборе утреню служил митрополит. Пели неважно. Хорошо только то, что троекратное «Христос воскресе» после каждой песни пели сослужащие, а им подтягивали и молящиеся. Вышло живое пение и громкое. Отошла утреня в 1 ч. 35 мин. Я пошел в Духовскую церковь. Там было

[1] См.: «Печально что-то и страшно». Впечатления и размышления профессора Московской духовной академии А.Д. Беляева. Январь–март 1917 г. / Публикатор М.И. Одинцов. Исторический архив. 2007. № 5. С. 3–38.

ярко освещено в алтаре, а в церкви мерцали лампадки, была успокаивающая, располагающая к молитве полутемь, тихо, чистый воздух. Я занял удобное место и даже повернул от сторожа скамеечку, с которой он зажигал лампадки. И очень удобно, и покойно уселся в уголке. Главный из трех иеромонахов с приятным баритоном произносил возгласы очень выразительно. Пели трое, или двое монахов складно «Херувимскую», «Милость мира» и в запричастный «Радуйтеся людие и веселитеся» пели даже партесные композиции. «Радуйтеся людие» напомнило мне детство, когда пели эту стихиру в Раненбурге[2], у вечерни в первый день. Я молился от души и не чувствовал усталости, хотя днем в субботу и не спал. Тесноты не было, но была полна церковь. Духоты никакой. Ведь свод высокий. Да и народу в этой церкви до утрени, по-видимому, на ночлеге не было, – не то, что в соборе или в Трапезной. Кончилась обедня почти в 3 часа. Когда я возвращался домой малый дождь шел минуты 3–4, но была большая сырость под ногами. Тепло. При окончании обедни в соборе около 3 часов раздался удар грома, один умеренной силы. Были Вознесенские певчие, пели концерт Бортнянского[3] «Сей день», его же «Сотвори Господь».

Пришел А.М. Туберовский[4] и завтракал. Священник с крестами теперь ходят пешком, как и святками, в Крещенье и в престольные праздники, т. к. извозчики берут десятки рублей.

Вечером Всенощную службу служил митрополит.

3 [апреля]

Обедню в соборе служил митрополит Макарий и Федор[5]. «Христос воскресе» в начале обедни, в запричастный и в конце пели из народа, какие-то женские голоса и мужские, очень стройно и приятно.

Всенощную служил наместник. Певчие отлично пели громко и радостно «Да воскреснет Бог», но великие прокимны пели просто, а не так возвышенно и великолепно, как в прошлые годы.

Я стоял возле правого клироса и видел, как все-таки много труда певчим пропеть пасхальную всенощную. Несмотря на то, что труд хора разделяют правый клирос и служащие в алтаре. Нет чтения, а только пение и пение. Когда берутся высокие ноты сопрано, то кажется, что и мальчикам, их горлу, трудно.

4 [апреля]

От А.М. Туберовского я узнал, что сюда приехали пять ректоров семинарий к митрополиту Макарию просить его взять свою отставку назад, потому что они желают опереться на него в своей [...][a] по случаю забастовок и бунтов, начавшихся среди семинаристов их семинарий.

Митрополит поехал служить к Черниговской, и был звон около 8 часов утра. Встретившийся на улице Н.Л. Тупицкий опять приглашал меня баллотироваться в ректоры.

Ныне у всенощной пели только монахи, без мальчиков.

[a] Слово неразборчиво.

5 [апреля]

Уволен правительством инспектор Гвардии в[еликий] к[нязь] Павел Александрович[6] и инспектор кавалерии в[еликий] к[нязь] Михаил Александрович[7]. Трусость, боятся их оставлять в армии.

В Ташкенте рабочие и иже с ними самовольно подвергли домашнему аресту генерала Куропаткина[8], начальника его штаба и еще несколько начальников. Каков произвол-то! Не правительство, а солдаты и рабочие, забравшие власть, арестовывают генерал-губернатора и главнокомандующего обширной областью. Может ли при таких порядках быть строгая дисциплина среди военных. Комиссаром в Туркестане с правами генерал-губернатора назначен Н.Н. Щепкин[9]. Посмотрим, что будет?

6 [апреля]

На галерее днем слушаю звон, посматривая в английскую книжку, лежа на постели или прохаживаясь по галерее. Утешает пасхальный звон лучше всякой музыки, не требуя напряжения слуха и внимания, и в этом он лучше музыки.

7 [апреля]

В САСШтатах принят Сенатом военный заем в 7 миллиардов долларов.

Будто бы вчера арестовали наместника Кронида[10] и причем за то, что в лаврской типографии печатали брошюры об антихристе. Вот какова она свобода-то!

Ныне он служил всенощную. Вот и верь разным слухам в теперешнее время. В здешнем Электро-театре Модерна и художественном идет «Смерть Гришки Распутина» в 4 актах: 1) грехопадение; 2) за кулисами благоверия; 3) о чем молчали; 4) смерть Гришки. Акционерное общество «Либкин» (жиды) наживается на этих сенсациях.

8 [апреля]

Из газет видно, что митрополит Макарий, епископ Федор и наместник Кронид были подвергнуты домашнему аресту в течение 8 часов, в ночь на 6 апреля (стоял офицер у дверей квартир), т. к. рабочие, освидетельствовавшие лаврскую типографию, нашли воззвание набранное, но не напечатанное, Макария к епископам, чтобы они своим содействием вернули ему кафедру. Московский комиссар велел снять арест и арестовал Королева[11]. В последние два дня в Лавре за богослужением стали поминать Иоасафа[12], а до этого поминали Макария, как митрополита Московского и Коломенского.

Министр народного просвещения издал распоряжение, что учащиеся в петроградских гимназиях после Пасхи могут и не приезжать, и будут переведены по годовым отметкам. Не желают иметь в Петрограде лишних ртов, а, может быть, действительно, Петрограду угрожает нашествие германцев. Да и не до учения в Петрограде в настоящее время, когда нервы неспокойны.

Ныне часть 29 полка ушла на фронт. На площади монастыря служили им молебен. Учились на светлой неделе по утрам, да, кажется, и после обеда. С музыкой провожали.

9 [апреля]

В обоих синематографах вчера шла драма «Гришка Распутин – позор Дома Романовых» в 4 актах: 1) Распутин найден (будочники вытащили его из воды); 2) Распутин и Александра[13]; 3) Николай[14] и балерина; 4) Я так люблю цветы.

Позор одной царицы не позор всего Дома. Поэт Константин Константинович[15] и вся его семья ни при чем. Великие князья Николай Николаевич[16], Николай Михайлович, Михаил Александрович, царица-мать[17] и прочие не принимали участия в позоре, а были даже оттолкнуты из-за Распутина от царя. А Дмитрий Павлович[18] даже убил его и подвергся высылке в армию в Персию. Жиды орудуют в России, проклятые жиды!

В пятницу на Светлой неделе, 7 апреля, под председательством исполняющего должность [ректора] Илариона[19] с 12 до 5 часов было заседание общего собрания профессоров, на котором московских почти никого не было, а из здешних не было Глаголева[20].

Обсудили временные правила Синода и пожелания Думы об академической автономии.

Ректора выбирал совет бессрочно, в духовном сане.

Собрание положило: духовный сан предпочтителен, не обязателен, на 3 года выбирается.

Академия – учено-учебное заведение. Понятие «воспитанника» опущено, тоже «проректор», но не «инспектор».

Пожелания Государственной думы: 1) принимать без экзаменов 1 и 2 разрядов семинаристов; 2) на четырех курсах может быть не меньше 600 студентов, по 150 на курсе. Глупое пожелание, 2 разряд ни при чем, нужно принимать по экзамену, иначе уровень академического образования понизится. Для бездарных учение в высшей школе бесплодно. При множестве учащихся трудно профессорам оценить их, например, через чтение семестряков,

Федор на Пасхе не был, обретался в Параклите, а, сдавши Академию Илариону, куда-то уехал, а, может быть, таится в том же Параклите. Как студенты-то сурово отнеслись к нему: профессоры не выживали немедленно, могли бы и докончить учебный год, ведь осталось один, полтора месяца. Но студенты угрожающе потребовали, чтобы немедленно убирался. Молодежь жестока. На сходке один студент даже закричал: «Дайте мне револьвер, и я пойду убью его». Вот как озлобил иных студентов Федор. А осенью говорил: «Я уходить из Академии не собираюсь». Вот тебе и «не собираюсь уходить». Заставили уйти и причем немедленно.

10 [апреля]

Поколол дров, написал ответное письмо в Нижний Тихвинскому И.И. В Нижнем толпа срывала царские портреты и вензеля. Вот как народ озлоблен, и все напакостила проклятая германка, предательница, злодейка русскому народу, иссенская муха, севшая на ея.

Один лавочник говорит: «А что, если митрополит проклянет тех, которые его удалили с места?». Значит, есть еще люди, которые высоко ценят епископа и его церковную силу, и силу веры.

11 [апреля]

Кое-что писал, а утром поколол дров малость. Из газет узнал, что в Фомино воскресенье здесь был обер-прокурор. С ним приезжал Н.Д. Кузнецов[21]; будто бы разузнавали о воззвании Макария. Кронид оказался непричастен, вдохновителем дела признают Феодора, делавшего правки. Его не допрашивали, так как он уехал в Москву. В газете наврали, будто Макарий говорил проповедь. Вранья в газете невпроворот, тенденциозная злонамеренная ложь.

12 [апреля]

Ныне я выставил две рамы в гостиной. Колол дрова. Разбирал по рангам записки. Со времени переворота биржевые бюллетени не печатаются. Вероятно, биржевые ценности понизились.

13 [апреля]

Вдруг похолоднело, еще до ветра, а буря увеличила холод, и пошел снег, покрывший землю в саду на палец толщиной.

В газетах назначение Макария митрополитом приписывают Распутину на основании книги Илиодора[22] о Распутине.

14 [апреля]

Раскладывал записки и вырезки по меткам-рангам. Утром колол дрова. Вчера и ныне зд.мч[а]. Неприятное состояние, и всегда по ночам и утром, особенно при холоде в комнате, а тут мысли [...][б] влияли еще на [...][в].

15 [апреля]

Адвокат Грезенберг[23], жид, назначен членом Государственного совета. Это первый жид, вступивший в Государственный совет. Недолго спустя жидов там окажется несколько, а по времени – множество. Если кому, то жидам эта «свобода» – манна небесная. Они потирают руки: как мы обделали дураков.

16 [апреля]

Ленин[24] в Петрограде с балкона Ксешинской призывает слушателей к грабежу богачей, и правительство его не арестует; а приверженцев монархии арестовывает без их выходок даже в пользу прежнего правления, из подлого страха что ли, или под давлением рабочих – этих хамов. В Английском клубе в Москве недавно приехавшие социалисты, двое – француз и англичанин – с такой силой подчеркнули, – первый – присоединение Эльзаса и Лотарингии к Франции, а второй – борьбу Англии до победного конца, причем он с львиной мощью упирал на слово «Англия», что рабочие Москвы с вожаком их Хинчуком[25] растерялись. Ведь это не в бровь, а в глаз против их требования не воевать совсем или воевать без требования аннексии и контрибуции. А недавно расхваливали ум, находчивость и распорядительность Хинчука как руководителя прениями. Кто теперь в России

[а] Так в тексте.

[б] Слово неразборчиво.

[в] Слово неразборчиво.

упоминает имя России как великого и нераздельного целого? Помешались на слове «свобода», а в Англии даже социалист с мощной гордостью говорит только об Англии как о державе!

17 [апреля]

Вместо ежедневного приходского листка теперь издается, как приложение к церковным синодальным Ведомостям, Всероссийский церковно-общественный вестник, под редакцией Петроградской духовной академии, тоже ежедневный, обязательный для церкви. Редактор – Титлинов[26]. Наш девиз: «Свободная церковь свободного народа». Газета либеральная. По-видимому, и печатается в синодальной типографии, потому что адрес: «Кабинетская». И этот орган ругает Синод в теперешнем его составе, что он ничего не сделал за полтора месяца настоящего кипучего времени.

18 [апреля]

Ныне рабочие празднуют маевку. Лавки заперты. К полудню на Воскресенскую площадь пришла толпа взрослых и мальчиков, да и девочек (были и гимназисты). С красными флагами, а на них были надписи: «Демократическая республика» и проч. Затем пришли солдаты, тоже с красными флагами, приблизительно человек тысячу, а толпа, человек в полтысячи, а может в тысячу человек, но не больше. Насыпали холмики песку, говорили речи, играла полковая музыка, а затем пошли назад с музыкой. Часть, и притом немалая, толпы разошлась раньше, так как интересного было мало. Песен и криков не было. Вся процедура со времени прихода толпы и солдат до ухода их продолжалась часа полтора: около 12 [часов] собрались, во втором часу ушли. Флагов у солдат было 17, у толпы 16. С полдюжины флагов воткнули в песочный холм и оставили на нем. По-видимому, радостного ничего не было, но не было ничего и буйного. И на том спасибо. Лавки, кажется, были заперты, не знаю до какого часа. О празднестве приглашение на него печатное было расклеено на столбах. Толпа, однако, была невелика.

19 [апреля]

Красный флаг-лента на балконе почты, с какою-то белою надписью, ныне снят, а на насыпанном холме песка среди площади флаги в кольях все трепыхаются. Проклятые флаги! С врагов не нужно-де взыскивать провинций и контрибуции, а у своих братьев можно и будто бы даже должно отнять землю, капиталы, разделить поровну. Вот так хамская логика!

Сейчас хозяин принес мне ужасную новость: рабочие и солдатские депутаты предъявили правительству требование раздела капиталов буржуазии. Правительство ответило: «Мы слагаем полномочия». Они возразили: «Это нам и нужно». Потребовали сепаратного мира без контрибуций и аннексий. По поводу этого требования английский посол заявил: «Если это будет, Япония занимает Сибирь, а мы Архангельск и Мурман». Это известие привезли трое депутатов от Академии, ездившие в Петроград на совещание – Иларион, Тареев[27] и Тупицын.

Еще: вчера гимназистки несли знамя с надписью: «Нет свободы без победы». Солдаты не хотели, было, допустить их с такою надписью в ход, и только заступились гимназисты, и этот флаг несли.

Еще: в субботу 15-го было заседание в здании Думы для обсуждения разных вопросов. Но вошла масса женщин и стала кричать: «дайте хлеба». Председатель Королев заявил, что по решению поставленных вопросов рассудим и о хлебе. Но они закричали: «Сейчас решайте». Были принуждены обсуждать вопрос о хлебе немедленно. Порешили обыскать все дома, чтобы не давать хлеба по карточкам, у кого есть запасы. Тут же 2–3 рабочие закричали: «Снимите портреты этих насильников». – Александра II[28] и Александра III[29] (Николая II сняли уже раньше). Королев сказал: «Снимем». Нет, сейчас снимайте. – Ну, снимайте». А женщины закричали: «Не снимайте. Они давали хлеб, а вы, вот, не даете». Полезли снимать, но всего 2–3 человека. Т[аким] о[бразом] это были сорванцы: желания не только общего, но даже и большинства не было. Двум–трем снимать было трудно; портрет, упавши, разбил кому-то голову. И Королев, как врач, должен был оказать врачебную помощь. Да, кровавые тряпки, проклятые тряпки!

Временному правительству следовало бы, пожалуй, переехать в другой город из Петрограда, например, в Москву, а лучше в такой, где рабочих нет, и там иметь около себя тысяч 40–50 верных ему войск, 2–3 дивизии. Но война идет, вот что плохо.

20 [апреля]

15-го обер-прокурор Львов[30] в Синоде прочел указ Временного правительства об освобождении от обязанностей присутствия в Синоде митрополита Владимира[31], архиепископов Новгородского Арсения[32], Гродненского Михаила[33], Нижегородского Иоакима, Черниговского Василия[34], протопресвитеров Дернова[35] и Шавельского[36]; остается только Сергий Финляндский[37], к нему присоединяются вызываемые на летнюю сессию: экзарх Платон[38], Агафангел, архиепископ Ярославский[39], Андрей, епископ Уфимский[40], Михаил, епископ Самарский [41], профессоры Петроградской академии Александр Рождественский[42] и Петроградского университета Александр Смирнов[43] (депутат думы Государственной и депутат Думы священник Филоненко[44], ораторствовавший в Думе против салона Игнатьевой[45] и архиереев, посещавших его). Все уволенные в епархии, вероятно, и не вернутся в Синод.

В здешних гимназиях – мужской и женской – классы кончились, равно и в Вифанской семинарии. Перевели по годовым оценкам, без экзаменов, которых не было даже и для окончивших курс ни в гимназиях, ни в семинарии.

21 [апреля]

Колю ежедневно после утреннего чая дрова. Приноровился, раскалываю клином, пометивши топором только трещину. При холоде эта работа не утомляет. Колю с постоянными передышками, чтобы не повредить деятельности сердца. В первые разы чувствовалась боль в левом боку после колки дров, а теперь ничего. Привычка и сноровка.

22 [апреля]

Временное правительство сообщило 18 апреля ноту иностранным державам – вести войну до победного конца, напечатанную 20 апреля. Рабочим она показалась несогласной с их видами не домогаться аннексий и контрибуций и с пре-

жде высказанным правительством взглядом на войну. В Петрограде 20 [апреля] началась тревога: к Мариинскому дворцу где заседало правительство, подходили полки, впрочем, удалились. 21 [апреля] пошли по улицам толпы рабочих и людей всяких званий, ленинцы и проч. Начались схватки между сторонниками правительства и противниками (последние требовали свержения Милюкова[46] и Гучкова[47], послышались выстрелы, оказались убитые и раненые, по-видимому, многие пострадали. Совет солдатских и рабочих депутатов потребовал от правительства посылки другой ноты союзникам в изменение посланной 18 апреля. Оно не согласилось на позорную измену союзникам и на предательство Сербии, Черногории и Румынии, а согласилось только разъяснить России смысл мыслей ноты и ее выражений. И солдатские, и рабочие депутаты на своем собрании заявили: «Победихом». Хотя победы и не было, т. к. их требование не было исполнено. Да и из них некоторые сказали: дескать, пока еще неизвестно, как народ смотрит на войну [...][а].

23 [апреля]

Коровий базар перевели с Вознесенской площади на Пятницкую, около весов, только потому, что здесь, на Вознесенской площади, трепыхаются гнусные красные флаги; а больше ничего нет. А на Пятницкой площади и без того есть базар – дровяной, лесной, сенной, и там тесно. Вот она свобода-то от Хама.

В восточной части Средиземного моря потоплен [...][б] английский транспорт, затонувший через 5 минут. Погибло до 280 человек солдат и экипажа. Да, много зла приносят субмарины.

Еще погиб английский контр-миноносец около Ламанша, налетевший на мину. Около Норд-Кале погиб товарный русский пароход, но экипаж, кажется, спасен.

В Азии русские покинули Муш, на западе от озера Ван. По-видимому, потому что не могли удержать; возможно, что вследствие упадка дисциплины.

24 [апреля]

Гидулянов[48], несмотря на то, что вновь выбран в деканы юридического факультета Московского университета, не утвержден министерством. Вот вам и неприкосновенность выборов при свободе. Вот вам и свобода! Засилье слова, даже террор, слова от рабочих и солдатских депутатов, гнусных хамов.

25 [апреля]

Ныне выгнали коров на пастбище. Коровы дурачатся. То же и люди при получении свободы, и гораздо сильнее и хуже. Коровы только прыгают, бодают друг друга в шутку и только, а люди проливают кровь людей же. И страшнейшее пролитие крови, ручьями и реками, люди имели безумие назвать Великой Французской революцией. Да, она была велика по непомерной, хуже, чем звериной, жестокости и безумной бесчеловечности. Хорошо величие – величие зверства братоубийства.

В «Утре России» напечатана статья свидетеля схватки в Петрограде 21 апреля. Манифестации против правительства начались с 2 часов около Садовой и

[а] Два слова неразборчивы.

[б] Слово неразборчиво.

Невского, где был наблюдавший их автор статьи. К вечеру знамена были за правительство, т. е. на улицах борьба на знамени надписях окончилась в пользу правительства.

26 [апреля]

В здешнем художественном синематографе ныне картина: царь с бутылкой водки в руке, около него улыбающийся Сухомлинов[49], Распутин[50] косматый, или Григорьев Мясоедов[51], Прокопович[52]. Пьеса в 4-х актах: 1) распродажа России оптом и в розницу; 2) палачи народа; 3) чем больше тьма, тем ярче свет; 4) крах торгового дома.

Председатель уголовной палаты в Москве Керенский[53] назначил присяжным поверенным Стааль[54], председателя крестьянского съезда в Москве в 1905 г. Это жид. Не жид ли и Керенский?

27 [апреля]

В Москве толпа хотела было покончить самосудом с несколькими человеками, ворвавшимися днем в квартиру Багриновского в огромном доме общества «России» с целью грабежа, но убежавшими на улицу, потому что горничная успела закричать: «Караул!», и сбежались люди. Толпа желала даже разгромить ворота того дома, куда их заключили для самосуда. Это показывает, что отмена смертной казни сделана не вовремя. Толпа будет сама казнить и это хуже, т. к. могут пострадать по ошибке невинные.

Вчера после полудня дрожь недолго; вечером усталость, небольшая тяжесть головы; среди ночи жар и ускоренный пульс. Под шубой ночью пропотел. Утром ныне 37,6. Днем ныне усталость в ногах и недомогание. Утром принял 5 гр. хинина. Вечером 30, 4½.

28 [апреля]

Выписывал изречения Толстого[55] о бытии и познании Бога.

29 [апреля]

Будто бы наши солдаты братаются с германцами, а те вызнают, что им нужно. Командующие Брусилов[56] и Гурко[57] приказами по армиям невольно признали наличие этого печального факта и увещевают отказаться от такого зловредного якшанья. Родзянко[58] и Гучков в заседании Думы по случаю первого заседания I Думы 27 апреля 1906 г. признали, что боеспособность армии не увеличилась с получением свободы, а упала, к нашему позору и ужасу.

30 [апреля] Воскресенье

Командующий Рижским фронтом Рузский[59] отчислен, будто бы по болезни и несогласию в плане кампании с начальником штаба Алексеевым[60], от командования, но оставлен членом Государственного совета и Военного совета. На его место командующим Рижским фронтом [назначен] Драгомиров[61], сын генерала Восточной войны, а на Двинский фронт назначен Данилов-Черный[62].

Шульгин[63] в Государственной думе признал (чтобы не раздражать социалистов) не измены, а глупости в 3-х вещах: 1) кричат: долой англичан, как привер-

женцев капиталистической войны; 2) мутят крестьян, вызывают мятеж внутри и обостряют голодовку; 3) восстанавливают солдат против офицеров. Но когда все 3 признака соединяются, это и, по его мнению, измена.

НИОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Д. 6. Л. 38–48. Подлинник. Автограф.

Примечания

[1] Имеется в виду митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский) (1835–1926) – в марте 1917 г. уволен на покой в Николо-Угрешский монастырь под Москвой.

[2] Раненбург – ныне г. Чаплыгин Липецкой области.

[3] *Бортнянский Д.С.* (1751–1825) – композитор, дирижер. Один из создателей классического типа русского хорового концерта.

[4] *Туберовский А.М.* (1881–1937) – доцент Московской духовной академии по кафедре догматического богословия.

[5] *Федор (Феодор) (Поздеевский)* (1876–1937) – епископ, ректор Московской духовной академии.

[6] *Павел Александрович (Романов)* (1860–1919) – великий князь, инспектор гвардии.

[7] *Михаил Александрович (Романов)* (1878–1918) – великий князь, инспектор кавалерии. В марте 1917 г. после отречения Николая II также отказался от прав на престол, оставив вопрос на рассмотрение Учредительного собрания.

[8] *Куропаткин А.Н.* (1848–1925) – военный министр. С июля 1916 г. Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа, а также войсковой наказной атаман Семиреченского казачьего войска. Весной 1917 г. смещен со своего поста Ташкентским Советом солдатских и рабочих депутатов, помещен под домашний арест и отправлен в Петроград, где был освобожден Временным правительством.

[9] *Щепкин Н.Н.* (1854–1919) – комиссар Временного правительства в Туркестане.

[10] *Кронид (Любимов)* (1859–1937) – архимандрит, наместник Троице-Сергиевой лавры.

[11] *Королев Н.А.* – земский врач, председатель исполкома Сергиева Посада.

[12] *Иоасаф (Каллистов)* (1850–1920) – епископ Ново-Георгиевский, викарий Варшавской епархии. Во время Первой мировой войны эвакуировался в Москву. Был назначен временно управляющим Московской епархией.

[13] *Александра Федоровна* (1872–1918) – российская императрица, супруга Николая II.

[14] *Николай Михайлович (Романов)* 1859–1918) – великий князь, двоюродный дядя Николая II.

[15] *Константин Константинович (Романов)* (1858–1915) – великий князь; генерал-инспектор Военно-учебных заведений, президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, поэт, переводчик и драматург.

[16] *Николай Николаевич (Романов)* (1856–1929) – великий князь. Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской империи в начале Первой мировой войны (1914–1915) и в мартовские дни 1917 г.; с 23 августа 1915 г. до марта 1917 г. наместник Его Императорского Величества на Кавказе, главнокомандующий Кавказской армией и войсковой наказный атаман Кавказских казачьих войск.

[17] Имеется в виду *Мария Федоровна* (1847–1928) – вдовствующая императрица.

[18] *Дмитрий Павлович (Романов)* (1891–1942) – великий князь. Участник убийства Г.Е. Распутина.

[19] *Иларион (Троицкий)* (1866–1929) – архимандрит, инспектор Московской духовной академии.

[20] *Глаголев С.С.* (1865 –1937) – профессор основного богословия Московской духовной академии.

[21] *Кузнецов Н.Д.* (1863–1936) – профессор богословия, специалист в области канонического права.

[22] *Илиодор (Труфанов)* (1880–1952) – иеромонах, активный участник «Союза русского народа». По благословению Григория Распутина основал в Царицыне мужской Свято-Духов монастырь. В январе 1912 г. Синодом был расстрижен. В 1914 г. бежал за границу. В 1917 г. выпустил книгу «Святой Черт» о Распутине.

[23] *Грезенберг* (правильно – *Грузенберг О.О.*) (1866–1940) – адвокат.

[24] *Ленин (Ульянов) В.И.* (1870–1924) – лидер большевиков.

[25] *Хинчук Л.М.* (1868–1939) – председатель Исполнительного комитета Московского городского Совета рабочих депутатов.

[26] *Титлинов Б.В.* (1879–после 1944) – церковный историк, магистр богословия (1905), доктор церковной истории (1916), профессор Санкт-Петербургской духовной академии. В 1917 г. редактор «Всероссийского церковно-общественного вестника».

[27] *Тареев М.М.* (1867–1925) – экстраординарный профессор нравственного богословия.

[28] *Александр II (Романов)* (1818–1881) – российский император с 1855 г.

[29] *Александр III (Романов)* (1845–1894) – российский император с 1881 г.

[30] *Львов В.Н.* (1872–1930) – обер-прокурор Святейшего синода при Временном правительстве.

[31] *Владимир (Богоявленский)* (1848–1918) – митрополит Киевский, первенствующий член Святейшего синода.

[32] *Арсений (Стадницкий)* 1862–1936) – архиепископ Новгородский и Старорусский.

[33] *Михаил (Ермаков)* (1862–1929) – с 1915 г. архиепископ Гродненский и Брестский.

[34] *Василий (Богоявленский)* (1867–1918) – архиепископ Черниговский и Нежинский.

[35] *Дернов А.А.* (1857–1923) – протопресвитер придворного духовенства.

[36] *Шавельский Г.И.* (1871–1951) – протопресвитер военного и морского духовенства.

[37] *Сергий (Страгородский)* (1867–1944) – архиепископ Финляндский.

[38] *Платон (Рождественский)* (1886–1934) – митрополит Тифлисский и Бакинский, экзарх Кавказский.

[39] *Агафангел* (1854–1928) – архиепископ Ярославский.

[40] *Андрей (Ухтомский)* (1872–1937) – епископ Уфимский.

[41] *Михаил (Богданов)* (1867–1925) – епископ Самарский.

[42] *Рождественский А.П.* (1864–1930) – профессор Петроградской духовной академии.

[43] *Смирнов А.А.* (1883–1962) – профессор Петроградского университета.

[44] *Филоненко Ф.Д.* (1869–1933) – протоиерей, депутат Государственной думы IV созыва.

[45] Имеется в виду графиня *Игнатьева С.С. (Мещерская)* (1851–1944), в доме которой регулярно собирались представители высшего света, духовенства, общественные деятели.

[46] *Милюков П.Н.* (1859–1943) – лидер партии кадетов; министр иностранных дел в первом составе Временного правительства.

[47] *Гучков А.И.* (1862–1936) – военный и морской министр в первом составе Временного правительства.

[48] *Гидулянов П.В.* (1874–1937) – специалист по церковному праву; магистр (1905), доктор (1907), профессор (1909). С 1913 г. декан юридического факультета Московского университета.

[49] *Сухомлинов В.А.* (1848–1926) – в 1909–1915 гг. военный министр. Обвинялся в неподготовленности армии к войне и снят с должности. В марте 1916 г. арестован.

[50] *Распутин Г.Е.* (1872–1916) – один из самых известных царских временщиков.

[51] Возможно, имеется в виду, *Мясоедов Н.А.* (1850–после 1917) – с 1914 г. состоял членом Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского.

[52] *Прокопович С.Н.* (1871–1955) – министр торговли и промышленности, министр продовольствия Временного правительства.

[53] *Керенский А. Ф.* (1881–1970) – лидер фракции трудовиков в IV Государственной думе; с 27 февраля 1917г. член исполкома Государственной думы и товарищ председателя Петроградского совета рабочих депутатов; в последующем министр и председатель Временного правительства.

[54] *Стааль А. Ф.* (1872–1949) – присяжный поверенный.

[55] *Толстой Л.Н.* (1828–1910) – писатель.

[56] *Брусилов А.А.* (1853–1926) – в годы Первой мировой войны командовал 8-й армией, армиями Юго-Западного фронта.

[57] *Гурко В.И.* (1864–1937) – генерал от кавалерии. Весной 1917 г. был командующим войсками Западного фронта русской армии.

[58] *Родзянко М.В.* (1859–1924) – председатель IV Государственной думы; один из лидеров октябристов.

[59] *Рузский Н.В.* (1854–1918) – с августа 1915 г. по апрель 1917 г. являлся Главнокомандующим Северного фронта.

[60] *Алексеев М.В.* (1857–1918) – в августе 1915 г. назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего. Во время Февральской революции был одним из старших военачальников, убедивших Николая II отречься от престола. В апреле 1917 г. назначен Верховным главнокомандующим.

[61] *Драгомиров А.М.* (1868–1955) – генерал от кавалерии; с апреля 1917 г. назначен на должность главнокомандующего армиями Северного фронта.

[62] *Данилов-Черный Ю.Н.* (1866–1937) – генерал от инфантерии. В 1916–1917 гг. исполняющий должность начальника штаба Северного фронта.

[63] *Шульгин В.В.* (1878–1976) – депутат I–IV Государственных дум. 2 марта 1917 г. вместе с А.И. Гучковым принял отречение у Николая II.

Российская Академия наук в 1917 г.

В академическом отчете 1917 г. назван «исключительным», что не было преувеличением. Изменив судьбу России, этот год стал важной вехой и в истории Академии наук.

Февральскую революцию академическая корпорация встретила с воодушевлением, с ожиданием скорых демократических реформ. И действительно, перемены, произошедшие в самой академии, давали право на реализацию самых смелых надежд. Прежде всего, Академия наук получила автономию. 15 мая 1917 г. академики впервые сами избрали президента и вице-президента: президентом стал А.П. Карпинский, а временно исполняющим обязанности вице-президента – И.П. Бородин. Императорская академия наук получила наименование «Российская академия наук». В ее состав влились новые члены: 5 ординарных академиков, 7 членов-корреспондентов, 2 почетных члена и 3 почетных академика по Разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности, причем А.М. Пешков (Горький), выборы которого в 1902 г. аннулировали по распоряжению Николая II, теперь был избран вторично.

Февральские «ветра» подтолкнули Академию наук к работе в новых для нее направлениях. В Министерстве народного просвещения Временного правительства, в состав которого вошли непременный секретарь С.Ф. Ольденбург и академик В.И. Вернадский, задумались о создании по всей России сети исследовательских институтов. Уже в июне Временное правительство утвердило предложение академика Н.Я. Марра открыть в Тифлисе Кавказский археологический институт.

Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), образованная при Академии наук в начале Первой мировой войны, продолжила систематическое изучение природных ресурсов страны с целью их дальнейшего использования в народном хозяйстве. На территории бывшего Императорского фарфорового и стекольного завода было построено специальное здание для изготовления отечественного оптического стекла. Все в тот же «исключительный» год при Комиссии возникло несколько перспективных научных учреждений: Институт физико-химического анализа, Институт для изучения платины и других благородных металлов, Глиняно-керамический институт.

В 1917 г. было вписано еще несколько страниц в «военную летопись» Академии наук. В этот год погиб ушедший на войну добровольцем Г.Г. Манизер, талантливый ученый-этнограф. Его книга об академике Г.И. Лангсдорфе, совершившем настоящий научный подвиг в Бразилии в 20-х гг. XIX в., увидела свет в 1948 г.

Летом 1917 г. Петроград оказался на военном положении, и в начале сентября наиболее ценные предметы и рукописи академических собраний были эвакуированы.

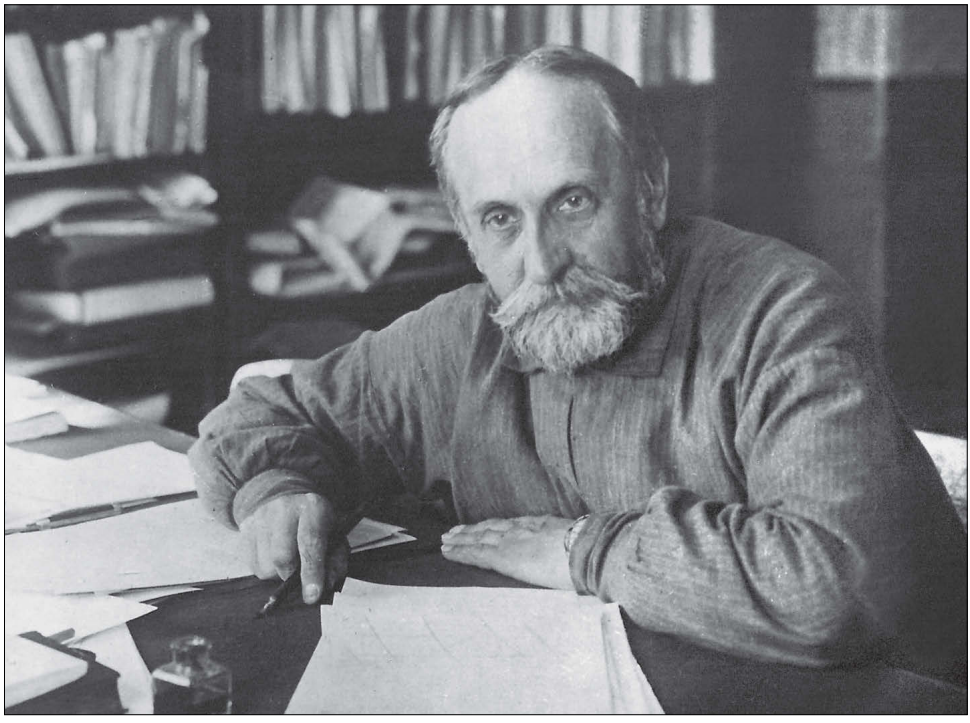
Октябрьскую революцию Академия наук встретила враждебно. 29 декабря 1917 г. на ежегодном торжественном заседании непременный секретарь С.Ф. Ольденбург заявил, что «Россия стала на край гибели». Но даже в «такое беспримерно тяжелое время» Российская академия наук продолжала работать для родины и для науки. После Октябрьской революции советская власть узаконила подготовленную Академией реформу орфографии своими декретами от 23 декабря 1917 г. и 10 октября 1918 г. В начале 1918 г. была проведена календарная реформа, и в этом вопросе Академия наук также сказала свое веское слово.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-00010 «Взаимодействие науки и власти: Очерки институциональной истории Императорской Академии наук в XVIII – начале XX вв.»).

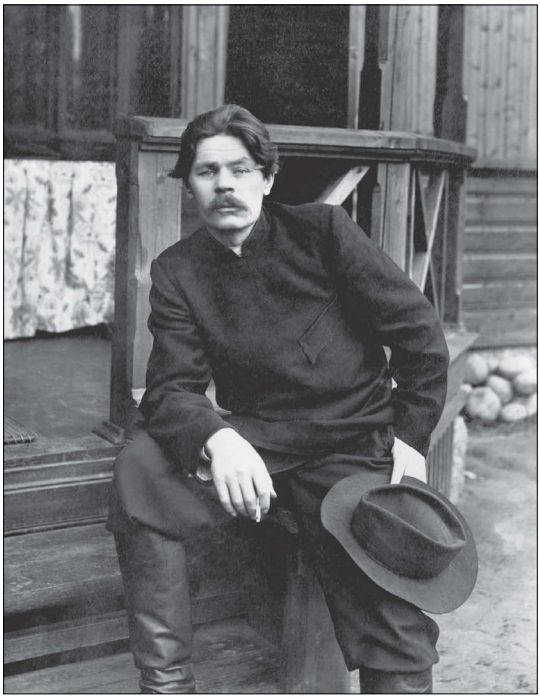
Публикацию по материалам, хранящимся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН), подготовили доктор исторических наук Е.Ю. БАСАРГИНА, кандидат исторических наук Е.Н. ГРУЗДЕВА, О.А. КИРИКОВА.

А.П. Карпинский, президент РАН (1917–1936)

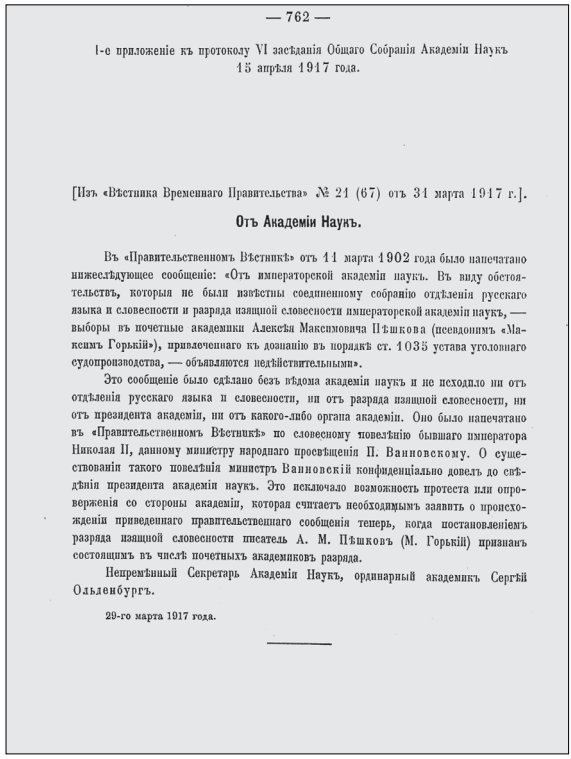
И.П. Бородин, вице-президент РАН (1917–1919)



С.Ф. Ольденбург, непременный секретарь АН (1904–1929)



А.М. Пешков
(Максим Горький),
почетный академик
с 25 февраля 1902 г.
(выборы кассированы);
восстановлен 20 марта 1917 г.



— 762 —

1-е приложеніе къ протоколу VI засѣданія Общаго Собранія Академіи Наукъ
15 апрѣля 1917 года.

[Изъ «Вѣстника Временнаго Правительства» № 21 (67) отъ 31 марта 1917 г.].

Отъ Академіи Наукъ.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 11 марта 1902 года было напечатано нижеслѣдующее сообщеніе: «Отъ императорской академіи наукъ. Въ виду обстоятельствъ, которыя не были извѣстны соединенному собранію отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности императорской академіи наукъ, — выборы въ почетные академики Алексѣя Максимовича Пѣшкова (псевдонимъ «Максимъ Горькій»), привлеченнаго къ дознанію въ порядкѣ ст. 1035 устава уголовнаго судопроизводства, — объявляются недѣйствительными».

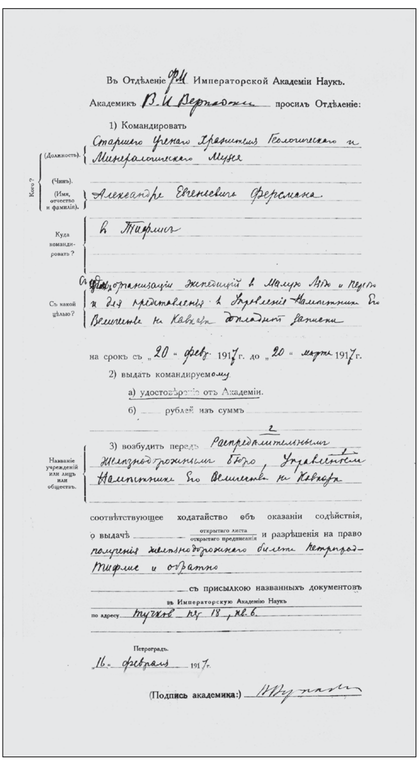
Это сообщеніе было сдѣлано безъ вѣдома академіи наукъ и не исходило ни отъ отдѣленія русскаго языка и словесности, ни отъ разряда изящной словесности, ни отъ президента академіи, ни отъ какого-либо органа академіи. Оно было напечатано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» по словесному повелѣнію бывшаго императора Николая II, данному министру народнаго просвѣщенія П. Ванновскому. О существованіи такого повелѣнія министръ Ванновскій конфиденціально довелъ до свѣдѣнія президента академіи наукъ. Это исключало возможность протеста или опроверженія со стороны академіи, которая считаетъ необходимымъ заявить о происхожденіи приведеннаго правительственнаго сообщенія теперь, когда постановленіемъ разряда изящной словесности писатель А. М. Пѣшковъ (М. Горькій) признанъ состоящимъ въ числѣ почетныхъ академиковъ разряда.

Непремѣнный Секретарь Академіи Наукъ, ординарный академикъ Сергѣй Ольденбургъ.

29-го марта 1917 года.

Статья «От Академии наук»
из газеты «Вестник
Временного правительства»
от 31 марта 1917 г.
о признании А.М. Пешкова
(Максим Горький)
«состоящим в числе
почетных академиков»

А.А. Шахматов,
председательствующий
в Отделении русского языка и
словесности РАН



Въ Отдѣленіе ФМ Императорской Академіи Наукъ.

Академикъ В. И. Вернадский просилъ Отдѣленіе:

1) Командировать

(Должность). Старшего Ученого Хранителя Геологического и Минералогического Музея

Кого? (Чинъ).

(Имя, отчество и фамилія). Александра Евгеньевича Ферсмана

Куда командировать? в Тифлис

Съ какой цѣлью? Для организации экспедиций в Малую Азию и Персию и для представления в Управление Наместника Его Величества на Кавказе докладной записки

на срокъ съ „20“ февр. 1917 г. до „20“ марта 1917 г.

2) выдать командируемому

а) удостовѣреніе отъ Академіи.

б) ...... рублей изъ суммъ ......

3) возбудить передъ Распределительным Железнодорожным Бюро, Управлением Наместника Его Величества на Кавказе

(Названіе учрежденій или лицъ или обществъ.)

соотвѣтствующее ходатайство объ оказаніи содѣйствія, о выдачѣ ...... открытаго листа / открытаго предписанія и разрѣшенія на право получения железнодорожного билета Петроград–Тифлис и обратно

...... съ присылкою названныхъ документовъ въ Императорскую Академію Наукъ

по адресу Тучков пер. 18, кв. 6.

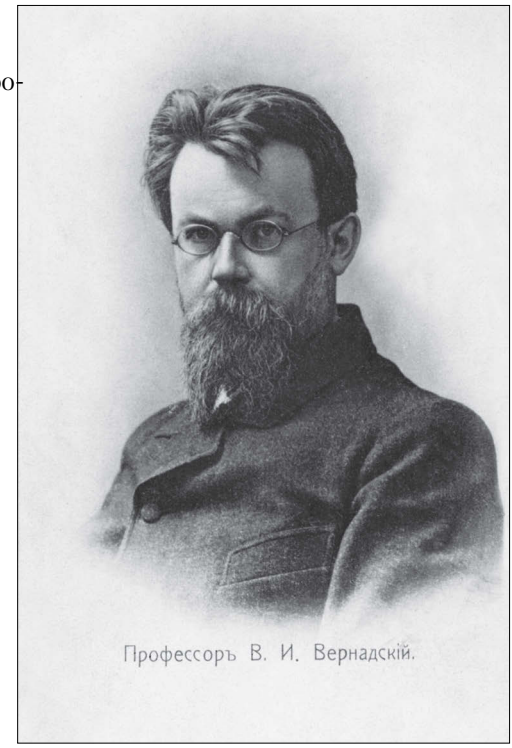
Петроградъ.

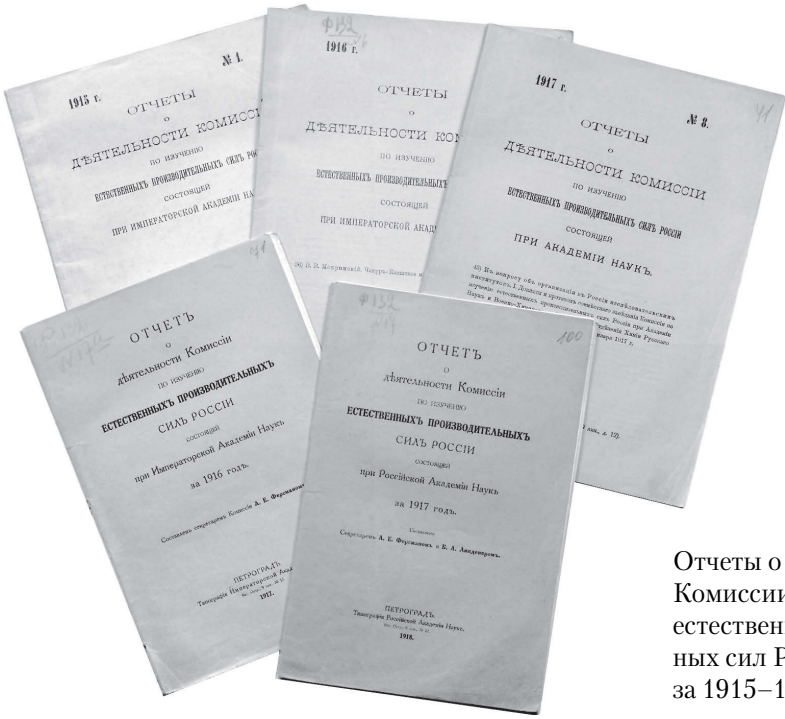
„16“ февраля 1917 г.

(Подпись академика:) В. Вернадский

Письмо А.А. Шахматову
с уведомлением о кооптации его
в ЦК Конституционно-демократиче-
ской партии. 11 апреля. 1917 г.

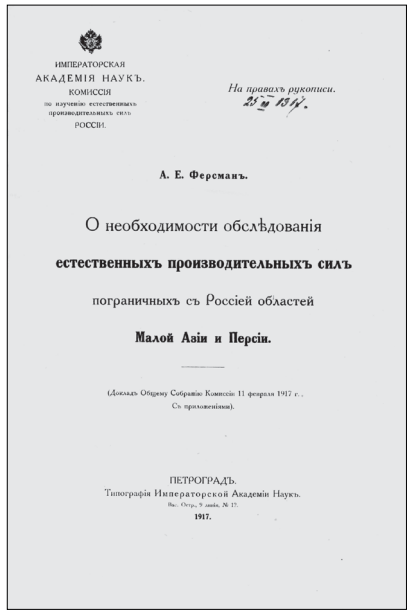
В.И. Вернадский, председатель Комиссии по изучению естественных производительных сил России





Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России за 1915–1917 гг.

А.Е. Ферсман, вице-президент РАН (1927–1929)



ИМПЕРАТОРСКАЯ
АКАДЕМІЯ НАУКЪ.
КОМИССІЯ
по изученію естественныхъ
производительныхъ силъ
РОССІИ.

На правахъ рукописи.
25 II 1917.

А. Е. Ферсманъ.

О необходимости обслѣдованія

естественныхъ производительныхъ силъ

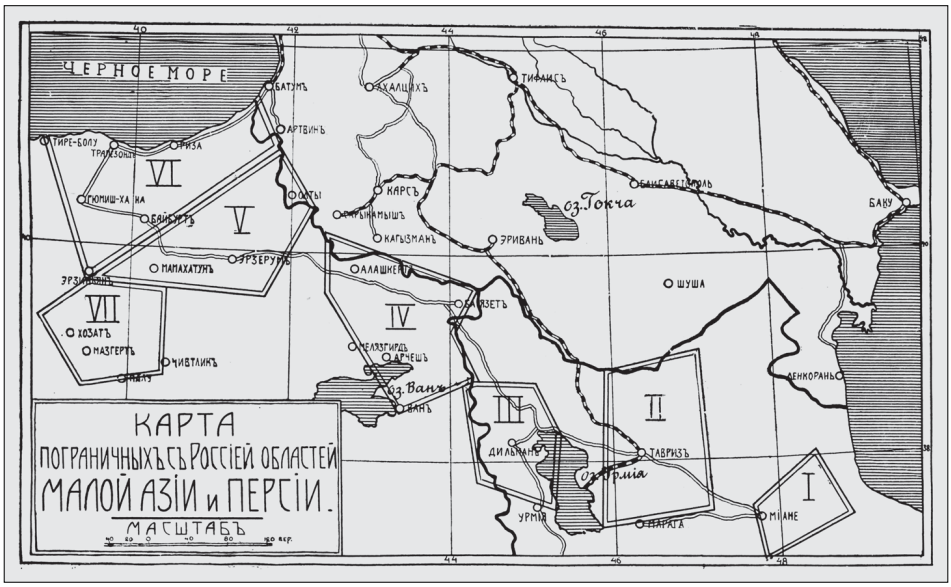
пограничныхъ съ Россіей областей

Малой Азіи и Персіи.

(Докладъ Общему Собранію Комиссіи 11 февраля 1917 г.,
Съ приложеніями).

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1917.

Ферсман А.Е. О необходимости обследования естественных производительных сил пограничных с Россией областей Малой Азии и Персии. Пг., 1917. Титульный лист



Карта пограничных с Россией областей Малой Азии и Персии

РОССІЙСКАЯ

АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

Непремѣнный Секретарь.

2 августа 1917 г.

№ 1600.

Министръ Народнаго Просвѣщенія академикъ С. Ѳ. Ольденбургъ увѣдомилъ Президента Академіи Наукъ академика А. П. Карпинскаго письмомъ отъ 29 іюля за № 7025, что 11 іюля 1917 г. состоялось постановленіе Временнаго Правительства:

«бывшую Императорскую Академію Наукъ именовать Россійской Академіей Наукъ»

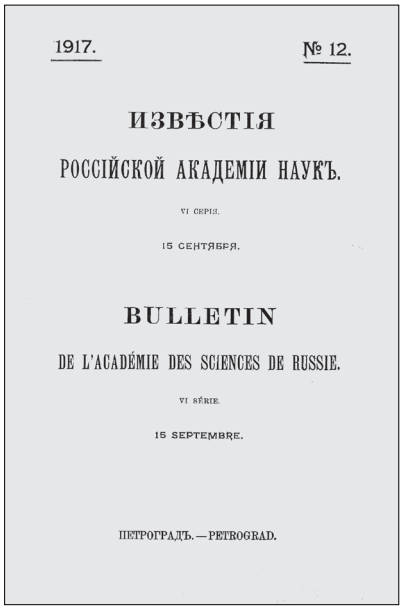
и письмомъ отъ 28 іюля за № 1481, что

указомъ Временнаго Правительства Правительствующему Сенату отъ 19 іюля сего года академикъ А. П. Карпинскій утвержденъ Президентомъ Россійской Академіи Наукъ, согласно избранію, на пять лѣтъ, съ 15 мая текущаго года.

За Непремѣннаго Секретаря
ординарный академикъ

Правитель Канцеляріи Конференціи

О переименовании Императорской академии наук в Российскую АН и утверждении академика А.П. Карпинского президентом. 2 августа 1917 г.



1917. № 12.

ИЗВѢСТІЯ

РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

VI СЕРІЯ.

15 СЕНТЯБРЯ.

BULLETIN

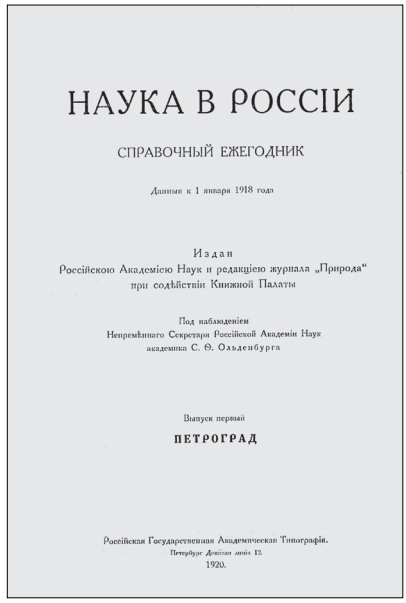
DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE RUSSIE.

VI SÉRIE.

15 SEPTEMBRE.

ПЕТРОГРАДЪ. — PETROGRAD.

Известия Российской Академии наук. VI серия. № 12. Обложка



НАУКА В РОССІИ

СПРАВОЧНЫЙ ЕЖЕГОДНИК

Данныя к 1 января 1918 года

Издан
Россійскою Академіею Наук и редакціею журнала „Природа"
при содѣйствіи Книжной Палаты

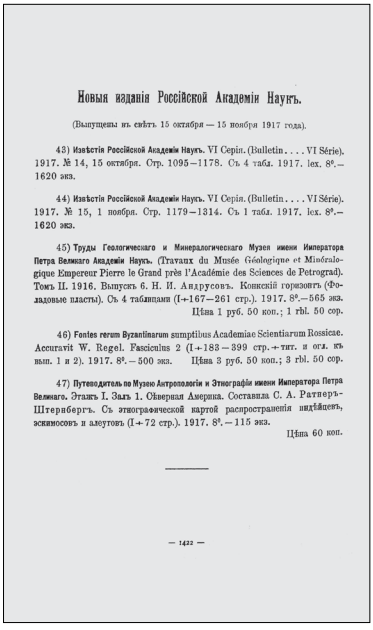
Подъ наблюденіемъ
Непремѣннаго Секретаря Россійской Академіи Наукъ
академика С. Ѳ. Ольденбурга

Выпускъ первый

ПЕТРОГРАДЪ

Россійская Государственная Академическая Типографія.
Петербургъ Девятая линія 12.
1920.

Наука в России: Справочный ежегодник. Данные к 1 января 1918 г. Пг., 1920. Титульный лист



Новыя изданія Россійской Академіи Наукъ.

(Выпущены въ свѣтъ 15 октября — 15 ноября 1917 года).

43) **Извѣстія Россійской Академіи Наукъ.** VI Серія. (Bulletin . . . . VI Série). 1917. № 14, 15 октября. Стр. 1095—1178. Съ 4 табл. 1917. 1ех. 8°.— 1620 экз.

44) **Извѣстія Россійской Академіи Наукъ.** VI Серія. (Bulletin . . . . VI Série). 1917. № 15, 1 ноября. Стр. 1179—1314. Съ 1 табл. 1917. 1ех. 8°.— 1620 экз.

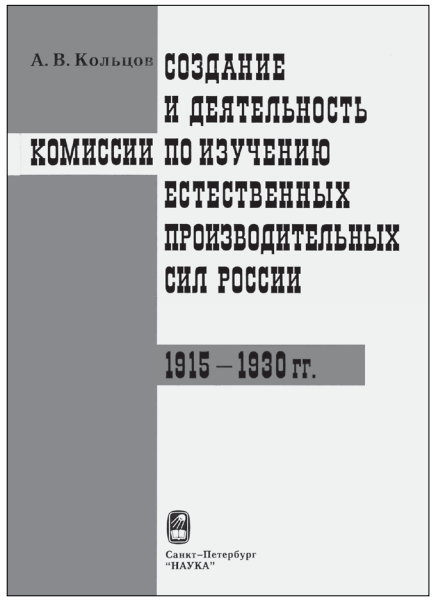
45) **Труды Геологическаго и Минералогическаго Музея имени Императора Петра Великаго Академіи Наукъ.** (Travaux du Musée Géologique et Minéralogique Empereur Pierre le Grand près l'Académie des Sciences de Petrograd). Томъ II. 1916. Выпускъ 6. Н. И. Андрусовъ. Конкскій горизонтъ (Фладовые пласты). Съ 4 таблицами (I+167—261 стр.). 1917. 8°.—565 экз. Цѣна 1 руб. 50 коп.; 1 rbl. 50 cop.

46) **Fontes rerum Byzantinarum** sumptibus Academiae Scientiarum Rossicae. Accuravit W. Regel. Fascicuius 2 (I+183—399 стр.+тит. и отд. къ вып. 1 и 2). 1917. 8°.—500 экз. Цѣна 3 руб. 50 коп.; 3 rbl. 50 cop.

47) **Путеводитель по Музею Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго.** Этажъ I. Залъ 1. Сѣверная Америка. Составила С. А. Ратнеръ-Штернбергъ. Съ этнографической картой распространенія индѣйцевъ, эскимосовъ и алеутовъ (I+72 стр.). 1917. 8°.—115 экз. Цѣна 60 коп.

— 1422 —

Перечни новых изданий Академии наук, выпущенных в свет 15 октября – 15 ноября 1917 г.



А. В. Кольцов

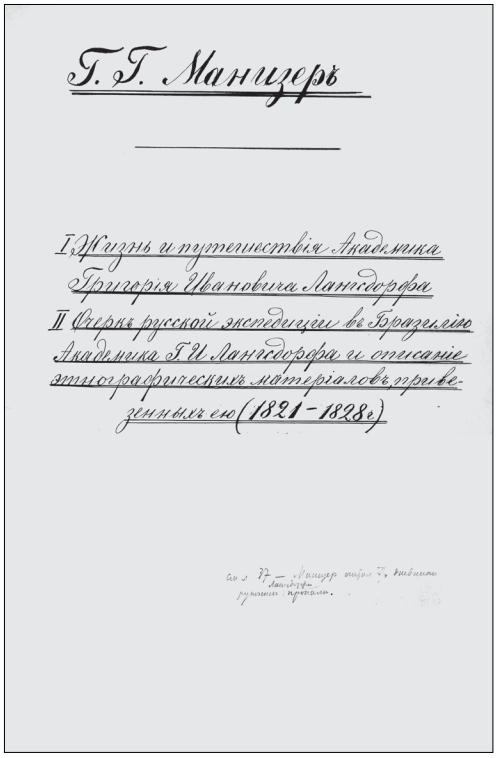
СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ РОССИИ

1915 — 1930 гг.

Санкт-Петербург
"НАУКА"

Кольцов А.В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930. СПб., 1999. Обложка

Г.Г. Манизер, сотрудник
Музея антропологии
и этнографии РАН



Г. Г. Манизеръ

I. Жизнь и путешествія Академика
Григорія Ивановича Лангсдорфа.
II. Очеркъ русской экспедиціи въ Бразилію
Академика Г.И. Лангсдорфа и описаніе
этнографическихъ матеріаловъ, привезенныхъ ею (1821–1828 г.)

Манизер Г.Г. Жизнь и путешествия академика Г.И. Лангсдорфа. Рукопись книги. Титульный лист

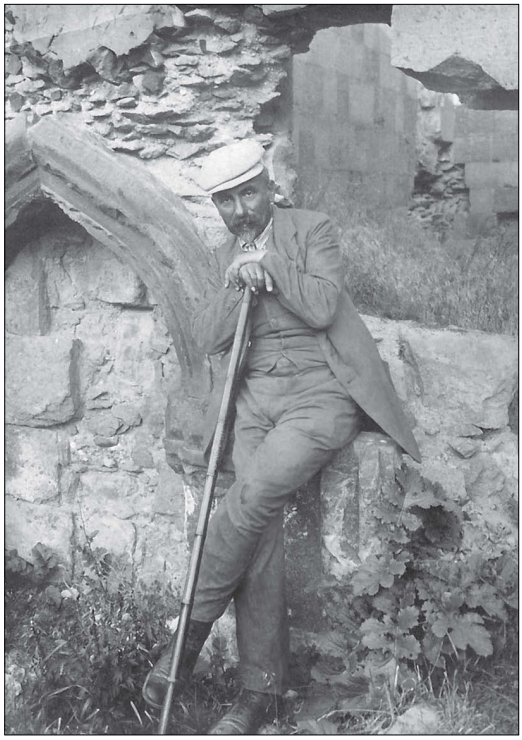
ЗАПИСКИ ВСЕСОЮЗНОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
Новая серия том 5

Г. Г. МАНИЗЕР

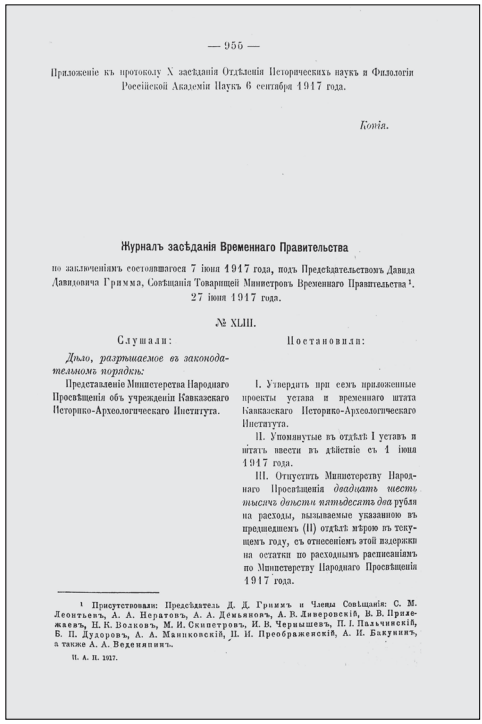
ЭКСПЕДИЦИЯ
АКАДЕМИКА
Г. И. ЛАНГСДОРФА
В БРАЗИЛИЮ
(1821-1828)

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1948

Манизер Г.Г. Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию (1821–1828). М., 1948. Титульный лист



Н.Я. Марр на раскопках в Ани. 1910-е гг. Турция



— 955 —

Приложеніе къ протоколу X засѣданія Отдѣленія Историческихъ наукъ и Филологіи Россійской Академіи Наукъ 6 сентября 1917 года.

Копія.

Журналъ засѣданія Временнаго Правительства

по заключеніямъ состоявшагося 7 іюня 1917 года, подъ Предсѣдательствомъ Давида Давидовича Гримма, Совѣщанія Товарищей Министровъ Временнаго Правительства[1]. 27 іюня 1917 года.

№ XLIII.

Слушали: Постановили:

Дѣло, разрѣшаемое въ законодательномъ порядкѣ:

Представленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія объ учрежденіи Кавказскаго Историко-Археологическаго Института.

I. Утвердить при семъ приложенные проекты устава и временнаго штата Кавказскаго Историко-Археологическаго Института.

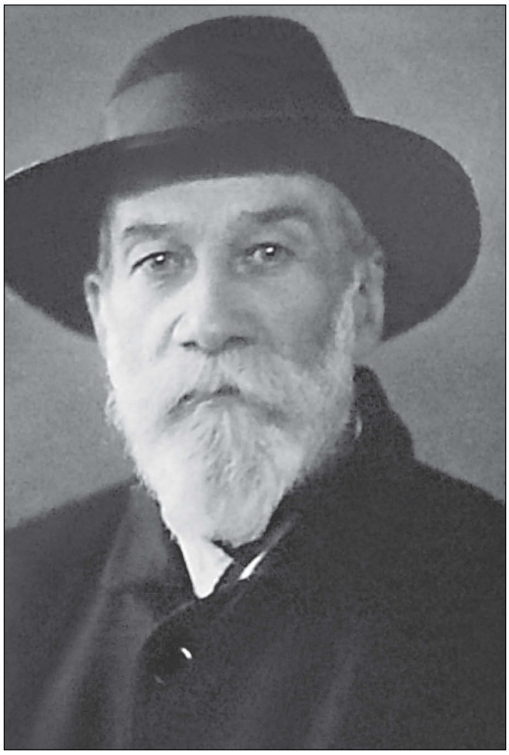
II. Упомянутые въ отдѣлѣ I уставъ и штатъ ввести въ дѣйствіе съ 1 іюня 1917 года.

III. Отпустить Министерству Народнаго Просвѣщенія *двадцать шесть тысячъ двѣсти пятьдесятъ два* рубля на расходы, вызываемые указаннои въ предшедшемъ (II) отдѣлѣ мѣрою въ текущемъ году, съ отнесеніемъ этой издержки на остатки по расходнымъ расписаніямъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія 1917 года.

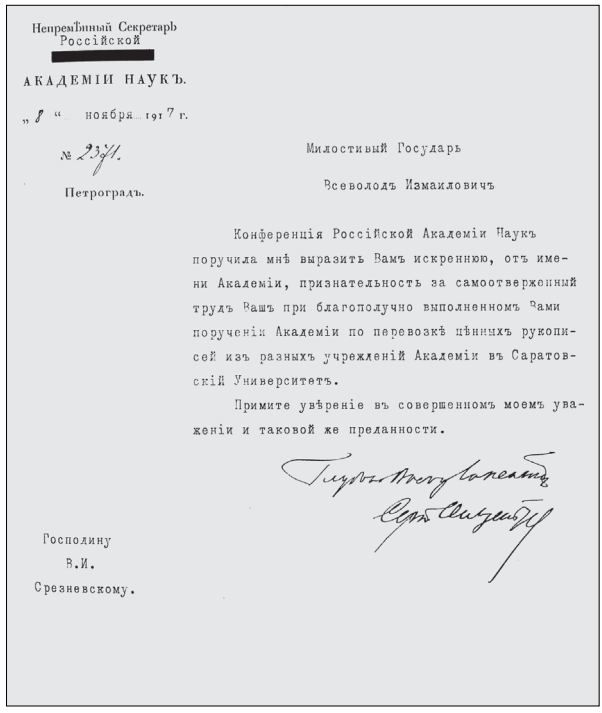
[1] Присутствовали: Предсѣдатель Д. Д. Гримм и Члены Совѣщанія: С. М. Леонтьевъ, А. А. Нератовъ, А. А. Демьяновъ, А. В. Пиперовскій, В. В. Пржежевъ, Н. К. Волковъ, М. И. Скипетровъ, И. В. Чернышевъ, П. І. Пальчинскій, Б. П. Дудоровъ, А. А. Маниковскій, Ц. И. Преображенскій, А. И. Бакунинъ, а также А. А. Веденяпинъ.

П. А. П. 1917.

Из журнала заседания Временного правительства об учреждении Кавказского историко-археологического института // Известия РАН. 1917. № 12. С. 955



В.И. Срезневский,
ученый хранитель РО БАН



Непремѣнный Секретарь
Россійской
[redacted]
АКАДЕМІИ НАУКЪ.

„ 8 “ ноября 1917 г.

№ 2374.

Петроградъ.

Милостивый Государь
Всеволодъ Измаиловичъ

Конференція Россійской Академіи Наукъ поручила мнѣ выразить Вамъ искреннюю, отъ имени Академіи, признательность за самоотверженный трудъ Вашъ при благополучно выполненномъ Вами порученіи Академіи по перевозкѣ цѣнныхъ рукописей изъ разныхъ учрежденій Академіи въ Саратовскій Университетъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и таковой же преданности.

Господину
В.И.
Срезневскому.

Письмо С.Ф. Ольденбурга В.И. Срезневскому с благодарностью за организацию эвакуации академических рукописных коллекций в Саратов. 8 ноября 1917 г.

РОССІЙСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ

имѣетъ честь покорнѣйше просить Васъ почтить своимъ присутствіемъ торжественное годовое собраніе Академіи, назначенное на пятницу 29 сего декабря.

Собраніе будетъ происходить въ маломъ Конференцъ-Залѣ Академіи и начнется въ 2 часа пополудни.

Декабрь 1917.

Форма одежды — сюртукъ.

Программа собранія на оборотѣ.

Пригласительный билет на Торжественное годовое собрание РАН. Декабрь 1917 г.

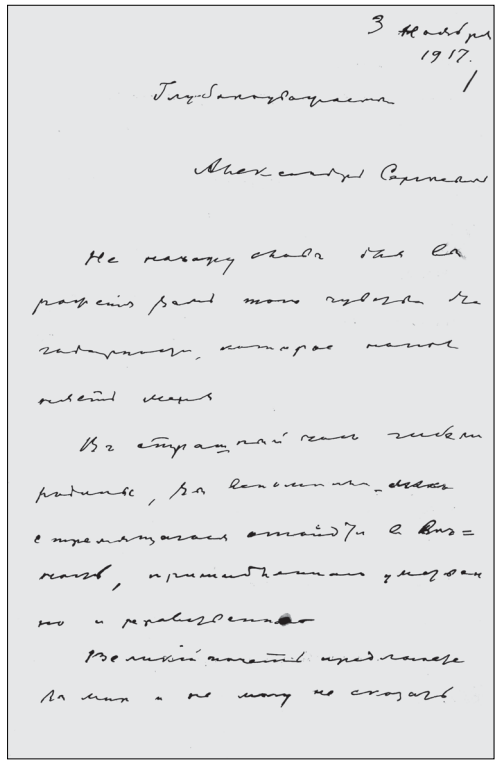
ПРОГРАММА СОБРАНІЯ.

1. Отчетъ по Отдѣленіямъ Физико-Математическихъ Наукъ и Историческихъ Наукъ и Филологіи за 1917 годъ, составленный Непремѣннымъ Секретаремъ академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ.
2. Краткіе отчеты по присужденію академическихъ премій въ 1917 году, составленные Непремѣннымъ Секретаремъ академикомъ С. Ѳ. Ольденбургом
3. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Русскаго языка и словесности за 1917 год составленный академикомъ Н. А. Котляревскимъ.

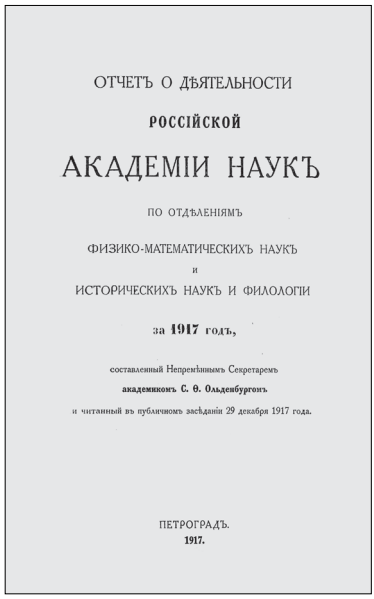
По окончаніи чтеній будутъ провозглашены имена лицъ, вновь избранных Академіею въ почетные члены и въ члены-корреспонденты.

Программа Торжественного собрания (на обороте приглашения). Декабрь 1917 г.

Н.С. Таганцев, почетный член РАН с 2 декабря 1917 г.



Письмо Н.С. Таганцева академику А.С. Лаппо-Данилевскому с благодарностью за избрание в почетные члены РАН. 3 ноября 1917 г.



ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

РОССІЙСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЯМЪ

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ

и

ИСТОРИЧЕСКИХЪ НАУКЪ И ФИЛОЛОГІИ

за 1917 годъ,

составленный Непремѣннымъ Секретаремъ

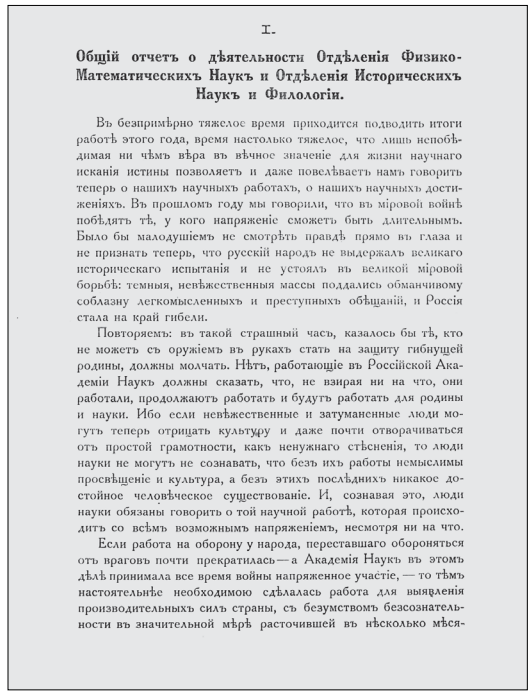
академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ

и читанный въ публичномъ засѣданіи 29 декабря 1917 года.

ПЕТРОГРАДЪ.

1917.

Отчет о деятельности РАН по Отделениям физико-математических наук и Исторических наук и филологии за 1917 г. Титульный лист



I.

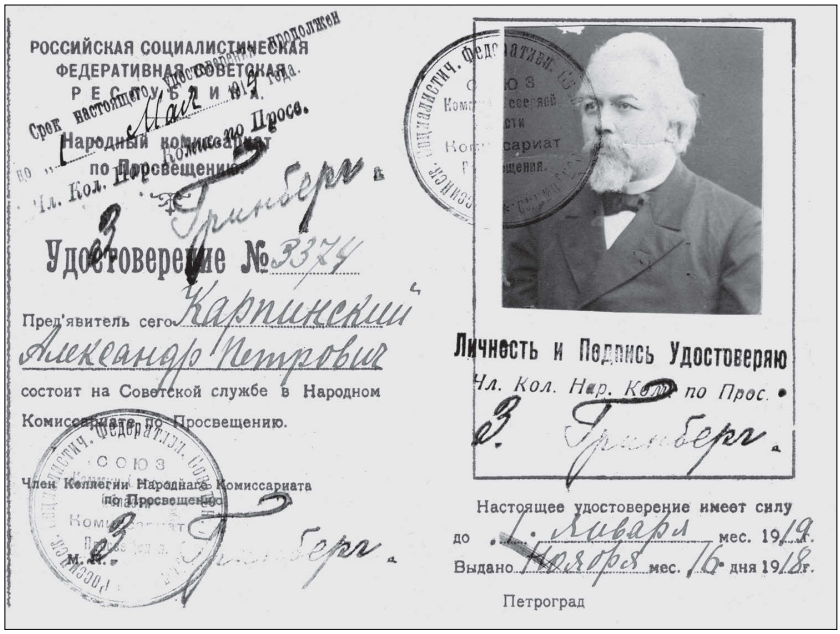
Общій отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Физико-Математическихъ Наукъ и Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи.

Въ безпримѣрно тяжелое время приходится подводить итоги работѣ этого года, время настолько тяжелое, что лишь непобѣдимая ни чѣмъ вѣра въ вѣчное значеніе для жизни научнаго исканія истины позволяетъ и даже повелѣваетъ намъ говорить теперь о нашихъ научныхъ работахъ, о нашихъ научныхъ достиженіяхъ. Въ прошломъ году мы говорили, что въ міровой войнѣ побѣдятъ тѣ, у кого напряженіе сможетъ быть длительнымъ. Было бы малодушіемъ не смотрѣть правдѣ прямо въ глаза и не признать теперь, что русскій народъ не выдержалъ великаго историческаго испытанія и не устоялъ въ великой міровой борьбѣ: темныя, невѣжественныя массы поддались обманчивому соблазну легкомысленныхъ и преступныхъ обѣщаній, и Россія стала на край гибели.

Повторяемъ: въ такой страшный часъ, казалось бы тѣ, кто не можетъ съ оружіемъ въ рукахъ стать на защиту гибнущей родины, должны молчать. Нѣтъ, работающіе въ Россійской Академіи Наукъ должны сказать, что, не взирая ни на что, они работали, продолжаютъ работать и будутъ работать для родины и науки. Ибо если невѣжественные и затуманенные люди могутъ теперь отрицать культуру и даже почти отворачиваться отъ простой грамотности, какъ ненужнаго стѣсненія, то люди науки не могутъ не сознавать, что безъ ихъ работы немыслимы просвѣщеніе и культура, а безъ этихъ послѣднихъ никакое достойное человѣческое существованіе. И, сознавая это, люди науки обязаны говорить о той научной работѣ, которая происходитъ со всѣмъ возможнымъ напряженіемъ, несмотря ни на что.

Если работа на оборону у народа, переставшаго обороняться отъ враговъ почти прекратилась — а Академія Наукъ въ этомъ дѣлѣ принимала все время войны напряженное участіе, — то тѣмъ настоятельнѣе необходимою сдѣлалась работа для выявленія производительныхъ силъ страны, съ безумствомъ безсознательности въ значительной мѣрѣ расточившей въ нѣсколько мѣся-

Фрагмент отчета РАН за 1917 г. С. 5



РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Срок настоящего удостоверения продолжен до 1 Мая 1919 года.

Народный комиссариат по Просвещению.

Чл. Кол. Нар. Комиссариата по Просв.

З. Гринберг.

Удостоверение № 3374

Пред'явитель сего Карпинский Александр Петрович состоит на Советской службе в Народном Комиссариате по Просвещению.

Член Коллегии Народнаго Комиссариата по Просвещению

М. К.

З. Гринберг.

Личность и Подпись Удостоверяю

Чл. Кол. Нар. Ком. по Прос.

З. Гринберг.

Настоящее удостоверение имеет силу до 1 Января мес. 1919 г.

Выдано Ноября мес. 16 дня 1918 г.

Петроград

Удостоверение президента РАН А.П. Карпинского, советского служащего Народного комиссариата по просвещению

«От политики оскомина…»

Письма Е.Д. Кусковой к М.А. Алданову*

№ 11

6.1.1951

Дорогой Марк Александрович!

Еще раз – с Новым Годом! Вам и Т[атьяне] М[арковне] желаем больше всего – здоровья, благополучного пути и – долгих годов без стрельбы, т. е. без безумного сумасшествия людей. Последнего желаем очень, хотя и мало верим, что именно это пожелание исполнится!

Через несколько дней, почти часов – Вам ехать... Грустно нам! Вряд ли когда-нибудь увидимся, стареем мы не по дням, а по часам, а кругом – скверно. Надеемся все же, что в Нью-Йорке не забудете нас и будете хоть изредка подавать весточки о себе.

Получили известие, что «Бюллетень» А[лександра] Ф[едоровича] скончался. Не удивляемся этому. Это издание было до того неудачно, бесцветно, безыдейно, что – кто даст средства под такую тусклую вещь? Далин[1] опять уехал в Мюнхен варить кашу с Сер[геем] Петр[овичем], солидаристами и прочими людьми неугомонными в смысле «Возглавления» эмиграции. Я советую Сер[гею] Петр[овичу] успокоиться и отдаться своим историческим изысканиям, где он больше на месте, чем в будущем правительстве России. В последнем письме он с этим согласился и говорит, – как пьяница! – «больше не буду», если на этот раз «объединение» постигнет неудача.

Как Ваши глаза? У меня тоже болит последний глаз (другой давно погиб), и это часто создает у меня панику: а что если ослепну раньше смерти? Сер[гей] Ник[олаевич] постепенно поправляется и уже опять усиленно работает.

Пожалуйста, дайте о себе весточку, когда приплывете в город теперь беспокойный и неприятный. Желаю Вам как-нибудь там от этого беспокойства спрятаться в свою работу.

И обоим Вам от нас обоих – всего-всего лучшего! Пусть же судьба будет милостива к Вам и заставит океан быть не бурливым.

Сердечно Ваша, *Е.Д. Прокопович*

Какой шикарный вышел юбилей Р.А. Абрамовича[2].

---

* Окончание. Начало см.: Исторический архив. 2017. № 1. С. 124–151. Публикатор В.Л. Телицын.

P.S. Меня все же опасайтесь. В Нью-Йорке собираются подписи – под листами. Перечисляются все мои преступления (оборончество, обеление и т. д.) и с прискорбием приходят к заключению, что такую деятельность может развивать только... советский агент. Сплетни ходят, что во главе этой акции стоит Гуль[3]. «Подрывная» моя деятельность так вредит эмиграции, что тем или иным путем меня следует «изъять». На это изъятие подбивают главным образом новую эмиграцию, которая и сама злится на меня за то, что я не восхищена их «Культурой» и их ненавистью к строю, который они же своими руками и создавали. С[ергей] Н[иколаевич] не позволяет мне «печалиться». Но ведь я печалюсь не за себя лично, а за всю эту гниль, которая отравляет и за рубежом воздух русской жизни и работы. Вот это горько.

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 32–33.

№ 12

Pension Belmont
26, Route de Chêne
Génève
Женева *3.VI.1951*

Дорогой Марк Александрович!

Очень перед Вами виновата. В душе много раз писала Вам письмо, много раз и жаловалась. А вот сесть к столу и изложить все это «душевное» как-то не выходило. Очень сломил меня Сер[гей] Ник[олаевич] своей тяжелой болезнью. Его воспаление легких проходило с осложнением в сердце. Одно время врач сомневался. Сомневалась и я. А тут надо было «вести жизнь». Пока ходишь, она ведь идет своим чередом. Вот и сейчас пишу Вам под очередной скандал с «Н[овым] р[усским] с[ловом]. Чем-то очень обидела и редактора, и очень злую собаку Галича[4]. Они оба не знают, не ведают, как все это мне надоело. Только что послала ответ Вейнбауму, как новый сюрприз: антисемит и первобытный монархист Солоневич[5] зачем-то отхватил в «Н[овом] р[усском] с[лове]» целый фельетон. Правда, к эмиграции он больше подходит, чем «дерьмократы», как он выражается. Но этого я уж перетерпеть не могу. Надо кончать сотрудничество. Быть может, я и в самом деле какой-то основной «сущности мира» не понимаю. Галичи и Солоневичи понимают ее лучше. Ну, и пора перестать быть мишенью ругательств. Их и так достаточно. Даже вот Ив[ан] Ал[ексеевич] летал в Москву, не спросившись Глебушки Струве[6]. Он ответил им прелестной заметкой. Я таких заметок писать не умею. И потому беззащитна от Галичей, желающих меня отправить в Москву. Самое там, оказывается, для меня подходящее место. Но... какая дикая пошлость кругом. И эти люди думают править Россией? Никогда. Она еще будет, несчастная, долго мучиться. Но одних, лающих на все и вся, кто не они, не сменит на таких же. Что-то в ней должно выровняться, хотя бы к линии минимальной справедливости.

Перейду к своей просьбе к Вам. Пожалуйста, не поймите, что ее нужно непременно исполнить. Если окинете взором положение, и увидите, что ее выполнить

нельзя, не делайте усилий. Вы же получили книгу Б.А. Никольского[7], приват-доцента Женевского университета и переводчика в ОПИ. Юра Фишер писал мне, что Фонд Форда будет заниматься и издательством. Но он так влюблен в Кюстина[8], что я боюсь, как бы Россия не была там предъявлена в этих образах: будто бы есть аналогия Николаевской России со Сталинской. Это опять загиб. А мне кажется, что всем этим молодым Ди-пи надо дать хотя бы краткий проспект российской истории, без этих загибов в сторону осуждений и разоблачений. Книга Никольского как будто дает этот проспект. Здесь она пользуется успехом у студентов Женевского университета. Нельзя ли ее издать на русском или английском языке в издательстве Форда? Если на русском – немедленно будет прислана рукопись. Если на английском – придется переводить. Последнюю главу автор хотел бы переработать. Это он сделает. Но мне кажется, что-то контр-Кюстинское надо дать. А то выходит нехорошо: при теперешней нелюбви американцев к русским все как-то ударяется в кривое зеркало. И тогда, что бы ни говорил Ал[ександр] Фед[орович], – народ одно, а власть другое – все же Кюстинской краской будет смазан и народ. Еще раз повторяю: больших усилий не делайте. Но если пройдет – это будет очень хорошо.

Очень жаль мне Сер[гея] Петр[овича]. Он все еще ведет переговоры с Лайонсами и обижается на них: все хотят расчленить Россию[9]. На мой вопрос, как это ему не надоест, последовал ответ: «До смерти надоело! Скоро, вероятно, все брошу». Они обещали ему 250 долл[аров] в месяц на издание «Росс[ийского] демократа», но до сих пор не дали ни гроша. Хоть бы Фонд ему помог – он под их устремления вполне подходит. Бьются они материально – ужасно. Я ему советую бросить политику и заняться историей. Но ведь он мог бы мне ответить: врачу, исцелился сам. Политика же стала до того отвратительной, что... А мне говорят: сами вы же этого хотели, массы пришли. Но куда же нам от этого «пришли» деться? Не царей же призывать, чтобы потом устраивать 1 марта[10].

Когда думаете вернуться в Европу? Как теперь глаза? Как вообще здоровье Ваше и Т[тьяны] М[арковны]? Конечно, до выборов возвращаться не стоит: что-то они преподнесут? Неужели Италию? Ну, и что же? И в католической Италии, где сидит сам Папа, рука Москвы действует энергичнее? Боже, какая чушь, и какое непонимание глубин исторического процесса. Он страшен, этот процесс, но зачем же возвеличивать всегда Сталина – все он, он, всегда он! Просто руки опускаются от такого примитивизма. А тут еще Коряков: под Сталиным-то все – проститутки[11]. Очень бы хотела, чтобы Вы прочли повесть «Девушка из бункера». № 8, 9 и 11 «Граней»[12]. Там скорее тургеневский тип, а не проститутка. А ведь повесть написана тоже эмигрантом. Вот и решай: кто же прав?

Потрясают ссоры в Нью-Йорке... Неужели – закон природы – разложение старых форм до самого их корня? Хотели бы с Як[овым] Бор[исовичем][13] выстроить в Париже приличную газету. Но и там: «группы», подгруппы – и просто тошно читать. Нет совершенно общественной линии даже не поведения, а обсуждения вопросов. Все жалуются, что этот «Бюллетень» никому не нужен и никому ничего не дает. Людям надоели «ячейки», и они хотят понимать, что происходит в мире не с ячейной точки зрения. Горе!

В связи с этим вот о чем хотела Вам писать. В Париже опять люди беседуют о создании газеты. А я здесь получила длинное письмо от Адамовича, который про-

сит меня ответить, согласна ли я учавствовать в газете – «левой», где мне будет предоставлена полная свобода слова. Затруднилась ему ответить: какая газета? Что значит «левая»? Кто, что, с кем? Даже не пишет, кто редактор, кто участники. В это время приехал В.В. Вырубов с рассказами о парижских новостях. Его литературным рассказам я не очень верю – он чужак в них. Но вот что он рассказал. Что ваша (демокр[атическая]) группа обсуждала вопрос о газете и вынесла решение прежде всего об Адамовиче: не идти под его редакторство, буде оно будет, но в газете его участие принять. Затем обсуждалась комбинация: редактор Кантор (?)[14], под ним надпись: при ближайшем участии Алданова, Бунина, Маклакова и Адамовича. Упоминалось и мое имя, – в каком качестве, что-то замялся сказать. Затем прибыл (уже второй раз за короткое время) Зелюк. Рассказал подробно о своих отношениях со Ступницким и о своем желании это «направление» сменить. Долг на газете – 1,5 милл франков не только Зелюку. Поставил им условия, *которые пока* выполняются (оплата № вперед). Тем не менее, он думает, что газета существовать не может, если... если ее не поддержит материально «кой-кто»... А, кажется, не поддержит. Зелюк же думает, что создать другую комбинацию трудно: нет в Париже именованных людей, а «Алданов, единственный человек, на котором все бы сошлись, не хочет брать на себя этой задачи». Я ему рассказала о Канторе. Он: «Да, действительно, ко мне приходила тройка: Кантор, Адамович и Бахрах[15]. Но они не ставили вопрос так, что Кантор – новый редактор, а говорили вообще о создании новой газеты. Когда мне [...][a].

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 34–37.

№ 13

14.VI.1951

Дорогой Марк Александрович!

Очень благодарю Вас за письмо. Сейчас ограничусь немногим – напишу потом. К тому же опять не очень здоров С[ергей] Н[иколаевич]. Вышло недоразумение – боюсь, что уже опоздала поправить его. Я писала относительно Сер[гея] Петр[овича] не о *Литер*[атурном] *фонде*, а о Фордовском. Эта помощь могла бы, разумеется, выразиться в издании одной из его исторических работ. У него их несколько готовых. Досадно, что выразилась кратко – Фонд. От Гукасова[16] он получает плату нищенскую – 20000 за каждую книгу, т. е. 10000 в месяц!! Это – позор. Последняя 15[-я] книга даже хороша. Иванова он туда больше не пускает. Вот я и писала, что если у Фонда Форда развернется издательство, чтобы заказали и Мельгунову, его, право же, стоит поддержать. Они оба замучались от литературных невзгод и, конечно, 25 долл. ему не помогут.

Второе, о чем должна написать Вам – это о двух последних письмах И.А. Бунина. Есть фраза: «Околеваю в нищете». Я тотчас же попыталась создать что-нибудь здесь. Но Швейцария... Нельзя... Она берет 20–30 стариков из Германии,

[a] Дальнейший текст письма утерян.

Ди-пи, и думает, что это – ее доля, и все тут. Помещает их тут в богадельню. Да ведь и свои старики тут получают 100–150 шв[ейцарских] франков в месяц. На это тут жить нельзя. Ив[ан] Ал[ексеевич] пишет, что из Америки ему посылают мало, а он совершенно болен, не выносит парижского климата, и ему нужно было бы уехать на юг. Ну, на это здесь и думать нечего собрать.

Сейчас получила весть о кончине В.А. Оболенского[17]. Только три дня тому назад получила от него письмо – «умираю от астмы, вчера чуть-чуть не задушила. Но доктор сказал, что это – нервный спазм». Вот и спазм. Я уже по почерку видела, что дело плохо.

О «Н[овом] р[усском] с[лове]» Вас удивляет позиция М[арка] Е[фимовича Вейнбаума]. А меня она мучит. Я знаю, что у нас с Вами большие разногласия. Но думаю, что все ближайшее (и скорое!) определит, кто был прав.

А странный генерал, добавленный откровенным до конца Ведемейером[18], ни для кого здесь, например, не приемлем. Чего понадобилось М[арку] Е[фимовичу] взять его под свое крыло – не понимаю. Но, дорогой Марк Александрович, неужели Вы думаете, что я говорю о разногласиях? Разве в наши времена может быть единогласие? И очень хорошо, что М[арк] Е[фимович] сделал «парламент мнений». Я говорю о *форме* и о *пределах* коалиции спорящих. Форма часто мерзкая, некультурная, оскорбительная для личностей авторов. Это раз. А затем – ни в каком случае дорогой Пав[ел] Ник[олаевич] не допустил бы Солоневича под видом письма в редакцию писать статью с наездничеством о *дерьмократии*. Одно это слово позорит газету. Я знаю, что Мар[к] Еф[имович] недавно зарезал статью Глеба Струве об Адамовиче[19]. Но Струве пишет примитивным тоном, хотя цитирует абсолютно отвратительные (даже циничные) вещи самого Адамовича, который – простите! – прежде всего глуп политически. Поэтому я вовсе не против полемики. Я против полемики *дурного* тона, это ведь развращает и писателей, и читателей. И редактор мог бы это регулировать.

Что же нам делать с Ив[аном] Ал[ексеевичем]? Неужели нельзя найти ему какого-либо мецената в Америке? Мне почему-то кажется, что он долго не проживет. Так вот – последние года-то... И такому человеку! Ну, и времена!

Очень благодарю Вас, дорогой Марк Александрович, за внимание к книге Бор[иса] Ал[ександровича] Никольского. Вы ее, верно, уже получили. Юру Фишера мы хорошо знаем. Но он еще детеныш, и, действительно, важно знать, кто станет идейно во главе издательства. Можно было бы хотя бы для Ди-пи[20] издать ценную библиотечку для их обучения, – очень они примитивны еще, даже герой Коряков.

Пока спешу послать это письмо с поправкой о фонде. А то выйдет неловко.

Очень радуемся, что Вы с Т[атьяной] М[арковной] едете обратно в Ниццу. Сер[гей] Ник[олаевич] просит Вам передать его заверения, что войны не будет, не может быть. А если будет, то в Азии, а не в Европе.

Письмо Ал[ександра] Фед[оровича] корректно, но не по существу.

Сердечно кланяемся оба Вам и Т[атьяне] М[арковне]

Ваша [*Е. Прокопович*]

[P.S.] Совсем не согласна с Вами относительно газеты в Париже. Да, с В[асилием] А[лексеевичем] мы не сговоримся вполне. Но для маленькой газеты

достаточно взять в редакторы Я.Б. Полонского. Он написал мне текст программы, абсолютно приемлемой даже для такого капризного политика, как Вы. Сотрудников хоть отбавляй, и газета могла бы быть чистой и полезной. Значит... Значит, нет только денег. Лена Зелюк предлагает мне долгий кредит и новое название (уже утвержденное) «Новости». Но, кажется, парижане не хотят связываться с Зелюками: обдиралы! Ну, а тогда уж и вовсе денег нет... Тогда Атран написал мне, что подумает и выждет, что сделают Американские комитеты свободы, которые якобы хотели издавать в Париже большую ежедневную газету. Если б Пав[ел] Ник[олаевич] был жив, газета там, конечно, была бы.

Гуль, действительно, со всеми перессорился. Ушли от него и Юрьевский[21], и Берлин[22], и другие.

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 38–40.

№ 14

13.7.1951

Дорогой Марк Александрович!

Благодарю за письмо. К сожалению, информацию из Парижа Вам дали в духе Авг[усты] Фил[ипповны], то есть с украшениями. Ни о каком «направлении» мною Русской секции Форда я, конечно, никому не писала и писать не могла. Писала лишь Як[ову] Бор[исовичу], что Кеннан[23] прислал мне благодарность за использование его статьи в «Н[овом] р[усском] с[лове]» (за кот[орую] другие меня неистово ругают). Прислал он мне и оттиск своей брошюры, очень здесь нужной[24]. Все это он сделал через Жоржа Фишера. С ним я в переписке, и вот ему я выразила свой большой интерес к тому, как будет поставлена русская секция – не Кюстином ли она будет заниматься? Согласитесь, что спрашивать и «направлять» – это, выражаясь по-одесски, две большие разницы.

Теперь о воспоминаниях. Поставили вопрос, на кот[орый] трудно ответить. У меня много написано (и даже напечатано) разных «вспоминательных» вещей. Но все это – отрывки из разных эпох. Чтобы дать книгу (или книги?) надо знать, прежде всего, чего хочет заказчик. Когда я имела возможность писать для себя (в Чехии), я размахнулась большой программой – с [18]80 гг. Мне хотелось дать картину того, *как* формировался русский радикальный и социалистический человек в кружках. А затем – *как* он действовал в движениях, революции, культуре. Эту программу я выполнить не могла – не нашла просто времени. Написала только детство. Если сейчас писать книгу, то: 1) Нужно знать, какая именно эпоха моей долгой жизни интересует читателя. 2) Какой срок будет дан для исполнения заказа. 3) *Самое главное.* Нужно ли писать для того, чтобы она была напечатана сейчас же, т. е. пока живы еще люди, кого придется вывести, или же это воспоминания для истории с обязательством их *не печатать* такой-то срок. Как Вам известно, наши чемоданы попали к Сталину (выдача Пражского архива). На двух моих и С[ергея] Н[иколаевича] чемоданах была наклейка: «Не печатать 25 лет». Если не ошибаюсь, такая же наклейка была сделана на чемоданах С.В. Паниной

и Астрова[25]. На ключах, данных нами в Минист[ерство] иност[ранных] дел (чешское), была такая же надпись. Когда был жив еще Изюмов[26], он писал мне, что ему точно известно, что именно эти материалы подаются в особых докладах Сталину. Согласитесь, что это – подлость безмерная. Между прочим, в этих чемоданах было около 200 писем П.Н. Милюкова, много писем Савинкова, Керенского, Маклакова и т. д. Ко всем ним я сделала *комментарий*: при каких обстоятельствах эти письма были написаны. Копий этих писем у меня нет, но там же были заметки-воспоминания о наиболее драматических минутах Врем[енного] прав[ительства]. Многое ведь совершалось в нашей личной квартире. У меня память – хорошая. Я много помню, но, конечно, это – не то, как если б эти материалы у меня были.

Так вот сейчас: как писать – для печати – это одно, для истории – совсем другое. Напр[имер], все мои комментарии к письмам сделаны не для печати, а для истории. Вы, автор прекрасных «Истоков», отлично знаете, какая это громадная разница. И потому, если, действительно, пойдет речь о таком мне заказе – чему я была бы очень рада, – я должна знать от заказчика, чего он от меня хочет. Прежде всего – какую эпоху изобразить, ибо годы протекли, и своей пражской программы я выполнить не успею. Была бы Вам очень признательна, если б Вы могли выяснить этот вопрос с лицом, кот[орый] будет ведать издательством. Важен также и срок. В очень короткий срок я выполнить этого заказа не смогу: одна про все. И у меня все время болен С[ергей] Н[иколаевич]. Сейчас уже третий месяц мучимся с ногой – воспаление коленного сустава. Это берет у меня много времени, накладки plasme, горячие компрессы – все я одна. Он работает как бешеный (его книга о сов[етском] хозяйстве издается сейчас во Франции), но ходить почти не может. Представляете, как это весело?

Теперь об одном эпизоде. Из Праги бежал бывший с[оциалист-]р[еволюционер] Кобяков[27]. Он мне пишет огромные письма с описанием того, что там. Об этом я Вам напишу уже в Ниццу. Но вот один эпизод. Как только умер А.Ф. Изюмов, к нему нагрянула *советская Чека* (!). Опечатала все бумаги. В них нашла длиннейшее письмо Изюмова к Керенскому, когда тот организовал свою Лигу. Чекист сказал: «Если бы мы знали, что пишет Из[юмов] Керенскому, мы не дали бы ему умереть». Что это значит, Кобяков не объясняет. Не говорит он и о содержании этого письма. Сам Кобяков занимал там важное место в отделе информации министерства внешней торговли с подачей реляций самому Готвальду[28]. У него советский паспорт. Озерецковский служит там же, но уже важным чиновником: у него не только сов[етский] паспорт, но он член русской партии. Чудеса!

Возвращаясь к русским делам, могу сказать, что было бы очень важно, если б Фонд Форда поднял на достаточную высоту русскую культурную работу и издательство. Все это очень опустилось, завяло. Или выступают Лайонсы, кот[орые], не стреляя, грозят Сталину револьвером и мучают бедных людей, вроде С.П. Мельгунова. Этот так остервенел от всех этих выходок Далина и др., что хочет «послать все к черту». Конечно, не пошлет, но страдает.

Радуюсь, что И.А. Бунин будет устроен материально. Последние годы надо же дать таким блестящим старикам поработать. Что касается Б.И. Николаевского, то клянусь – не наша была инициатива разрыва. Сначала он преследовал меня и С[ергея] Н[иколаевича] за «советскую лошадку», будто бы мы дезинформируем иностранную печать. Потом брякнул о Богучарском[29], кот[орого] я очень любила.

Потом это его власовство и этот тон с инакомыслящими. Но я ведь знаю его дикую энергию и ее пользу, когда она правильно использована. И потому жалею, что он сильно разогнал от себя не только нас, но и другую публику. Вместо того, чтобы своей энергией сплотить других, он их обижает (и очень!) и разгоняет.

Газета... Пока идет все гладко. Программа? Мы договорились ее не выпирать вперед. Программы всем опостылели. И потому – разовьем ее на фактах. Пишем пока декларации. Не шумные, простые. Лишь бы газета осуществилась. Я уверена, что *ссор* не будет. С большой охотой согласился в ней работать В.Г. Йоллос[30], будет нас снабжать материалами по иностранной политике. Ну, посмотрим. Пока все идет мирно.

Я рада, что Вы возвращаетесь в Ниццу, но совсем не рада, что Вы покидаете Нью-Йорк. Ваша голова там очень нужна. Из Ниццы влиять труднее. Нельзя ли все-таки как-нибудь закрепить Ваше участие в Фонде Форда? А в «Нов[ый] жур[нал]» Вам после исчезновения Св. Марии[31] вернуться надо: 25-я книжка просто пуста.

Расписалась ужасно. Пора кончать. Жаждем мира, но начали сомневаться, что он возможен. Очень запутаны отношения и очень – это факт! – многие и многие, влиятельные и невлиятельные, рвутся к войне. Как не понять, что современные гордиевы узлы шпагой не рассекаются? С[ергей] Н[иколаевич] увлекается своей новой работой – о результатах плана Маршалла[32]. Картина – поразительная: хотя мы и не ортодоксальные марксисты, но от точной экономики многое политическое видно, как на ладони.

Ну, окончательно Вас замучила. Благодарю Вас за разговоры о воспоминаниях. Если я буду в состоянии их писать, это будет радость – напоследок жизни.

Сердечные приветы Вам и Т[атьяне] М[арковне]. Возвращайтесь благополучно, без бурь и в добром здоровье.

Хромой С[ергей] Н[иколаевич] шлет Вам обоим лучшие пожелания.

Ваша *Е. Прокопович*

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 41–44.

№ 15

Женева *2.VIII.1951*

Дорогой Марк Александрович!

Безгранично благодарю Вас за Вашу попытку заставить лентяйку все собрать, записать. Без определенной цели – не хватало никогда времени. Но если б Ваша попытка удалась – пришлось бы многое обрезать и эту вещь дать. «Бабушкин сундук» все же мог бы кому-нибудь пригодиться. Ник[олаю] Ром[ановичу Вредену][33] я написала и вот эту программу послала. Если найдете минуту ее пробежать глазами, напишите, подойдет ли это к их замыслам. Два события могут эти самые добродетельные замыслы превратить в обычную русскую чехарду: Ваш отъезд, и смерть – такая внезапная! – Б.А. Бахметева[34]. Не вижу там людей, которые могли бы направить это дело в нужном *русском* направлении.

А сейчас – тоже совершенно между нами. Несколько лет тому назад мне пришлось обратиться к Н.Р. Вредену с просьбой издать по-английски книгу С[ергея] Н[иколаевича] о советском хозяйстве. Дана была мне при этом и его характеристика, совершенно противоположная Вашей. Это – человек действительно культурный, но «с отвращением» относящийся ко всему русскому, к эмиграции в особенности. Да он ее и не знает совершенно. Ответа мы от него так и не получили. Тоже характерно. Хотя бы слово – нет... Это было обидно, так как у С[ергея] Н[иколаевича] просто мания: видеть эту книжку, изданную для американцев. Как правило, американцы (мы их тут видим много) языков не знают. Питаться любят сенсациями типа Кравченко[35]. Нам очень хотелось, чтобы рядом с этими сенсациями появилась деловая книга о советском хозяйстве. Ведь все-таки наступит же время, когда американцам придется «дела делать», вероятно, с теми же Советами или с их остатками. Сразу это чудовище не уничтожит никто. Очень бы хотели, чтобы была правильна Ваша характеристика, а не та давняя, которую мы тогда запечатлели для себя. Это тем более важно, что решительно не видим вокруг него людей, которые дали бы добрый совет в постановке такого нужного дела, как русское издательство. Вот почему – отлично понимая Ваши личные соображения, *очень* огорчились, что Вы не взяли на себя роли советчика. Ведь эта роль: 1) не обязательно должна быть связана с бюро, 2) она может выполняться даже из Ниццы. Если не дай Бог эта роль попадет в руки Николаевского, или даже М.М. Карповича – издательство просто пропадет. Пример – «Новый журнал», так и не нашедший своей линии, ни ценных сотрудников. Все это, разумеется, строго между нами. С молодым Фишером мы долго занимались. Но ведь пока это только сосунок. Что из него вырастет – неизвестно. Он уже на наших глазах успел сменить свои позиции. Итак – боимся...

Нью-Йоркские ссоры вызывают тошноту. И, кроме того – это гнилостное разложение *политических* сил эмиграции. Сейчас Абрамович написал по-еврейски такую омерзительную статью в «Vorwarts'е», что даже редакция ахнула, и сделала примечание, что наш уважаемый сотрудник просто заврался... А смысл его статьи: «горячо приветствует союз с Франко[36], ибо он хотя и диктатор, но лилипут сравнительно со Сталиным. А так как базы иметь нужно – война вот-вот вспыхнет – то мы приветствуем союз с Франко».

Знаете... Тут дело вовсе не в отношении к Франко. А вот эти навязчивые призывы к войне до того отвратительны, что не знаешь, что и думать об этих спятивших людях. Даже редакция «Vorwarts» ахнула. А ведь он ее любимый сотрудник.

Часто переписывалась с С[ергеем] П[етровичем], но о нем долго писать. За 50 лет он очень был Фонду признателен, но должен был поделиться с Аленушкой Мякотиной[37], которая очень бедствовала. Но теперь ей выхлопотали французскую стипендию.

В пятницу к нам приезжает А.А. Титов[38], а 10-го, вероятно, Вас[илий] Ал[ексеевич]. Воображаю, как и он потрясен внезапной смертью Б.А. Бахметева. Сегодня прочла статью о нем Тырковой в «Рус[ской] мысли». Видели ли Вы его в этот Ваш приезд в Нью-Йорк? Какое производил впечатление? Для нас это – удар.

Посылаю Вам упражнения Солоневича над «Истоками». Когда начитаетесь, верните мне.

Хорошо ли перенесли путешествие? Как здоровье Ваше и Т[атьяны] М[арковны]? Ноге С[ергея] Н[иколаевича] лучше, но совсем еще не прошла. Намучился он с ней сильно. Читали «News» (советский) и статью в нем Тарле?[39] Здесь газеты трещат о смягчении режима и об удалении Вышинского[40].

Еще раз, дорогой Марк Александрович, благодарю Вас за то, что вспомнили обо мне. Боюсь, что «другие влияния» это прохождение мое через ряд других начинаний затруднят.

Будьте, пожалуйста, здоровы. А то.., уж мало нас остается! С[ергей] Н[иколаевич] шлет Вам и Т[атьяне] М[арковне] приветы.

Ваша *Е. Прокопович*

Прошу Люб[овь] Ал[ександровну] продолжить ее экспромт:

«Ни белая, ни красная выходит газета.

Какие мы несчастные, что не имеем цвета!»

Необходимо продолжить. А все же мы ведь не бесцветные! Только я сама – не умею.

P.S. Ну, а это уж окончательно между нами, Сер[гей] Пет[рович] *очень* скорбит, что между ним и Вами пробежала кошка. И очень хотел бы эту кошку прогнать. Но – как? Совет я ему могла дать только один, который очень любила давать покойная В.Н. Фигнер: как будто ничего не было.

P.P.S. Видели ли Вы лично нью-йоркских Ди-пи? Какие впечатления?

Заметьте измененный адрес. Сами мы, как кошки – все на том же месте. Но изменило свое место почтовое бюро.

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 45–47.

№ 16

23.IX.1951

Дорогой Марк Александрович!

С[ергей] Н[иколаевич] горячо благодарит Вас за поздравления, – правда, с дурной датой рождения. Лучше бы хоть бы с 60-ти летием. Все-таки была бы надежда что-то полузавершенное увидеть. А теперь... Уйдем скоро, ничего не увидев, как ушел незабвенный Бор[ис] Ал[ександрович]. До сих пор еще не пришли в себя от этой потери. Его последние письма были полны тоски и тревоги. Раньше он все писал, что американцы – народ здоровый духом. Последнее время и в этом он усомнился.

Не сразу ответила Вам: были в страде. Целую неделю сидел у нас переводчик книги С[ергея] Н[иколаевича], француз. Работали с утра до позднего вечера. А в виде отдыха, за обедом и за ужином, говорили... Он – бывший коммунист, интимный друг А.М. Коллонтай. Знает много о прошлом, умный и честный: сразу же ушел, как только почувствовал, куда ведет эволюция России, то есть вернее, большевиков. Наслушались и его прогнозов. Он думает, что Сталин всеми доступными ему способами постарается избегнуть войны. Но в то же время он убежден,

что американцы всеми своими действиями, всей своей подготовкой ищут войны и жаждут раз навсегда покончить с варварами.

А наша злоба дня, и в письмах, и в разговорах – Центр... Еще не создавшись, он уже успел всем надоесть. Нахожу поведение американцев бестактным. Эти их заявления о «дружеском руководстве», об их инициативе – просто глупы и оскорбительны для русских. Никак не могу понять, зачем Керенский влипает во все эти «новообразования» безусловно гнилостного характера.

Из Нью-Йорка пишут, что в Фонде Форда – затишье. Что еще пишут – не стоит передавать. Скажу лишь одно, и то совсем между нами. Вера Алек[сеевна Шварц], которая с радостью откликнулась на предложение и хотела сразу же отказаться от прежнего места, теперь в этом месте взяла трехмесячный отпуск, не веря в свою устойчивость у Фонда. Положение Юры Фишера тоже пошатнулось, хотя у него контракт, и он не может быть уволен. Окончательная организация еще не создалась, и начала работы нет. Кто и почему тормозит дела – версии разные. Получила большое письмо от М.М. Карповича. В нем приглашение писать в «Н[овый] ж[урнал]», в котором, пишет он, «я буду единственным распорядителем». Оба мы послали согласие, но думаем, что с нашими взглядами мы вряд ли подойдем. Так вот и поживаем – в полнейшей неопределенности. Находим, что всех людей связывает общая неустойчивость положения. Морская качка. Сегодня в одну сторону, завтра – в другую. До тошноты...

Газету Солоневича с рецензией на «Истоки» мне не возвращайте: прислали второй экземпляр.

Дело с газетой в Париже заглохло. Кажется, даже Адамович надолго уезжает в Англию. Я отчасти этому рада: для парижской публики вполне достаточно «Рус[ских] нов[остей]» и «Русской мысли» со лгуном Зеелером[41]. Так стыдно, что такой человек состоит председателем Союза писателей, занимая место покойного П.Н. Милюкова. Все как-то мельчает, а новые... Ох уж эти новые. Вот сейчас только прочла в «Посеве», что в городе Лимбурге на Лане есть две достопримечательности: Лимбургский собор и... «Посев»[42]. Забыли почему-то еще упомянуть о Лимбургском сыре. Но, быть может, после войны эта третья достопримечательность уже исчезла. Зензинов сидит сейчас там и вполне солидаризировался с солидаристами: поняли друг друга[43]. Вообще волшебных превращений увидим еще много. Казалось бы – нескучно? А вот скучаю, и очень даже. Кстати, и осень здесь началась – дождь и холод.

Читали ли Вы в свое время книгу Ловича «Будущее России»?[44] Недавно ее перечла – как политический роман. Занятно. И так похоже на настоящее... Если забыли – на ночь перечтите – стоит!

С[ергей] Н[иколаевич] сносен и работоспособен. Удивительно, как он выдержал работу с переводчиком. Благодарю Вас и Т[атьяну] М[арковну] за доставленные ему пожелания. Пожалуйста, будьте здоровы. Оба шлем самые сердечные приветы.

Ваша *Е.* [*Прокопович*]

Очень интересна переписка с С[ергеем] П[етровичем]. Мне этого человека очень жаль.

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П. 731–732. Оп. 1. Л. 48–50.

№ 17

26.IX.195I

Дорогой Марк Александрович!

Только что писала Вам, а вот теперь – «подлая супруга негодяя Мельгунова» так расстроила Ив[ана] Ал[ексеевича], что он снова мучится с астмой. А все его письмо наполнено обидой вот на эту «подлую супругу негодяя Мельгунова». Я его утешаю тем, что теперь женских истерик многое множество и что в заметке Пр[асковьи] Ев[геньевны] есть все-таки косвенное извинение: она признается, что «перехватила» и в ярости своей истерической известила мир о «вхожести» Бунина в советское посольство.

Но кроме этой его жалобы есть и другое. Опять у них денег лишь на месяц. Значит, что же? С Фордом ничего не вышло? Я сегодня получила письмо от Веры Алек[сандровны] Шварц[45], в котором она пишет, что все решения откладываются до созыва Совета попечителей, который состоится лишь в октябре. Сейчас, пишет она, «официального существования» Фонда еще нет. Как же с Буниным? И нельзя ли его пока подкрепить еще откуда-нибудь? Почерк его отвратительный, слабый. Хоть бы отправить их куда-нибудь под Парижем, хотя бы на 2–3 недели? Очень что-то беспокойно.

Скандалы в обществе политкаторжан: все правление забаллотировано. Говорят, что причина – Иргизов. Получено письмо из Германии, что он там напоил допьяна какую-то женщину, мать троих детей, и изнасиловал ее. Кроме того, нечистое обращение с деньгами кассы Общества. Между прочим, это общество тоже заявило свое право получать субсидию из Фонда Форда.

Боюсь, что если Кеннан и другие будут получать подобные сюрпризы от русских Ди-пи, плохо будет. Пожалуй, раскаются, что и фонд учредили.

С[ергей] П[етрович] ел кукурузу, сломал три зуба, нет денег, чтобы их поправить, почему и не едет на очередную конференцию во Франкфурт. Вообще хроника эмигрантской жизни все пополняется какими-то «происшествиями», а о «большом» в ее среде что-то неслышно.

Очень надеемся, что Ваше и Т[атьяны] М[арковны] здоровье – хорошо? Будьте оба здоровы и нас не забывайте.

Сердечно, Ваша *Е. Прокопович*

P.S. Наш молодой епископ Леонтий (ему всего 36 лет) очень обиделся на Людмилу Питоеву[46], что она просила сжечь ее. Не пошел в крематорий: сожжение противоречит православным канонам. Едва уговорили его служить торжественную панихиду в русской церкви, где был французский посол, наши власти и масса народа.

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 51–52.

№ 18

Женева *4.X. 1951*

Дорогой Марк Александрович!

Что это такое? Самым решительным образом выступаю против Вашего «созвучия» с нами. Если не ошибаюсь, Вы лет на 20–25 младше нас. Как же можно равняться? С[ергей] Н[иколаевич] и так все твердит, что мы уж очень перескочили через «среднюю статистику о смертности». Это только означает, что около Вас и Т[атьяны] М[арковны] плохой врач. Наш (прелестный болгарин, старый и опытный), как только мы «головки вниз», сейчас же нас подкрепляет, и мы опять за работу. Теперь есть столько средств восстановления. С[ергей] Н[иколаевич] называет себя «химическим человеком», и вот – держится. И если б Вы только знали, сколько он работает, совсем старенький. Поэтому будем читать «Повесть о смерти» лишь как алдановское художественное произведение, без персонификации на автора. А доктора хорошего надо найти в Ницце. А то пошлем Вам болгарина!

А теперь – к общим делам. Я просто боюсь писать обо всех слухах, сплетнях – их многое множество. Скажешь – а вдруг все это чушь. Вот вчера услышали (около ОПИ) слух, который нас обеспокоил. Вроде бы Жорж Кеннан вскоре будет назначен послом в Москву. Это в связи со сплетнями (уже газет) о смягчении диктатуры Сталина, о победе в Англии бевинистов и т. д.[47] Конечно, эти факты (сплетни?) много важнее нашей тревоги. Мы думаем, что если Кеннан выйдет из Фонда, Фонд развалится. Никто не заинтересован в этой русской акции так, как он. А о Вере Ал[ександровне] Вы меня не совсем поняли. Уходить она не собиралась, и, кажется, довольна своим положением. Но вот тоже что-то закралось в ее воображение о непрочности *всего* предприятия. И потому она взяла отпуск из прежнего своего места на 3 месяца, чтобы посмотреть, как все это организуется.

А теперь – сплетня. Будто бы в верхушке Фонда недовольны засилием марксистов и социалистов вокруг него и хотели бы... поправить. А правых что-то не находят. Затем (это опять сплетня) стоит вопрос о кандидатуре Никол[аевского]. Будто бы находят неудобным его такое исчерпывающее участие в политике. Во всяком случае, пока еще его кандидатура не утверждена. Ну, посмотрим. Ваша непосредственна связь с Н.Р. Вреденом, во всяком случае, важнее этих сплетен. Будем терпеливо ждать, как все это развернется.

Керенский в Париже успеха не имел. А историк наш пишет мне, что у него все больше и больше назревает желание «послать все это к черту». Это – в письме. А в «Рус[ском] демокр[ате]», который я только что получила – наоборот: полный оптимизм. Мельгунова смущает медленность развертывания всего этого дела. Даже назначение следующей конференции все откладывается. Потом он совершенно откровенно говорит: «А денег нам на развитие наших предприятий не дают. Между тем, получение денег *в наши* руки – один из мотивов этого объединения». Я хорошо понимаю, что без денег ничего делать нельзя. Но ведь нельзя и позволить разным Лайонсам вести вас за ручку и кричать о «дружеском руководстве». Мельгунов считает такие заявления крупной ошибкой.

Вчера был у нас В.Г. Йоллос и рассказывал о посещение его Дон Левиным[48]. Йоллос писал об этом новом объединении статью в «Neue Zeitung», и это было поводом для визита Левина. Он приехал с женой (американкой) на великолепном автомобиле. Йоллос – как журналист, пытался выяснить мотивы всей этой затеи. И ему ответы Левина не понравились. Он, Левин, несколько раз жаловался, что «в этой русской каше трудно что-нибудь твердое установить». Не очень высокого мнения он и о Керенском, и в особенности о Мельгунове. Йоллос таки не понял (после двух часов беседы), зачем американцам вся эта возня с «русской кашей». Йоллос совершенно убежден, что и на этот раз из всего этого ничего не выйдет. И боится даже, что американский Комитет просто «отшвырнет этих несчастных людей» в случае самого малейшего соглашения со Сталиным. Но Йоллос вообще *очень* изменил свое мнение о положении в России. Он думает, твердо думает, что несмотря на все трудности ни о какой революции в России не может быть и речи, что режим – прочен, что *сейчас* никто их заменить не может и что Сталин в критический момент пойдет на уступки. Поэтому он считает, что ставка эмиграции на революцию – ошибка и что ничего «революционного» отсюда предпринять нельзя. Впрочем, так думают и все швейцарцы, хотя буквально ненавидят не только режим, но и нас, русских. Это очень тут сказывается.

Мне очень, очень больно, что Керенский ввязался в это дело. Столько у него ран, разочарований, зачем еще новые? Между прочим, Йоллос говорил, что никак нельзя установить, кто именно дал радио в такой дикой редакции после того, как Керенский вылетел из Нью-Йорка в Мюнхен. Не знают этого и в Нью-Йорке. Неужели американский Комитет? Но Левин это отрицает. Тогда – кто же?

Вы уже знаете о том, что *все* правление политкаторжан забаллотировано; в том числе и Иргизов. Ему, как известно, ставили в вину, что он в «зонах» напоил допьяна женщину (мать троих детей) и изнасиловал ее. Мельгунов навел точную справку об этом происшествии и сообщает: «Все это чушь. Он ее не насиловал, а был ее любовником. Она – немка, жена беженца Ольшанского (власовец)[49]. Она подавала прошение о возвращении в Россию (где она долго жила), и при этом опиралась на весьма подозрительных лиц». Ну, вот. Разбирайтесь во всем этом! Между прочим, прошел слух, что Американский комитет дал 2200 долларов в месяц (!) на поддержку этих политкаторжан. Запросили Левина, так ли это. Ответ: «Чепуха, никаких денег этим господам мы не давали и не дадим». А эти господа скандалят между собою. После собрания один из них пришел в редакцию «Н[ового] р[усского] с[лова]» и сел писать отчет об этом собрании. В комнате сидел и Шимкин, издатель[50]. Вдруг входит другой член общества политкаторжан, Иванов, подходит к первому и хочет его бить[51]. Шимкин испугался, бросился в другую комнату и срочно вызвал полицейского. Тот явился.

– В чем дело?

– Вот этот господин нарушает порядок, уведите его из редакции!

– О'кей!

Берет его за руки и выводит. На улице оба эти, полицейский и арестованный, встречают Аронсона[52], который тоже писал заметки об обществе. Иванов к нему по-русски:

– Ну, погоди же ты! Освобожусь, из моих рук не уйдешь!

Как Вы думаете, о таких «политических правах» тоже нужно писать в воспоминаниях, или только в письмах к друзьям! О, Господи!..

Ну, довольно. Утомила Вас. Пожалуйста, позовите хорошего доктора и с Прокоповичами (161 год – вместе-то) не соревнуйтесь.

Оба шлем Вам и Т[атьяне] М[арковне] самые сердечные пожелания. Главное – будьте здоровы.

Ваша *Е. Пр*[*окопович*]

Еще нас мучит почта. Опять перемена. Зачеркните Génève, 17, Malagnon и запишите старый адрес:

Pension Belmout
26, Route de Chêne,
Génève, Suisse

В этом адресе важен № 26. Иначе – путаница.

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 53–56.

№ 19

7.X.1951

Дорогой Марк Александрович!

Быть может, Вам понадобится это сообщение «Литер[атурной] газеты» № 17: «Гослитиздат» приступил к выпуску нового собрания сочинений Оноре Бальзака в 15 томах. Оно будет значительно полнее первого, выпущенного в 1933–1947 гг. В новом издании будет дополнительно опубликовано 20 романов, повестей и рассказов. В первых 13 томах печатаются произведения, составляющие «Человечес[кую] комедию»[53].

В 14 и 15[-м томах] – некоторые из «Озорных рассказов», драмы, очерки, статьи и письма. В первом томе за исключением «Дом кошки, играющей в мячик», публикуются произведения, не входившие в первое издание. Это – роман «Модеста Миньон», повесть «Дочь Евы», рассказы «Загородный бал», «Побочная семья» и «Вендетта». Том открывается вступительной статьей о Бальзаке А. Иващенко[54].

Не найдете ли в Ницце № 128 журнала «Match». Если найдете, посмотрите. Мы с С[ергеем] Н[иколаевичем] просто испугались, увидев совершенно мертвое лицо А[лександра] Ф[едоровича]. Что-то принесет 10-е? Искать новых слов трудно, все уж сказано, пересказано. Будьте здоровы Вы и Т[атьяна] М[арковна]. Успешной работы желаем Вам.

Ваша [*Е. Прокопович*]

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 57.

№ 20

6.10.1951

Дорогой Марк Александрович!

Судьба моя – писать второе письмо вдогонку. Хотелось сообщить Вам, что в Париже А[лександр] Ф[едорович] успеха не имел. Хуже того: на «секретном» (?) совещании у В[асилия] А[лексеевича] ему высказаны были весьма резкие суждения о всем этом предприятии. Вас[илий] Ал[ексеевич] сначала не хотел говорить. А потом разразился резкой речью... Оказывается, по национальному вопросу был подписан уже на первом совещании в Штутгардте какой-то документ, допускающий вот это национальное самоопределение вплоть до отделения. Критикуя этот документ, Татаринов[55] сказал: «Вы, Ал[ександр] Фед[орович], делаете Сталину великий подарок: он один стоит за единство России и достигает этого всеми средствами».

Керенский был очень смущен. Собрание никакой резолюции не вынесло. А сам он все время говорил вещи удивительные: «Я не мог не действовать. В Германии меня ждут 2000 спевшихся людей “оттуда”. Они жаждут действовать, и я буду вместе с ними. У нас будут мощные радиостанции, шары с прокламациями, и т. д., и т. д.». А когда его спросили, что они будут в этих прокламациях писать, он ответил: «Ну, это ясно. Будем писать о необходимости скорейшего свержения власти, но *без войны* и *без террора*».

Все это произвело впечатление бреда, или какой-то загипнотизированности. А тем временем мне передали письмо Далина (новое) в «Н[овом] р[усском] с[лове]». Оно очень хорошо написано, но полно обвинениями Американского комитета в том, что он распоряжается русскими организациями, приказывает им, вычеркивает то, что ему неудобно из их резолюций, и т. д., и т. д. Что касается самой организации, то, пишет он, Керенский напрасно думает, что он может импонировать «новой России», что там выросли свои люди, что именно они и поведут дело освобождения. А в этом «Центре» ответственные места занимают люди из СС[56], клявшиеся в верности Гитлеру. Когда его спросили, на кого он намекает, он ответил, что не намекает, а знает, что Соловьев-Бобров именно этот человек. А так как Лига Керенского нашла возможным – вопреки прежним своим постановлениям – снова солидаризироваться с солидаристами, то он, Далин, из Лиги уходит.

Значит... Новый скандальчик, ибо такое письмо Далина «Центр» без ответа оставить не может. Его новая конференция назначена на 10.10. в Штутгарте. Все это дело в высшей степени тяжкое.

Теперь к Вам большая просьба. На днях нас посетил некий Сем[ен] Аким[ович] Болан[57], библиотекарь Колумбийского университета (русской Бутлеров[ской] Библиотеки). Он объезжает Европу, собирая редкие книги и архивы русских эмигрантов. Были у В[асилия] А[лексеевича], и тот ему обещал дать весь свой архив им. Хотел очень видеть Вас. И сказал, что увидит при втором приезде во Францию – что-то вроде через 2–3 недели. Хотел видеть Ив[ана] Ал[ексеевича], но тот оказался совсем больным и принять не мог. Сейчас он в Лозанне, потом поедет в Германию, потом в Лондон к Б.И. Элькину за архивами П.Н. Милюкова. Тут он наткнется на наследственные скандалы и еще кое на что, о чем сейчас не хочется

говорить. Но так как нам с С[ергеем] Н[иколаевичем] еще придется говорить с ним и иметь вообще дело, то очень прошу Вас написать, знаете ли Вы этого человека? Он, между прочим, рассказал нам такие вещи о Б.И. Николаевском, которым трудно поверить. Я, конечно, наведу о нем справки в Нью-Йорке. Но хотим мы знать еще раньше, знаете ли его Вы. Впечатление он производит странное. Как-то не идет к нему то большое и ответственное задание, которое он выполняет. Живет широко, по-американски. И тоже это как-то не вяжется с ним. Оправдываюсь: это всего лишь беглое впечатление, никогда раньше о нем ничего не слышали и должны же знать, кто он такой. Очень доброжелательный – по беседе, но что-то все-таки не охватить. Приходит ко всем безо всяких рекомендаций – как «библиотекарь и консультант(?) Butler Library Columbia Univ.» и – большой друг prof. Mosely[58]. Но от Mosely – ничего нет.

Теперь об Ив[ане] Ал[ексеевиче] – 1500 д[олларов] в год пожизненно. Это хорошо. Но, дорогой Марк Александрович, ведь на эту сумму они не проживут? На эту сумму при самой скромной жизни нельзя прожить вдвоем и тут, в Швейцарии. А во Франции все много дороже теперь. Как же это будет? Что-то беспокойно. Этот Болан сказал, что в Париже ему сказали, что здоровье Ив[ана] Ал[ексеевича] резко ухудшилось. Да, напрасно он пишет таким господам, как Гукасов. Мельгунову это письмо (очень грубое) Гукасов показал.

Получила письмо от Жоржа Фишера. Пишет, что издательство Форда развертывается медленнее, чем предполагалось раньше. Из другого источника знаю, что Николаевский, еще не утвержден и неизвестно будет ли утвержден.

Кажется, пока все. Солоневич так разделывает организацию Гуля (куда вошел А[лександр] Ф[едорович]) и самого Гуля, что просто жутко. Воображаю иронию Сталина и других господ оттуда, когда они все это читают.

Зеелеру пришлось ответить весьма резко. Это все-таки лгун. А я, конечно, ошиблась, назвав его председателем. Зачем он эти вульгарные и просто глупые наскоки делает, понять нельзя.

Пожалуйста, будьте здоровы, Вы и Т[атьяна] М[арковна]. А в Америке – в первый раз государст[венный] дефицит в бюджете. Это плохо.

Сердечные приветы от обоих.

Ваша [*Е. Прокопович*]

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 58–60.

№ 21

9.X.1951

Дорогой Марк Александрович!

Послала Вам Солоневича. Если можно, не очень задержите: должна об этом писать.

Об архиве. Нам сказал этот Болан, что это – тот самый архив, который возглавил покойный Бахметев, где состояли членами правления Вы и В[асилий] А[лексеевич]. И вот что заявил Болан и что убедительно прошу оставить меж-

ду нами. Мы с С[ергеем] Н[иколаевичем] помнили это объявление в «Н[овом] р[усском] с[лове]» и потому спросили: «А Б.И. Николаевский по-прежнему принимает там участие?»

Ответ: «Нет».

– Но почему же?

– Во-первых, потому, что он напечатал сообщение в газетах *без* разрешения правления. А во-вторых, это человек, с которым работать совершенно невозможно: он путаник, дела делать не умеет, и потому его там больше нет...

– Кто же теперь возглавляет этот архив?

– Председатель теперь М.М. Карпович. А остальные остаются на своих местах, за исключением Николаевского.

Все это нам показалось неубедительным, и потому я и запросила Вас: кто такой Болан? И самое лучшее: так как он хотел во чтобы то ни стало видеть Вас, то задайте ему тот же вопрос. Что он ответит Вам, как члену правления, о Николаевском? Его отношение к Бор[ису] Ив[ановичу] *резко* отрицательное. Но ведь не Болан же определяет структуру архива! Поэтому и интересно, что он ответит Вам о причинах этого резкого отношения к Б[орису] И[вановичу]. Значит, и другие не пожелали с ним работать? Иначе, почему бы он вышел из этого состава? Все какие-то мистерии и все – на личной почве.

Письмо Далина и нам прислали. Не понимаем, к чему клонит этот человек? Можно отрицательно относиться к самому предприятию. Повести против него кампанию пока преждевременно? Резко критиковать стали (все) лишь заявления Американского комитета. Но вот сейчас вышел 1-й номер журнала бюро (которым руководит Соловьев). В этом № помещено обширное интервью с Дон Левиным. Он как будто исправляет ошибки Лайонса и смягчает пассажи о своем «руководстве». Весь номер – более сдержанный, чем первоначальные заявления. Называется «Освобождение». Знакомое и памятное нам, освобожденцам, название... Но все так переменилось! И слова другие, и лозунги, и это полное, абсолютное отсутствие *тактических* лозунгов, чем богаты были прокламатки старой дореволюционной эмиграции. Если нет тактики, то – где же борьба? Чем и какими средствами?

Ваше замечание о *честности* членов Комитета мы с С[ергеем] Н[иколаевичем] оспариваем. Ведь речь идет не о честности лиц, а о целях, задачах и *формах* самого предприятия. Вот ведь о чем идет спор, и вот что должны объяснить, утвердить и сделать приемлемым инициаторы, Далин тоже сворачивает на честность людей (СС и т. д.). Но, повторяю, дело не в этом. Не все люди, свергавшие царизм, были честными. Это можно установить и по «Истокам» Алданова. Но формы их действий были целесообразны, и они знали, *как* действовать. Ни члены Комитета, ни американцы, ни критикан Далин этих *форм борьбы* не указали. Радиостанция? Но ведь нужно знать, что именно говорить по этому аппарату. Что? Ничего больше того, что говорит вся антикоммунистическая печать. А опытные люди говорят, что большевики так научились сейчас заглушать эти звуки радио, что и последнее преимущество перед свободной печатью падает. Посмотрим, что будет дальше. То, что я наблюдаю, не идет ни в какое сравнение со старой борьбой с царизмом! Нет жертвенности, все реклама и поиски долларов.

Вероятно, никто Далина к суду не привлечет... Боюсь, что и ответов будет не очень много. А письмо – бьющее и по репутациям, и по нервам. А в общем – до тошноты скверно на душе. Обвиняют нас в том, что мы *действию* противопоставляем *бездействие*. Мало того, что это неверно. Но ведь и не за всяким действием можно следовать. Есть действия столь полезные Сталину, что уж лучше бездействие...

Послала Вам несколько номеров «Нашей страны». Когда их просмотрите, верните, буду писать.

За Буниных рада, хотя и знаю, что это им мало. Сейчас провожу время (уже три дня) с Н.С. Долгополовым[59], который довольно ярко рисует парижскую атмосферу.

Убедительно просим – будьте здоровы и Вы, и Т[атьяна] М[арковна].

С сердечным приветом, Ваша [*Е. Прокопович*]

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 61–63.

№ 22

15.X.1951

Дорогой Марк Александрович!

Просто наваждение какое-то... Нельзя ничего узнать точно! Навела справку в Нью-Йорке. И вот что мне пишут из кругов, близких к «Н[овому] р[усскому] с[лову]»:

«Все было так, как Вы пишете. Николаевский вылетел из архива, так как произошел конфликт из-за самовольного напечатанья объявления. Но этот «поступок» был только предлогом, поводом. И раньше были трения, он слишком многое брал на себя. К этому поступку прицепились, и скоро отношения приняли такой характер, что ему пришлось «самому уйти». Этот архив (Бахметевский) ничего общего с Фордовским фондом не имеет, хотя и тут и, там присутствует профессор A. Mosely.

Что касается Болана, то он – русский человек, очень порядочный, большой знаток книжного дела и долголетний сотрудник Колумбийского университета. Что он понимает в архивных материалах – никто не знает и сказать не может, но в книге он – знаток. Все к нему относятся с уважением и доверием.

Вот и вся информация, которую дали. Вы поняли что-нибудь? Я – ничего, или почти ничего. На самые главные вопросы мне не ответили, а именно: 1) каким образом Бахметевский архив очутился при Колумбийском университете, 2) какую именно публикацию и где пустил Николаевский самодовольно, 3) когда все это было – до смерти Бор[иса] Ал[ександровича], или потом уже. На эти вопросы не ответили. Ответили лишь, что Николаевского не «исключали», а он сам ушел из-за каких-то трений. Все – неясно. Но так как Вы, по-видимому, хороши с Б[орисом] И[вановичем], почему бы Вам не запросить его, что именно произошло. Это ведь с нашей стороны не любопытство. Нас запрашивают (из Лозанны, например), кто такой Болан, и для какого архива он собирает материалы. Сейчас

он поедет к Б.И. Элькину. Болан просил меня написать Тане Осоргиной, что он хочет ее видеть. Теперь о самом Болане я могу сказать на основании данной о нем информации. Но архив?! Кем подлинно уполномочен Болан в сборах архивных материалов? Это ведь не шутка! Надо во всяком случае – и как можно скорее – получить дополнительные разъяснения. Не напишете ли Бор[ису] Ив[ановичу]? Совещание пяти снова отложено до конца октября. Он – в Нью-Йорке.

Пишут еще: на письмо Далина *никто* не хочет отвечать. А вот это – совсем между нами: Мельгунов пишет: «Далин – подлец. Он воспользовался материалами (архивными), данными его сыну, Александру, для просмотра и под честным словом не использовать их». А он передал отцу. Материалы как раз касались этих наци, не только Соловьева. Правду пишет Аргус[60]: эмиграция – болото, в котором легко утонуть. А вот сегодня получила par avien вырезки из «Н[ового] р[усского] с[лова]. Два персонажа в больших фельетонах пресерьезно обсуждают вопрос, как они будут вешать, ссылать, сажать в такие-то лагеря коммунистов после свержения Сталина. Зачем Вейнбаум печатает такую скверную белиберду? Ясно, что если Сталина свергнут, то будут, быть может, разбирать его сообщников на части, вспарывать животы и т. д. Но сейчас-то, сидя вот в этом болоте, не постыдно ли смаковать подобную еще несбывшуюся мечту? Право же, не знаешь, где живешь, с кем живешь... Тупоумие какое-то во всех этих более чем несвоевременных спорах. Лично я совершенно согласна с Вами, что Далину надо отвечать. Но – кто может быть уполномочен на такой ответ, когда еще и самый Совет никак не может собраться, таки не может обнародовать своей декларации? Да, личная честность имеет значение – бесспорно. Но в коллективе, прежде всего, требуется оценка *всеми* фактов, им инкриминируемых. Где этот сплоченный коллектив, хотя бы в отдельности все члены его были людьми архичестными? В этом и горе, что они, Совет и Американский комитет даже сварганить как следует не умеют этого дела. Правильно, Далин – не первый встречный, я так и расценивала его, когда он напал на меня за мое якобы «вечное» оборончество. И отвечала ему. А тут и вовсе – обвиняет целых два коллектива! И все молчат, как воды в рот набрали. Далин, вероятно, дал бы им доказательства, что в их среде есть бывшие наци большого масштаба. Но... не потому ли они ему и не отвечают, что он может это сделать? Самое скверное, что Совет все еще не может собраться: то 10-е, то 14-е, а теперь – конец октября. А может быть, и в конце не соберется. А письмо Далина ходит по рукам – безответное...

Марк Александрович! Как грустно! Хотелось бы за волосы, за уши вытащить Ал[ександра] Фед[оровича] из этой каши, пока еще не поздно. Боюсь, что дальше будет еще хуже. Все-таки не следует забывать, что мы – окружены 5-й колонной, а уж она мимо такого «дела» не пройдет. Напакостить сумеет.

Пожалуйста, будьте здоровы. И – если можно – напишите сейчас же Б[орису] И[вановичу], даже не говоря ему об этих толках. Просто спросите, как дело с архивом после кончины Б.А. Бахметева. Например, Болан мне предложил передать им письма, но с комментариями к ним. Я отказалась «за недосугом». Но... другие сдадут? Как это сделал Вас[илий] Ал[ексеевич]? Надо же точно знать, кто всем этим заведует. При этом Болан заметил: «Сдавайте спокойно, мы не выдадим этих богатств России, как это сделал покойный Бенеш». Значит, сам Болан там кем-то состоит? И тот ли это архив? Ну и чудеса. В трех соснах люди путаются.

В мире все же что-то назревает. Мелкие наши дела становятся еще мельче перед лицом этого «чего-то».

Т[атьяне] М[арковне] и Вам приветы от обоих. Солоневича получила, спасибо. Поедете ли Вы на чествование Б.К. Зайцева? Все-таки на Вашем месте я бы Болана повидала. Скажите Як[ову] Бор[исовичу], чтобы он послал его к Вам, в Ниццу. Думаю, что он – согласится.

Сердечно, Ваша [*Е. Прокопович*]

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 64–66.

№ 23

20.X.1951

Дорогой Марк Александрович!

Первым Далину ответил Лайонс. Слабо! Но со своим «дружеским руководством» идут на попятную. Посылаю Вам этот номер с письмом Лайонса. Прошу вернуть скоро. Это – орган власовцев, и мне нужен он. Еще посылаю 2 номера Солоневича. Их возвращать не нужно. Там прочтете звонкие и дурацкие обращения Солоневича к Труману! Это вам не Далин! Прямо-таки в высшую инстанцию. Хорошо? Вот и собирай тут «Центры». Того и гляди заявят в полицию: возьмите-ка этих: самозванцы! И при том «опасные люди»

А дело с Боланом все больше и больше разъясняется. Вас[илию] Ал[ексеевичу] он даже сказал, что Николаевского «надо остерегаться». Нам этого он не говорил. Теперь надо ждать письма Карповича, – чтобы уж все было точно и ясно.

Мельгунов возражать Далину не хочет; причина – ясна (между нами): в архив сына Далина свел друг Мельгунова, и он же представил этот архив в пользование под честное слово. А там было много документов о Соловьеве и других таких же. Мельгунов говорит, что этот его друг *не имел права* этот архив кому-либо предоставлять. Что же тогда он будет писать против Далина? Руки связаны некорректностью этого его друга.

Вы спрашиваете, почему мало пишу. Не могу. Как публицисту, надо касаться всей этой эмигрантской каши. Но зачем мешать им? Сейчас посылаю статью «вокруг да около» этого вопроса. Но это уже плохо: неполный голос! А потом мне до смерти скучно. При скуке писать трудно. Да Вы видите, что и газета не ангажирует на писание. Пока читаю. О прошлом... Это интереснее. Вот сейчас прочла Грузенберга – «Вчера»[61]. Написано как-то сумбурно, бросками. Но – интересно. Там Горький, Пешехонов[62]. Много других. Опять все старое всколыхнулось. И оказалось, что я, многое осуждая в нем, люблю его. Я ощущала это уже много раз. А сейчас как-то ярче. Вдруг захотелось крикнуть всем этим Солоневичам: врете вы, там были чистые струи. А что у вас?..

Ну, это – так, – к тому, почему не пишу. Давно не слышала, как здоровье Ив[ана] Ал[ексеевича]. Не лучше? Пишет ли он хоть что-нибудь? Получил ли деньги из Фонда?

Читала письмо Мосли. Мне копию его переслал Вас[илий] Ал[ексеевич]. И вам – тоже. Значит, все правильно: речь идет именно об этом архиве, где Вы. Скоро, значит, разъяснится и история с Б[орисом] И[вановичем]. Он свой отлет отложил и пока еще в Нью-Йорке. Лунц[63] передал Вам лишь первую версию, когда еще не было отложено совещание.

Пока бросаю писать, мешают! Если будет что новое – сообщу. «Голос народа», пожалуйста, верните. Читаете ли Вы по-немецки? Если да, непременно купите № 936 «Weltwoche» от 19 октября. И прочтите там статью о Климове[64]. Это – *человек будущего*. Недавно слышала о нем много рассказов, а его рассказы о «Берлинском Кремле» читала с огромным интересом[65]. В «Центр» он не входит. Но входит в организацию «Дружбы немцев с русскими» (где Рейтер, Гильденбран и другие[66]). Посмотрите в его глаза... Один хорошо знающий его человек сказал: человек двойной игры... Умница – редкая.

Приветы сердечные Вам и Т[атьяне] М[арковне] от нас обоих.

Ваша [*Е. Прокопович*]

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 67–68.

№ 24

22.X.1951

Дорогой Марк Александрович!

Очень благодарю за копию: понемногу все разъясняется. Но Нью-Йорк... Специальный город, для взаимных распрей, сплетен. Кажется, при скоплении эмиграции в Париже этого было меньше. Посылаю Вам ответ Николаевского. Сдержанный, корректный, но – никчемный: по существу он ему не отвечает. Боюсь вмешаться в это дело. Но теперь уж руки чешутся. Нужно бы – логичнее расставить все факторы. И дать пинок этим 80 орг[анизациям] плюс Солоневичи. Чего же они до сих пор сидели?! А как только чуть демократы зашевелятся, они – к Трумэну! Не говоря уже о том, что это неприлично – еще и президента в свои распри замешать. Недостаточно ли Лайонсов? Прямо жуткая картина.

Опять буду тревожить Вас: прислать мне Николаевского со следующей же почтой. И, кстати, нельзя ли сделать так. Кажется, Г.М. Лунц – обязательный человек. Нельзя ли Вам попросить посылать вот эти срочные вещи? Вы могли бы их переслать милому Вас[илию] Ал[ексеевичу]. А то он – министр, привык, чтобы его обслуживали секретари, и потому сам ничего достать не может. А у меня тут, в Цюрихе и Базеле, сектор, который тоже надо обслуживать. Нельзя? Тогда буду посылать Вам первому. Думаю, что уж скоро они там, наконец, усядутся. Между прочим, мне пишут, что Ал[ександр] Фед[орович] возвращается в Нью-Йорк, не желая присутствовать на собрании 28–29.10. во Франкфурте. Будто бы обижен, что его и левые как-то «сторонятся», боятся его возглавления...

Хотела запечатать письмо – новая посылка! Еще две статьи. Наслаждайтесь. Это же настоящее осиное гнездо! Говорят, Ал[ександр] Фед[орович] уже вернулся... А еще говорят, что Фонд пообещал дать казакам 10000 долларов. Как только

они это услышали, начались дикие скандалы. Правые полезли на левых и стали их упрекать в том, что они – фикция, ничего под ними нет. Все (а главное – весь народ) за правыми. Сначала шумели внутри, а потом вылезли наружу: «ОПОВЕЩЕНИЕ. Общеказачий Центр и Правление Общеказачьей Станицы в штате Нью-Джерси оповещает всех казаков Ди-пи, что назначенное на СЕГОДНЯ, 20 ОКТЯБРЯ с.г. собрание, назначено было единолично г. Корольковым[67] без получения предварительного согласия названных организаций. Выше упомянутые организации никакого участия в этом собрании не принимают и помещение *Казачьего Дома будет закрыто* (!). Правление Общеказачьей Станицы».

Нет, положительно надо от всего этого убежать. Иначе повеситься можно. Потому что все время гвоздит мозг мысль: а что, если эти победят?! Что же будет в... Учредительном собрании? Погром? Марк Александрович? Теперь уже даже руки не чешутся – писать: куда-нибудь влезешь...

Пожалуйста, будьте здоровы и пишите Бальзака. Это – утешение.

Самые сердечные приветы Вам и Т[атьяне] М[арковне] от обоих.

Ваша [*Е. Прокопович*]

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 69–70.

№ 25

27.10.1951

Дорогой Марк Александрович!

Очень благодарю за письма и информацию. Да, наши письма разошлись. Николаевского задержу, а Вы задержите мою вырезку. Все-таки должна сказать, что информация – неясная. Удивляюсь, что Вам не написал яснее Як. Гр. Фрумкин[68], это ведь один из ближайших друзей Ал[ександра] Фед[оровича]. Почему он вернулся? Неужели заседание снова будет отложено? Игра какая-то. И никто не осмеливается поставить Далину вопрос: назовите же, кто СС? Но зачем ставить этот вопрос, когда и у солидаристов, и у этого СБОНР (власовцы) их просто пруд пруди. Надо или поставить точку на «прошлом», или разоблачить всех. Вы совершенно правы, говоря, что Абрамович предпарламентом хочет «покрыть» это сиденье рядом в «блоке» черт знает с кем. Рядом со мной в предпарламенте сидел покойный Л.Н. Андреев[69], а рядом с ним – казак черносотенец (кажется, Офросимов[70]), который все время ругался страшными словами (почти вслух) и на Авксентьева[71], и на всех левых. И все время добавлял: вот их немцы стукнут по башкам, и ничегошеньки от этой дряни не останется... Леонид Николаевич смеялся, а Ник[олай] Вас[ильевич] Чайковский[72], член нашей кооперационной группы, советовал «вывести этого человека на свежую воду, и с кафедры сказать, кто у нас здесь, в предпарламенте сидит». Но он сидел законно, выбранный казачьей группой. Вот и теперь хочет Абрамович законно посадить Соловьева, которого он не захотел печатать в «Соц[иалистическом] вест[нике]», узнав, кто он. Но ведь тогда предполагалось, что будет еще настоящий парламент, а теперь? Правые совсем сбесились и продолжают неистово ругать «пятерку узурпаторов». Ну, и атмосфера!

Однако, почему вернулся Ал[ександр] Фед[орович]? Разъезжать так взад и вперед через океан не так уж просто! А Вы пишете, что он скоро вернется в Европу.

Да, С[ергею] Пет[ровичу] всячески тяжело. Если вскроется, что речь идет о Соловьеве, то ведь это он, С[ергей] П[етрович], всадил его на очень ответственное место – шеф бюро. Ему плохо еще и потому, что от его Союза откалываются правые: его Нью-Йоркский представитель, Месин[73], уже активно участвовал на собрании представителей 80 организаций, которые писали письмо Трумэну против Штутгардта.

Не находите ли Вы, что все это и гадко, и невыносимо скучно? Гораздо интереснее поворот в Англии. Проверка теории о значении «личности в истории»: личность Черчилля и оригинальна, и полна *волн*[74]. А сможет ли он сдвинуть с места *ультиматумы* окружающей обстановки, и мировой, и внутренней, и «презреть» их веления? Сейчас вообще момент очень интересный.

Опять толки в газете о Париже... Отношусь к этому со всем скепсисом, какой во мне есть. Хотя мне пишут из Нью-Йорка, что «деньги, кажется, будут». Як[ов] Бор[исович] получил и конкретное к этому доказательство: письмо Цвибака. И тем не менее... Пусть уж Зеелер разводит свои многоумные мысли вслух: это – как раз по масштабу парижской публики. A rue de Grenelle[75] удовлетворена Ратнером и К°.

Значит, все в порядке.

Пожалуйста, будьте здоровы. Кончив свою книгу о советском хозяйстве[76], С[ергей] Н[иколаевич] засел с громадным увлечением за новую работу: Экономическое восстановление Европы. Конечно, в аспекте мировой конъюнктуры. Все это – далеко от Ваших тем и от моих публицистических упражнений. Но по вечерам я с интересом слушаю его выкладки, иногда поражающие воображение кричащей правдой об обнищании когда-то цветущего нашего континента... Не отсюда ли «все качества»?

Приветы Вам и Т[атьяне] М[арковне] самые сердечные. Часто так хотелось бы сказать Вам словами – в живом общении – о том, что бродит в душе.

Ваша [*Е. Прокопович*]

Письмо Лунца прилагаю.

Не совсем ясно представляю себе сейчас ментальность М.М. Карповича. А когда-то, в Чехии, хорошо его понимала. Хотя и тогда с Серафимом Саровским он был близок...[77]

P.S. Только что получила письмо метущегося Сер[гея] Пет[ровича]. Думаю, что не нарушаю дискретности, посылая Вам его тоже доверительно. Мне кажется, Вам надо знать настроение, с которым он едет на это действо. А все-таки привлекать Далина так и не хочет...

Кто это распространяет слухи об издании моих мемуаров у Фонда? Во-первых, сама я ни разу не говорила никому об этом. А во-вторых, ведь ничего еще нет реального: ни приглашения писать их, ни условий.

Письмо С[ергея] П[етровича] при случае верните. Оно все же характерно, правда?

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 71–73.

№ 26

1.11.1951

Дорогой Марк Александрович!

Сегодня – кратко, только сообщить новости. Вчера Дон Левин позвонил В.Г. Йоллосу и попросил его приехать на совещание (в Баден?), «однако, без поручательства, что эти господа допустят Вас на заседание. Но Вам полезно было бы познакомиться с ними лично даже только в кулуарах». Вл[адимир] Гр[игорьевич] поблагодарил его и сказал, что поговорит с редакцией. Потом он позвонил мне. Я ему сказала свое мнение: поехать ему полезно даже только «для кулуаров». Оказалось, что и Миллер, редактор «N[eue] Zür[ische] Zeit» того же мнения и согласен оплатить поездку. Вл[адимир] Гр[игорьевич] сегодня туда уехал, пообещав нам подробно рассказать о своих впечатлениях.

А. Ф. Керенский приехал на это совещание. Почему я написала Вам, что не так легко летать через океан? Потому, что из статьи Зензинова узнала, что перелет в *один конец* стоит... 700 долларов! 4 перелета – 2800 долл. Милый Марк Александрович... Или вообще, когда спасают Россию, деньги не в счет? Но ведь у скольких людей более или менее ценных совсем нет завтрашнего дня...

Новость. Жорж Фишер командирован Фондом Форда на 2 месяца в Европу. По каким именно делам – нам не сообщают. Но Ваше сообщение, что «все» может быть отложено еще и до января, пожалуй, осуществится?

Я не верю в издание своих воспоминаний из-за диких сплетен, которые окружают этот Фонд. Их не стоит даже передавать. Но верно одно, что Фонд еще не определил своей линии: кого и когда именно он будет издавать. А принимая во внимание нью-йоркскую атмосферу, которую один из очень умных наблюдателей назвал «Канатчиковой дачей» (сумасшедший дом в Москве), можно опасаться, что и Н.Р. Вреден, и другие люди решающие, будут поставлены в большое затруднение: их рвут со всех сторон.

Рада, что Вы познакомились с Вл[адимиром] Гр[игорьевичем]. Это очень, очень хороший, высоко честный человек. Все эти годы мы жили с ним так дружно, помогая друг другу в нашей общей области работы. А если б Вы знали, какой он работник! Изумительный! Мы его и его сестру Надю (ни слова не говорит по-русски, осталась после убийства черной сотней отца 4-х лет; Вл[адимир] Гр[игорьевич] ее воспитал и все время держал в санатории помешавшуюся мать) горячо любили. Только он совсем больной человек, и ему нужен покой. А покоя – нет, жизнь его очень трудная. Он был очень рад, что повидал Вас и что Вы его «тепло приняли». На Вас мне пожаловался: что Вы – постарели! Еще бы! В такие-то времена постареешь.

О Керенском сообщает, что приехав в Нью-Йорк, он очень «дулся на Европу и не знал, ехать ли ему туда». В конце концов решил: ехать так ехать...

Сердечные приветы Вам и Т[атьяне] М[арковне]. Только, пожалуйста, больше не старейте!

Ваша [*Е. Прокопович*]

С[ергей] Н[иколаевич] шлет лучшие пожелания. Он очень рад, что Вы нашли тему его интересной. Он влез в нее – как это с ним бывает обыкновенно – всем своим существом.

Вы уже, верно, знаете, что Болан уже в Париже. Я просила В[асилия] А[лексеевича] (конечно, конфиденциально) поставить ему 6 вопросов.

Скандалы идут и в Литер[атурном] фонде. Что за наваждение? Микроб ссор какой-то.

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 74–75.

№ 27

8.XI.1951

Дорогой Марк Александрович!

Вчера писала Вам большое письмо. Сегодня тотчас же возвращаю письмо М.М. Карповича. И выражаю свое удивление. Как же так, сидит Болан в Нью-Йорке, все это видит, знает и не может передать как следует, точно. А Вы меня еще упрекаете, что я Вам «не все» передаю. Как же передавать, когда вот тут же, на глазах, плетут неизвестно что, а потом расхлебывай. Да еще имя притянут – она, мол, сказала! Просто удивительная среда!

Ведь даже из письма Мих[аила] Мих[айловича] неясно, был ли все же организован при Бахметеве архив, был ли устав, было ли *выбрано* правление. Или же, как утверждает Болан, ничего этого не было, а была лишь «проэкция», которую Николаевский и опубликовал без ведома других. Чепуха какая-то.

Вот звонок из Цюриха: приехал Вл[адимир] Гр[игорьевич]. Успел по телефону рассказать самое главное. Совещание в Висбадене первые три дня представляло из себя настоящий Бедлам. Правда, его, *Дон Левина* и других журналистов не впускали в это время в зал заседаний, но за едой, в кулуарах, они узнавали все подробно. Три дня шел дикий бой из-за того, что «национальности» (украинцы участвовать отказались) требовали устранения в будущей России (?) наименования... Россия!! Требовали подыскания другого названия. Делегаты выходили с заседания до того измученные, что на них жалко было смотреть. Наконец, через три дня возгласили: соглашение достигнуто!! А когда их спросили, на чем, последовал ответ: «Все передано в комиссии... Когда она средактирует пункты, тогда узнаете». Особенно Йоллос потрясен был выступлениями на пленумах Керенского. Когда он с ним обедал, Керенский говорил толково и умно. Как только выходил на кафедру – сыпались глупости, «крик 17-го года», отсутствие логики и т. д. Йоллос говорит, что это «общее впечатление». Поразила Йоллоса роскошь гостиницы, где они пребывали. Он спросил Дон Левина: кто же за это платит? «Они сами, не мы». Тогда уже Йоллос совсем ничего не понял: его *очень дорогой* счет оплачивала редакция, но как же Мельгунов и другие? И зачем эта роскошь? Когда было «достигнуто соглашение» (на чем точно, никому пока неизвестно!), Дон Левин на свой счет устроил банкет. Это был опять роскошный банкет, лилась водка, масса вин и т. д. Счет за банкет – огромный...

Соловьев на собрании и вообще в Висбадене не присутствовал. Тогда Йоллос спросил *Николаевского* и *Керенского*, что это за человек. Ответ обоих: «Это человек вполне чистый». Как видите, Николаевский повторяет и при возникшем деле

свое ручательство. Общее мнение Йоллоса об организации: «Ничего из этого не выйдет и выйти не может». Власовцы могуче ненавидят солидаристов, национальности (маленькие) как-то притянуты сюда без их доброй воли. Главное, никто не знает, что надо делать? Йоллос на одном из заседаний сказал им: «Вам, господа, нужен Сталин!» Кажется, говорит он, обиделись. А потом *по секрету*: «Дон Левин прямо сказал мне (интимно), что с этими господами ничего поделать нельзя». Вот Вам краткий отчет. Йоллосу очень хочется приехать в Женеву, но он не знает, удастся ли это.

Получено коротенькое письмо от В.А. Шварц. Теперь она уже подписывается «Editor-in-Chief»[a]. Что это значит в американском понимании?

Она очень сожалеет, что «все затягивается», что организационное собрание состоится не ранее конца декабря и что поэтому оттянутся и все сроки договоров с авторами.

Сердечные приветы Вам и Т[атьяне] М[арковные] от нас обоих. Все как-то грустно.

Ваша *Е. Прокопович*

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 76–80.

№ 28

11.XI.1951

Дорогой Марк Александрович!

Вдруг опять у нас объявился... С. Ак. Болан. Он приедет сегодня вечером пить чай. Тогда припишу еще. Он просил меня передать Вам его приветы и сказать Вам, что на будущей неделе он посетит Вас в Ницце. Передаю.

Теперь о письмах и об архиве. В современных условиях ни одному архиву не верю. Поэтому, если это возможно, не передавайте моих писем пока никуда. Запечатайте их в отдельный конверт с надписью: письма такой-то. И пока – держите у себя. Посмотрим, с какими гарантиями сохранности и неиспользования организуется Архив. Марк Александрович! Ведь пока – это все проекты. Никакой прочной организации *еще* нет. Совсем между нами: Магеровского[78] я хорошо знаю и это для меня не гарантия. Надо, чтоб этот архив сорганизовался, а тогда – посмотрим.

Фонд Форда. Как видите, даже в пустяках, в сообщении заглавий книг, якобы принятых Фондом – сплетни и нет точности. Есть ли и будет ли там отдел воспоминаний, каких именно лиц, сейчас *никто* не знает: этот вопрос будет решен лишь на пленарном заседании Фонда в конце декабря или начале января. Лучше всего – такова тактика – ничего сейчас у них не спрашивать и ничего не советовать. По письму Вер[ы] Ал[ексеевны] вижу, что они очень огорчены этими постоянными откладываниями. Ну, а сплетники, их окружающие, и точат языки, отыскивая причину этих затяжек. Еще, конечно, тягостнее состояние лиц, на что-то рассчитывавших: им совершенно неизвестно, кто, в конце концов, явится их

[a] Главный редактор (англ.).

судьей решающим. Пока все темно, и все благоразумные люди говорят: лучше не вмешиваться, дать всему этом перемолоться. Если принимаете хоть сколько-нибудь наш совет, последуйте ему: «сейчас вмешательство только может напортить их самостоятельный подход к делу». Каков он будет – узнаем в январе. Сейчас каждый из лиц, близких к Фонду – под разными влияниями, и надо ждать их собственной дороги.

Теперь Вы задаете мне вопрос, самый тягостный для нас с С[ергеем] Н[иколаевичем]. Об отношениях с М.М. Карповичем. Разумеется, это уж совсем конфиденциально, ибо то, что происходит – *необъяснимо*. Когда-то в Чехии М[ихаил] М[ихайлович] подолгу жил с нами. Отношения были более чем дружеские и с ним, и с его женой. После его отъезда в Гарвард шла дружеская переписка. Потом началась газетная полемика. Все время я получала бесплатно «Новый журнал». Это было еще наследие покойного Цетлина[79], с которым мы много работали во «Власти народа»[80] и которого я очень любила. Затем наступил момент, когда совсем взбесилась против меня Мар[ия] Сам[ойловна Цетлина] и собрала «подписи протеста» – за мою вредную деятельность, своего рода политический выговор. В письме говорилось, что это – «пока частное внушение мне». Но тут же я узнала, что копия этого частного внушения послана в парижский союз писателей. Подписи Карповича на этом письме не было, и я не знаю, как он к этой выходке Цетлиной относился. Я написала Цетлиной краткое письмо с сообщением, что она напрасно трудится и что перевоспитать меня в таком возрасте – невозможно. С тех пор: 1) прекратилась переписка с М[ихаилом] М[ихайловичем], 2) прекратилась высылка мне журнала. Мар[ия] Сам[ойловна] продолжала бегать по всем квартирам Нью-Йорка с разными предложениями «борьбы с Кусковой». Эти ее демарши успеха не имели, но с тех пор Карпович упорно молчал. Разумеется, молчала и я. После смерти Б[ориса] А[лександровича] я послала ему краткое письмо с выражением сочувствия по поводу обоюдной нашей потери и с просьбой передать наши соболезнования семье Бахметева. В ответ я получила письмо, которое нас с С[ергеем] Н[иколаевичем] *поразило*: 1) оно было огромное, 2) оно выражало прежнюю, старую дружбу к нам обоим, 3) в нем сообщалось все до капли о его детях и его семье, 4) в нем были сообщения о распоряжениях Бор[иса] Ал[ександровича] и... наконец... Наконец, *горячее приглашение сотрудничать в «Новом журнале»*. Зная мои отношения с Гулем, он добавил: «Помните, Ек[атерина] Дм[итриевна], что я *единолично* распоряжаюсь в журнале». Мы с С[ергеем] Н[иколаевичем] были поставлены в тупик. Отказаться? Но это значило бы длить какую-то распрю, причин которой мы не понимаем и виновниками которой не были, согласиться? Но как же тогда наши воззрения? Пока мы раздумывали, пришла весть из Парижа и Нью-Йорка: Алданов и Бунин решили вернуться в журнал. Это было для нас решающим. Мы послали ему согласие, кроме того, С[ергей] Н[иколаевич] послал статью об атомной бомбе. А так как в этой статье были пассажи, если не анти, то и не проамериканские, то С[ергей] Н[иколаевич] предоставил М[ихаилу] М[ихайловичу] право кромсать эту статью как ему угодно: для С[ергея] Н[иколаевича] была важна ее суть.

Можете ли Вы себе представить: с тех пор – ни звука! Забыла сказать, что и я предложила ему три темы и просила его выбрать, что ему подходит. Ни ответа, ни привета... Все это было послано заказным еще летом. Подождав месяца два от-

вета, я написала ему письмо в несколько строк: ответьте, мол, кратко, получили ли Вы эти наши послания и статью С[ергея] Н[иколаевича]. В ответ – *снова ни звука*. Потом все получили 26-ю кн[игу]. Мы – нет. Так все это и заглохло. Должна сказать правду: более оскорбительного отношения мы в своей жизни еще не испытали. Пригласить сотрудничать и потом – прекратить переписку, этого ни один только вежливый человек не сделает. Мы – как Вы знаете, никуда не лезем, никому ничего не предлагаем, зная, что должны терпеть известное наказание, что ли, *за суть* наших воззрений. Изменить их, к сожалению, не можем, как не могли «похерить» наш ревизионизм, когда нас походя поносили социал[исты]-демок[раты], даже личные друзья. А Плеханов в своей *изданной* книжке назвал С[ергея] Н[иколаевича] подлецом – за измену ортодоксии[81]. Только в России, когда он сильно болел, мы примирились. А его «Единство» было уже чистейшим ревизионизмом: большое нам душевное удовлетворение[82]. И вот теперь: зачем Карпович приглашал нас сотрудничать? Что все это вообще значит? И если б Вы знали, какое ласковое, стародружеское письмо его было после смерти Б[ориса] А[лександровича]... Сер[гей] Ник[олаевич] ко всему этому относится легче: русские загадки! Я к таким загадкам легко не отношусь: очень ценю корректность в отношении к людям. Когда меня поносят Зеелер или Яблонский, это – «грубая русская мелодия», это их ремесло. Но Карпович? Обо всей этой истории никто не знает, но нас спрашивают: сотрудники мы «Нового жур[нала]» или нет? Теперь мы просто отвечаем: нет. В ответ – обычные сплетни: Карповича «забрали в руки Гуль и Воронович[83]», они и будут после его отъезда в Европу редакторами журнала. Если это факт, а не сплетня, то тогда все понятно: Карповичу надо нас скинуть с плеч. Но ведь он нас прекрасно знает: стоило ему прямо сказать об этом нам, и мы бы все поняли, но сохранили бы с ним личные отношения. Теперь – какой-то провал, причина которого нам неизвестна.

Конечно, о Висбадене буду Вам все сообщать. И Йоллос говорил, между прочим, мне, что там он встретил симпатичного человека, только недавно бежавшего из России. Он сказал ему: «А ведь в Сов[етской] России ничего подобного нет. Там национальности дружно живут с русскими и все вместе ненавидят лишь коммунизм». О рассказах этого человека Вл[адимир] Гр[игорьевич] будет писать. Тогда Вам пришлю.

Журнал Николаевского будет называться «На рубеже». Кажется, первый скоро выйдет. Насколько я понимаю, первую скрипку там будет играть Юрьевский. Его статья в «Нов[ом] жур[нале]» (26-й № мы уже купили) «Ленин и Чернышевский» – прекрасна. Комментарии Карповича – Кеннану – слабы: у историка – мало истории русской. Этого ведь не хватает и в некоторых местах статьи Кеннана. Жорж Фишер сейчас вряд ли уйдет: у него – готовый контракт. Пишет диссертацию о власовцах (глупая тема). И – в процессе работы – сильно изменил о них мнение, приблизившись к нам с Двиновым в их оценке. Сейчас он очень мрачен, что-то у него не склеилось с Карповичем, а что, вероятно, расскажет. Кажется, он к нам заедет. Между прочим, в поведении Карповича может играть роль его болезнь. Мы – в переписке с С.В. Паниной. Она пишет: «Как странно, что умер Бор[ис] Ал[ександрович]: он выглядел совсем здоровым, а вот Карпович – абсолютно больной человек. Ему сделали операцию желчного пузыря, но это его не поправило: на него страшно смотреть». Сама Панина живет

на ферме Ал[ександры] Льв[овны][84], которая два месяца была тяжело больна: тромбофлебит. Обе они давно уже пишут книгу об Л. Толстом. К осени должны ее представить во чтобы то ни стало издательству. Обе поэтому – в горячке[85]. Настроение Соф[ьи] Вл[адимировны] по отношению к общим и эмигрантским делам – мрачное.

Вас не утомляют длинные мои письма? Но Вы задаете такие вопросы, на которые кратко ответить невозможно. И так все непонятно, а в отрывочных фразах еще хуже.

Согласны ли Вы с тем, что Фонд Форда лучше не трогать до его окончательной организации? Тогда, по крайней мере, будем точно знать, кто и чем ведает, в чьих руках – судьба... А то вот вчера получила письмо от Дон-Аминадо[86]. Ну, и чудак... Стучусь, пишет, в Фонд Форда, предлагая свою книжку. А они – в ответ: ничего еще неизвестно, но пришлите рукопись! Это его удивляет: как это «ничего неизвестно» и как это с него, Дон-Аминадо, требуют рукопись, *прежде* чем заключать договор! Ну, и чудаки же люди.

12.11.1951

Ну, вот. Был очень продолжительный разговор с Боланом. Мы его убеждали в том, что необходимо *оформить* архив при Колумб[ийском] унив[ерситете]. И объявить заинтересованным, *кто* именно будет вести деловую работу в нем. Иначе, после неудачных опытов в прошлом, доверия не будет. Говорили долго и обстоятельно. Кажется, сначала он обиделся: как же так? Колумб[ийский] университет! Мы ему доказали, что это вывеска, как бы она звонка не была, ничего не говорит: нужно знать, кто именно будет *фактически* ведать материалами. На этот раз он нам понравился больше. Но – таково наше мнение: и Вам следует вести с ним серьезный разговор о *гарантиях*, кот[орые] может дать архив сдающим ему свои материалы.

Сердечные приветы Вам и Т[атьяне] М[арковне] от обоих. Очень страшноватая становится всюду жизнь.

Ваша *Е.* [*Прокопович*]

Я никогда не кончу! Пришло письмо В[ладимиру] Г[ригорьевичу]. Потом сообщение о Форде (сплетни). Потом письмо Керенского к Йоллосу. Все это Вам сообщу в след[ующем] письме.

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 81–88.

№ 29

13.XI.1951

Дорогой Марк Александрович!

Да, наши письма расходятся. Вчерашний транспорт Вы, вероятно, получили и ругали меня за его величину. Зато сегодня – кратко.

Болан сказал нам, что будет у Вас, вероятно, в понедельник на будущей неделе.

Что касается пересылки моих писем Я.Г. Фрумкину, то, пожалуйста, этого не делайте. В прошлом году он дал мне *честное слово*, что не скажет Ал[ександру] Фед[оровичу] об одной истории, которую сам же просил ему точно рассказать. Я это сделала. Но как только Я[ков] Г[ригорьевич] приехал в Нью-Йорк, он тотчас же все это доложил Керенскому. Я считаю, что мы здесь в Европе должны быть хорошо осведомлены о том, что происходит. Но только в исключительно узком кругу. Всякая дальнейшая передача уже искажает информацию и путает, и ссорит людей. Зачем это делать? Я очень хорошо знаю Як[ова] Григ[орьевича]. Но он совершенно не отдавал себе отчета в том, что значит *передача* пойдет и к самому Ал[ександру] Ф[едоровичу], и в «Н[овом] р[усском] с[лове]», – а там еще добавят!

Можно ведь ему передать *суть* того, что происходит, без передачи источников. Вероятно, Вл[адимир] Гр[игорьевич] очень обиделся бы, если б его письмо было не только у меня и у Вас, а и ходило бы по рукам. А в Нью-Йорке *все* ходит по рукам, даже страшно. Вот пишут, что суд между Далиным и Сол[оневичем] не состоится. Почему? Потому что Далин не взял и не возьмет обратно своих утверждений, ибо он *взял их из архива*. Как видите, даже архивы не в безопасности, а не то, что частные письма. Вот сейчас Коряков сделает (если М[ихаил] Еф[имович] Вейн[баум] пропустит) такие разоблачения о показаниях Ди-пи, что... Если эта статья его пройдет, пошлю Вам ее.

Фонд Форда. Опять горячая просьба: только для Вас. Сначала сплетничали (и как!) о причинах систематического откладывания. Будто бы средства, отпущенные на 1951 год, *уже* разбазарены на обстановку, наем помещений и т. д. Находили, что обстановка слишком роскошная (150000 д[олларов], одни ковры!). Эти сплетни распустились очень широко. Доходили даже до Франции. Я просила людей более спокойных и без таких языков проверить, [так ли] это. Вот что они написали. «Да, кое-что, по-американски, слишком широко. Но суть не в этом. Суть в том, что правительство требует от них – и очень энергично – чтобы они расходовали не только проценты, но и капитал. Иначе – пожалуйте налог! Но оказалось, что вовсе не так легко израсходовать даже при широких натурах – сотни тысяч... Запоздание с литер[атурным] издательством происходит потому, что не готов его статут. Они без этого *юридического* оформления не могут даже найти себе помещение, ибо не могут подписать контракта (нет юридического лица), и ютятся во “временном помещении”. Внутри самого издательства боятся засилья левых и думают, что вообще таких упреков в “засилье” надо во что бы то ни было избежать».

Вот эту поправку к первым сплетням мне сообщили.

Посылаю Вам реакцию на Висбаден. Нас с Сер[геем] Ник[олаевичем] просто поразило глупейшее заявление Лайонса, что Сталин их испугается! Атлантического пакта и американских вооружений он, действительно, испугался, хотя Вышинский и прячет этот испуг. Но Керенского и К°! Помилуй бог... Какой же, однако, неумный человек, этот Лайонс! И скорое освобождение! До чего это глупо!

Получила журнал Николаевского «На рубеже»[87]. Тон передов[ицы] – очень *достойный, тактичный*. Журнал – Вы правы – не конкурент «Новому журналу». Это скорее замена «Народной правды» Гуля и «Демократа» Мельгунова[88]. Остальные статьи разной ценности. Прислала мне его редакция. Очевидно, и Вы получите. Редактор – Николаевский. Хотя журнал получен из Парижа, редакция

помечена в Нью-Йорке. Получены еще резолюции Висбадена с программой их. Программа обычная: не рознится от Лиги борьбы и др. подобных начинаний. Никакого особого впечатления не производит ни в сторону хорошую, ни в дурную. Обычная «отписка» каждой такой организации. Судить их, следовательно, придется не по этим шаблонам, а по их действиям. А вот будут ли эти действия... Не пишут также, сколько советских лазутчиков вошло туда.

От Мельгунова ни слуху, ни духу. Даже не знаем, где он. Вероятно, из-за Соловьева, он переживает неприятные минуты.

Что касается «воспоминаний», их издания, то я при моем настоящем скепсисе во всем «общественном» поверю в это лишь тогда, когда все это станет фактом.

Есть еще некоторые новости о Ди-пи и их «превращениях», но об этом – до след[ующего] письма. А то я и так совершаю преступление – отвлекаю Вас от Бальзака!

Пожалуйста, будьте здоровы. Напряжение в мире усиливается и – надо так много сил и здоровья! Приветы сердечные от обоих Вам и Т[атьяне] М[арковне].

Ваша *Е. П[рокопович]*

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 89–91.

№30

26.XI.1951

Дорогой Марк Александрович!

Наконец, кое-что разъяснилось. Я всегда страдаю, если хорошие, душевные отношения разваливаются без причины. Если что-то нам и остается хоть сколько-нибудь душеговорящее, это – личные отношения. И потому оба обрадовались письму Карповича. Оно – хорошее. Был – как Вы правильно предполагали – его провал в небытие. Статьи ему к январю постараемся написать.

А вчера случилось вот что. В субботу вечером из Цюриха позвонил... Дон Левин и просил позволения приехать в Женеву для разговора! Конечно, «позволение» ему было дано. Вчера он с женой, очень милой американкой, очень интересуется русскими делами, приехали к нам. Беседа очень серьезная и *вполне* откровенная и, кажется, откровенная с обеих сторон, велась около... 5 часов подряд. Она была очень характерна, и мы узнали много ценных деталей. Узнали – если ему верить – и намерения Американского комитета. В дело это сам он *не верит*. Публику, которая собралась вокруг него, считает никчемной, неспособной к революционному делу. А на наш вопрос, зачем же вы такую публику собрали, он весьма запальчиво ответил: «Дайте же другую! Ведь это самое лучшее, что есть в эмиграции!» В этом он был прав: другой публики нет, есть еще хуже этой. Сам он производит впечатление очень неглупого, очень «натасканного» в деле общения с интеллигенцией человека. Поводырь – недурной. Что касается его целей, то они темны и – такое впечатление! – зависят не от его личных вкусов и убеждений, а от конъюнктуры. Мне он предложил сделать одну работу (информационную!) для Американского комитета, но я от такого заказа весьма решительно отказалась.

Конечно, говорили о деле Соловьева. С поста он убран и сейчас находится в Нью-Йорке. Мне переслали вырезку письма Далина. Я ее должна была послать

Йоллосу, в предположении, что Вам Лунц ее прислал. Есть еще вырезка о солидаристах, для них скандальная. Если ее Вам не пришлют, пришлю. Еще письмо в «Н[овом] р[усском] с[лове]» армянина, заявившего, что армяне, заседавшие в Висбадене, никого не представляют. Значит, начинается... Развал часто идет с проверки мандатов. А из слов Левина мы поняли, что этих националов они набрали буквально с бору по сосенке. Никак не могу понять, зачем весьма неглупые люди делают безусловные глупости.

Затем – самое грустное. Сплетни о Фонде Форда оказались вовсе не сплетнями. Намеки на неблагополучие прочтете в письме Мих[аила] Мих[айловича]. А в других информ[ационных] письмах пишут: l) Уволен Жорж Фишер. Отнята у него – в последний момент! и командировка. А он уже отправил жену в Италию. Теперь он – в полном унынии. 2) Слух, но, говорят, верный: уходит со своего поста Кеннан, оставаясь лишь простым консультантом. 3) Уничтожается «Центр», т. е. организующее все дело учреждение. Пока еще не похерено русское издательство, но судьба его и объем решатся только в начале января. 4) Пока твердым остается лишь отделение Мосли, то есть своего рода институт исследования СССР, где по мысли самого Мосли должны подвизаться главным образом люди из Ди-пи. Все это горестно. То, что должны были бы сделать американцы для русских – не организуется как следует. А то, что они *не* должны делать – шумит и кричит на все голоса, конечно, пока тоже не развалится. Сталин положительно родился в сорочке. Везет ему. Тормозится даже подготовка людей с иным кругозором. Царствуй, мол, со своими роботами, других мы подготовлять отказываемся.

По словам Дон Левина, Соловьева уличил свидетель (живой) в том, что: 1) в Пскове, занятом в 1943 году немцами, он организовал русскую нацистскую партию, всю пропитанную антисемитизмом, 2) что там же, в Пскове, он был редактором русской нацистской газеты, резко прогитлерианской[a] и антисемитской. Разоблачитель – тоже член мельгуновской группы, некий *Сошальский*[89]. Мельгунов молчит и мне не пишет. Он, очевидно, всеми событиями крайне подавлен. Письмо М[ихаила] М[ихайловича], пожалуйста, верните, отвечу ему.

Сердечные приветы от обоих Вам и Т[атьяне] М[арковне].

Все, что пишут мне о Фонде, пишут весьма доверительно. Поэтому очень прошу меня не выдавать. Сообщаю Вам обо всем этом, так как считаю, что Вы все это должны знать, но – до подтверждения всего этого хотя бы такими лицами, как Мих[аил] Мих[айлович], дальше никому не сообщать. Фишера мне не жаль: он сел явно не на свое место. Но Кеннан! Ведь в сущности по его инициативе вся эта затея и образовалась. Мосли этого сделать не в состоянии: он завален делами не под силу, еще хуже Карповича. Недавно его посылали в Югославию. А там он должен был вести ответственное дело, как когда-то в Ялте и в Потсдаме, состоя при Рузвельте[90]. В свое время он об этом нам много рассказывал. Да и на что ему все эти русские затеи? Дай Бог, чтобы уцелело русское издательство – пока не верю и в это.

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 92–94.

[a] Так в тексте.

№ 31

23.XI.1951

Дорогой Марк Александрович!

Да, Левин кое-что скрыл от нас. Только на другой день я получила «сенсацию» от В[асилия] А[лексеевича], причем письмо запоздало: адресовал его мне, но не в Женеву, а в Лозанну!! Оттуда удивились на главной почте и нашли меня. Одновременно получено письмо от Мельгунова – бешеное. В нем он называет Дон Левина «хамом» и говорит, что ставит ему от имени Союза ультиматум: или Левин целиком идет с националистами, или с русскими. О судьбе этого ультиматума еще не знаю. Но хотя Левин скрыл конкретность, но не скрыл своего впечатления, что с солидаристами, Мельгуновым и Керенским ему – не по пути. Но даже это было сказано туманно, как бы в раздумье. А когда я сказала, что Мельгунов – прекрасный историк, он заметил: «Но нам сейчас нужны, ведь, не историки – это дело Фонда Форда, а *революционеры*». Кажется, Мельгунов к этому неспособен.

Получив письмо Вас[илия] Ал[ексеевича] (то же самое, какое он писал Вам), я сию же минуту ему ответила, чтобы он употребил все силы и уговорил Керенского выйти из этого дела: ничем иным, кроме скандала, это дело не кончится. Мы все время с С[ергеем] Н[иколаевичем] удивлялись, почему Советы не пишут нот Америке по поводу всех махинаций. Нота и появилась. Причем американцы ехидно замечают: «Интересно то, что наша помощь этим эмигрантам причинила Советам беспокойства». Как видите, игра затеяна в ответ на поддержку Кремлем 5-х колонн. Об этом прямо и говорится: «Вы поддерживаете, и мы будем поддерживать». Эти люди, следовательно, и употребляются американцами для того, чтобы «причинять Советам беспокойство». Это – пешки, а не самостоятельный организм (вроде «Народной воли» или других подобных организаций), ведущий *свою*, русскую политику. Все это с политической точки зрения омерзительно. Омерзительно «отнятие субсидий с понедельника». Кажется, всю эту игру Мельгунов раскусил, но все же сразу оборвать ее не хочет, ставит какие-то ультиматумы – кому? «Хаму». Все это до такой степени чудовищно, что даже жутко становится: люди теряют здоровое чутье и на этой стороне, а не только там, где и сознательно калечат. Однако, как бы долго не продлилась история, судьба ее заранее известна: использовав, вышвырнут. Особенно, если Кеннану хоть бы временно удастся установить в Москве приличные отношения.

О Фишере. Вероятно, он все-таки что-то натворил такого, за что его уволили, а, следовательно, больших неустоек платить не должны. Он сам говорил своей тетке: «Да, я плохо служил, т. к. в это время писал свою диссертацию». Но как именно «плохо служил» и в чем дело конкретно, он этой ей тетке не сказал. А жену, Китти, уже отправил в Италию, думал, очевидно, что все-таки командировка состоится. Но отняли и ее.

О том, что Далин отказался от суда чести, очевидно, [сведения] дал сам Соловьев. Из письма Далина видно, что наоборот Соловьев отвиливает от суда, а не Далин. Дон Левин нам подробно рассказал, в чем именно Сошальский обвиняет Соловьева. Но от нашего вопроса, как же он все-таки попал в Америку, уклонился, ответив кратко и неохотно: «Надо же – судиться». Очевидно, у Соловьева есть

надежда оправдаться. Мельгунов в своем коротком письме не упоминает ни звука о Соловьеве, обещает подробно написать о Висбадене, когда освободится от выпуска книги. А сейчас я получила письмо от Г.Я. Аронсона: просит подробно написать, какое досье имеется у Соловьева в Центре «1-го», в Женеве. Я ответила, но просила не использовать этого в печати: еще замешать сюда чиновников 1-го! Едва ли Соловьев вернется в Европу. Вероятно, временно стушуется. Ведь этот Сошальский – *свидетель* того, что делал Соловьев в зонах германской оккупации в России. Боже, как страшны все эти незнакомые люди, кот[орые] движутся «оттуда». Между прочим, Левин говорил, что приток людей оттуда почти прекратился. Он уверял, что *его* цифра точна: за 12 месяцев – 100 или немного больше человек перешло границу.

Но как же это Болан не повидал Вас! В[асилий] А[лексеевич] переслал копию последнего письма Мосли. Для нас оно – неубедительно. Надо, чтобы этот архив оформился. И дело вовсе не в уставе, а в людях, которые войдут в Совет. Ведь этого Совета еще нет. Есть только Карпович и Магеровский. Кто будет *фактическим* деятелем архива еще? Мосли этим делом – крайне ответственным и опасным – заниматься ведь не может. Надо посмотреть, как они его оформят в смысле *кадр*. Это – не так? То, что пишут солидаристы об Абрамовиче, Шварце и «Соц[иалистическом] вест[нике]» – перл. «Н[овое] р[усское] с[лово]» приводит лишь отрывок. А у меня есть эта статья полностью (в «Посеве»). Да, с ними идти никуда нельзя, попадешь в болото или похуже: есть ведь теперь животные много хуже, чем лягушки.

Письмо коротенькое от Веры Алекс[еевны]: раньше января *ничего* не оформится. Обещает написать, как только будет что-нибудь новое. Толкать их совершенно бесполезно: все дело зависит не от Вредена и не от нее: они должны *так же* ждать, как и мы.

Как только узнаю что-нибудь новое об эпопее Керенский–Мельгунов, сейчас же напишу Вам. Пока, очевидно, по приезде Левина в Париж, идут переговоры. А Мельгунов буквально в бешенстве. Мне их всех очень жаль. Иван Солоневич продолжает издеваться. Кто ставит ставку на Керенского? «Можно ставить на лошадь белую или на лошадь красную. Но нельзя ставить на лошадь – дохлую!»

Не понимаю Ал[ександра] Фед[оровича]. Зачем ему это фигурирование в деле заведомо неприятном и для политического деятеля всячески невыгодном?

Пожалуйста, будьте здоровы. Сердечные приветы от обоих Вам и Т[атьяне] М[арковне].

Грустно как! Ох, как грустно.

Ваша *Е[катерина] Д[митриевна]*

Сейчас получила большое письмо от Йоллоса. Он пишет, что и по Висбадену, и по его разговору с Дон Левиным американцы будут в восторге от ухода Мельгунова и Керенского. Наше с С[ергеем] Н[иколаевичем] заключение: это потому, что Дон увидел, ясно увидел, что эти люди в его упряжке целиком не пойдут. Это – так?

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 95–98.

№ 32

29.XI.1951

Дорогой Марк Александрович!

Не писала Вам потому, что еще до Вашего письма узнала о болезни Я[кова] Б[орисовича]. А тут еще д[окто]р Глепов сказал мне, что в его возрасте эта болезнь очень опасна. С ужасом вскрываю конверт из Франции. Думаю о Вас и особенно о Люб[ови] Ал[ександровне] и Ляле[91]. Горе какое. Вот почему не хотела писать Вам: с нашими житейскими «событиями», как-то не по дороге Вам сейчас. Пусть бы только миновала всю вашу семью эта напасть.

Однако, одно «событие» не могу не сообщить Вам. Надо, чтобы вы знали о нем. Прося прощения, всячески ласково, мы отказались от сотрудничества в «Нов[ом] жур[нале]». Секретарь журнала, профессиональный склочник, Роман Гуль, сделал нападение, грубое и наглое (устами покойного Ходасевича[92], человека тоже не очень высокой морали) на нас с С[ергеем] Н[иколаевичем], Пешехонова и – это главное! – на Ек[атерину] Пав[ловну] Пешкову[93]. Совершенно случайно мы знаем о ее положении. Очень опасном, ибо Сталин ненавидит ее. А Гуль пишет о ее заезде в Прагу «для важного разговора с Кусковой и другими эмигрантами». Ее могут таскать и допрашивать, даже наверное это сделают. Поступок настолько гадостный, доносительный, что мы ни в каком случае не можем быть там, где он секретарствует. Тем более, что М[ихаил] М[ихайлович] уезжает на 7 мес[яцев], все может случиться, и журнал может очутиться в руках этого человека. И главное – что мы ему сделали?! Пока не поздно, пока наши имена еще там не фигурировали, лучше уйти, около Гуля играет большую роль и Нина Берберова, и опять Мар[ия] Сам[ойловна]. Вся эта компания нам не подходящая, а мы им – просто враждебны. Жуткие времена. Очень прошу Мих[аила] Мих[айловича] простить нас. Но все же травлей мы замучены и с ними рядом быть не хотим.

Если это письмо застанет Вас в Париже, пожалуйста, все наше сочувствие и приветы передайте Я[кову] Б[орисовичу], Люб[овь] Ал[ександровне] и Ляле. И сами...

Оба шлем лучшие пожелания Вам и Т[атьяне] М[арковне].

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 99–100.

№ 33

22.12.1951

Дорогой Марк Александрович!

Не пишу Вам, думаю, что Вам теперь не до нас. Все-таки оба хотим пожелать Вам возможного спокойствия. Ведь новые заботы на Вас легли. Надо поберечь здоровье и силы. Надо же было такому несчастью случиться.

Сейчас все же должна ответить на Ваше замечание и недовольство нашим поступком. Нет, для нас совершенно невозможно быть там, где царят Гуль и Берберова. Вы пишете, что Гуль не будет редактировать журнал, а кто-то другой. Но

внутри будет сидеть эта «техническая» язва, без всякой морали, с одним только желанием всюду заводить ссоры. Между нами говоря, ведь Екат[ерина] Пав[ловна] Пешкова была сослана в Туруханский край. Вернули ее оттуда лишь очень недавно. И этот господин все же замахнулся на нее, когда даже Ходасевич этого сделать не решился и статьи своей не напечатал. Теперь ее вынимают из архива и бьют ею и живых, и мертвых. Считаю эту историю позорной. И сидеть рядом с этим господином – ни под каким видом. Пусть тявкают и подличают. Очевидно, у них это в крови. Значит, надо – подальше. И потому прошу Вас – не сердитесь и не корите нас. Нам ведь и так дорого стоит вся эта травля. Я ему ответила в «Н[овом] р[усском] с[лове]» даже не называя его имени, а только устанавливая факты. К сожалению, появилась еще статья Аронсона, по-моему, опасная для Екат[ерины] Пав[ловны]. А эту женщину мы очень хорошо знаем: пережили с ней так много, что и рассказать нельзя. Какая ужасающая атмосфера.

Горько сожалеем, что никак и ничем не можем помочь Вам и Люб[ови] Ал[ександровне]. Только – горячим сочувствием. Сердечные приветы Вам и Т[атьяне] М[арковне]. Поберегите оба себя.

Ваша *Е.Д. Прокопович*

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 101.

№ 34

29.XII.1951

Нет, дорогой Марк Александрович, это теперь уже общее мнение: там, где Гуль, скандальчик обеспечен. Кроме сведений Лунца сообщили еще вот что. В этом «могущественном» Союзе Гуля оказался... г. Левченко, советский агент[94]. Дальше идет фантасмагория, похожая на историю Лиги. Из организации Гуля вышли:... Гуль, Константиновский и Федоров[95] из-за того, что их представитель в Центре, Курганов[96], обнимался с солидаристами, власовцами и т. д. Но ведь и Керенский обнимался с ними. Вышел ли и Керенский, пока неизвестно, – он что-то «расследует», и об этом обещали сообщить. Но как Вам нравится – Левченко?! Хотя и голову на отсечение можно дать, что в каждой эмигрантской организации есть «некто», – а все же тошно, когда все это вскрывается.

Висбаден развалился окончательно. Мельгуновцы вышли совсем. В «Рос[сийском] дем[ократе]» Сер[гей] Пет[рович] опубликовал «все детали», после которых – так он пишет мне – «двери всех американских Комитетов для меня закрыты». Дон Левин обещал (письменно), в интервью съезд в конце декабря. Никто не поехал... Хотя это и обидно – для общего дела – но мы с Вами оказались правы: затея – ни к чему. К тому же, как утверждал Аджемов[97], затея вредная: она еще больше скомпрометировала так называемые «имена». Когда Вышинского, Малика, Павлова президент французской республики «просит откушать на обеде *в честь их*», – такие акции, как Висбаден – явная политическая глупость: несвоевременно[98].

Ахинея выходит с «Воспоминаниями» Пав[ла] Ник[олаевича] Милюкова[99]. Я видела переписку Н.Р. Вредена с сыном Милюкова. Н[иколай] Р[оманович]

очень заинтересован в их издании, но... требует *гарантий*, что не будет ссор между наследниками при заключении договора. Вот тут-то и начинается... Я не понимаю роли Б.И. Элькина в этой части несчастного дела о наследстве. Мое мнение, и, кажется, это мнение и Вас[илия] Ал[ексеевича], что он *должен* сдать эту рукопись наследникам. Сын поднимает скандал, и в январе состоится суд по этому делу. Ну, а эта несчастная женщина ровнехонько ничего не понимает, путает, плачет и все твердит, что «Павел ее обожал», поэтому *все* должно принадлежать ей. Убедить ее в том, что закон обожание не принимает во внимание, я не смогла. А Вреден требует, чтобы они, эти двое, как-нибудь согласились и дали в этом ручательство *третьего лица*. Какого третьего? Сын никого из «третьих» не желает. Вот тут и разберись.

Лунц говорит, что в своей статье я мало говорила о сменовеховстве Гуля. Но я старалась написать ее так, чтобы *ни разу* не упомянуть его имени. Я рассказала, как все это было. Но страшно боюсь за Ек[атерину] Пав[ловну]. По-моему, был неосторожен Аронсон. После моих разъяснений его статья была не нужна, и Вейнбаум не хотел ее печатать. Аронсон настоял. В ней он говорит не только о приезде Ек[атерины] Пав[ловны] к нам, в Прагу, но и о других ее сношениях с эмигрантами. Я старалась все это устранить. Люди забыли, что она «там» и что она только недавно вернулась из Туруханского края, где ей велено было проживать. Вообще была неслыханная подлость все это дело сейчас поднимать, когда снова по России усиленно ходят дозорные.

У нас не очень благополучно. С[ергей] Н[иколаевич] пятый день лежит в тяжелой форме бронхита. Стремимся не допустить воспаления легких. А у меня раздулась нога, воспаление коленного сустава. Все это очень неудобно, у нас пансион – неустроенный.

Горячо желаем Вам и Т[атьяне] М[арковне] здоровья. Обо всех новостях буду писать.

Сердечно Ваша [*Е. Прокопович*]

Сер[гей] Пет[рович] хотел, чтобы поляк Варга, хорошо знавший Ек[атерину] Пав[ловну], о выходке Гуля написал. Я его очень просила этого не делать.

Архив Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Фонд М.А. Алданова. К/П 731–732. Оп. 1. Л. 102–103.

Примечания

[1] *Далин (Левин) Давид Юльевич* (1889–1962) – политический деятель (меньшевик), историк, политолог, редактор. В эмиграции с 1921 г.

[2] В 1950 г. исполнилось 70 лет со дня рождения известного меньшевика-эмигранта Р.А. Абрамовича.

[3] *Гуль Роман Борисович* (1896–1986) – писатель, эмигрант, журналист, публицист, историк, критик. В эмиграции с 1919 г. В 1950 г. переехал на жительство в США. С 1951 г. ответственный секретарь «Нового журнала», с 1959 г. его главный редактор.

[4] *Галич (Габрилович) Леонид Евгеньевич* (1878–1953) – литературный критик, публицист. С 1917 г. в эмиграции.

[5] *Вейнбаум Марк Ефимович* (1890–1973) – журналист, редактор, юрист. С 1913 г. в эмиграции. С 1922 по 1973 г. редактор «Нового русского слова».

Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) – публицист, исторический писатель и общественный деятель. Получил широкую известность как автор книг об СССР и теоретик монархизма.

[6] *Струве Глеб Петрович* (1898–1985) – литературовед, критик, поэт. С 1918 г. в эмиграции.

[7] *Никольский Борис Александрович* (1885–1969) – историк, журналист, переводчик.

[8] *Фишер Юрий (Джордж)* (1923–2003) – историк, политолог, публицист. В 1950 г. являлся одним из главных организаторов и вдохновителей создания Института по изучению истории и культуры СССР (Мюнхен). В 1952 г. защитил докторскую диссертацию «Советское противостояние Сталину во второй мировой войне», которая была посвящена военному исходу из Советского Союза и во многом основана на интервью, взятых у бывших советских граждан, оказавшихся на Западе.

Кюстин Астольф Луи Леонор де (1790–1857) – французский аристократ и монархист, писатель, путешественник, приобрел мировую известность благодаря изданию своих записок «Россия в 1839 году», которую он посетил в 1839 г. В книге (Т. 1–4, 1843; неоднократно переиздававшейся) Россия – страна «варваров» и рабов, всеобщего страха и «бюрократической тирании». Отношение к книге было неоднозначным.

[9] *Лайонс Евгений* или *Лаонс Юджин* (1898–1985) – американский писатель, журналист. Председатель Американского комитета освобождения от большевизма (1951–1952).

[10] 1 марта 1881 г. было совершено покушение на российского императора Александра II, в результате которого он погиб.

[11] *Коряков Михаил Михайлович* (1911–1977) – писатель, публицист, литературный критик. В эмиграции с 1946 г.

[12] Речь идет о романе Л.Д. Ржевского «Девушка из бункера» (См.: Грани. 1950. № 8, 9; 1951. № 11). Дополненная и переработанная редакция: Между двух звезд. New York, 1953 (роман о партизанском движении и судьбе советских военнопленных).

Ржевский (Суражевский) Леонид Денисович (1905–1986) – писатель, представитель «второй волны» русской эмиграции, литературовед.

[13] *Полонский Яков Борисович* (1892–1951) – юрист, журналист, писатель, историк литературы, свояк М.А. Алданова.

[14] *Кантор Михаил Львович* (1884–1970) – юрист, поэт, литературный критик, редактор. В эмиграции после 1917 г.

[15] *Адамович Георгий Викторович* (1892–1972) – поэт, критик. С 1923 г. в эмиграции.

Бахрах Александр Васильевич (1902–1985) – литературовед, публицист, мемуарист. Эмигрировал в 1920 г.

[16] *Гукасов Абрам Осипович* (1872–1969) – нефтепромышленник, меценат, издатель и общественный деятель. В эмиграции с 1918 г. Стал основателем и издателем газеты «Возрождение» (1925–1940). Финансировал проведение Русского зарубежного съезда в Париже; председатель правления Российского центрального (национального) объединения (с 1926 г.). После Второй мировой войны основатель и издатель литературно-политического журнала «Возрождение» (1949–1974).

[17] *Оболенский Владимир Андреевич* (1869–1950) – общественный деятель, кадет, депутат I Государственной думы. В эмиграции с 1920 г.

[18] *Ведемейер Альберт Коади* (1897–1989) – американский генерал, командовавший в конце Второй мировой войны американскими войсками в Китае. В 1948 г., во время первого Берлинского кризиса, поддержал план генерала Клея по организации «воздушного моста».

[19] Может быть, речь идет о статье Г.П. Струве «Об Адамовиче-критике: По поводу книги “Одиночество и свобода”», которая была опубликована в журнале «Грани» (1957. № 34–35. С. 365–369).

[20] *Ди-пи* – перемещенное лицо, вынужденное покинуть место постоянного проживания. Термин «перемещенные лица» лег в основу понятия «беженец», закрепленного в Уставе ООН и Конвенции 1951 г. о статусе беженцев. Русскоязычный термин «перемещенное

лицо» – калька с англоязычного термина «displaced person» (аббр. DP, произносится как «Ди-пи»). Начало широкого употребления термина связано с событиями Второй мировой войны. В течение 1947–1951 гг. значительная часть Ди-пи выехала на новые места жительства в США, Канаду, Австралию, Латинскую Америку и т. п.

[21] *Юрьевский Е.* (*Вольский Николай Владиславович*) (1879–1964) – публицист, политический деятель (меньшевик). «Невозвращенец» с 1930 г. Сотрудничал в эмигрантской прессе, издававшейся во Франции и США.

[22] *Берлин Павел Абрамович* (1878–1962) – публицист. В 1922 г. эмигрировал из России. Сотрудничал в газете «Новое русское слово», журналах «Русские записки», «Новый журнал», «Социалистический вестник» и др. Писал статьи по вопросам экономики, политики, кооперации.

[23] *Кеннан Джордж Фрост* (1904–2005) – американский дипломат, политолог и историк, основатель Института Кеннана. Считался «идейным отцом» «политики сдерживания» времен холодной войны. Автор трудов по истории взаимоотношений России и стран Запада.

[24] Может быть речь идет о статье Г.П. Струве «Об Адамовиче-критике: По поводу книги “Одиночество и свобода”, которая была опубликована в журнале “Грани”» (1957. № 34–35. С. 365–369.

[25] *Астров Николай Иванович* (1868–1934) – политический и общественный деятель. С 1920 г. в эмиграции, жил в Чехословакии. Сотрудничал с газетой «Последние новости», был председателем Союза писателей и журналистов в Праге, товарищем председателя Пражского эмигрантского комитета, организатором и руководителем Русского заграничного исторического архива в Праге.

[26] *Изюмов Александр Филаретович* (1885–1951) – историк-архивист. В 1922-м выслан из Советской России. Состоял секретарем группы высланных профессоров при организации Русского научного института в Берлине. С октября 1925 г. переехал в Прагу. Работал в должности заведующего отделом документов Русского зарубежного исторического архива, с 1934 г. заместителем директора Архива.

[27] *Кобяков Павел Петрович* – политический деятель. Участник Гражданской войны. В 1920 г. эмигрировал.

[28] *Готвальд Клемент* (1896–1953) – политический деятель Чехословакии, лидер Коммунистической партии Чехословакии, премьер-министр Чехословакии (с 1946 г.) и президент Чехословакии (с 1948 г.).

[29] *Богучарский (Яковлев) Василий Яковлевич* (1860–1915) – писатель, журналист, публицист, издатель, историк революционного движения в России.

[30] *Йолос (Иоллос) Владимир Григорьевич* – журналист, сын Г.Б. Йолоса, которого хорошо знали Е.Д. и С.Н. Прокоповичи.

Йолос (Иоллос) Григорий Борисович (1859–1907) – публицист и политический деятель, член I Государственной думы. Погиб в результате покушения черносотенцев.

[31] *Цетлина Мария Самойловна* (урожд. *Тумаркина*) (1882–1976) – общественный и политический деятель, издатель; культурный деятель российской эмиграции.

[32] План Маршалла – программа помощи Европе после Второй мировой войны. Предложен в 1947 г. государственным секретарем США Д.К. Маршаллом и вступил в действие в апреле 1948 г.

[33] *Вреден Николай Романович* (*Робертович*) (1901–1955) – переводчик, издатель. С 1920 г. в эмиграции. В 1951–1955 гг. директор «Издательства имени Чехова» в Нью-Йорке.

[34] *Бахметев Борис Александрович* (1880–1951) – ученый в области гидродинамики, политический и общественный деятель. С июня 1917 г. был послом Временного правительства России в США. 30 июня 1922 г. ушел в отставку. Взял на себя заботы о русских эмигрантах в США.

[35] *Кравченко Виктор Андреевич* (1905–1966) – советский государственный и партийный деятель, один из невозвращенцев. Металлург по образованию, работал в Донбассе. Во время Второй мировой войны был членом советской закупочной комиссии в США, где попросил политического убежища. С 1943 г. жил в США под именем Питера Мартина. Стал известным благодаря своей книге «Я выбираю свободу» и выигранному процессу против французской коммунистической прессы.

[36] *Франко Франциско* (1892–1975) – испанский военный и государственный деятель, глава Испании в 1939–1975 гг.

[37] *Мякотина Елена Венедиктовна* (в замужестве: *Элен Каплан*) (род. в 1928 г.) – архивист, библиотечный работник, дочь историка В.А. Мякотина, высланного из СССР в 1922 г. Окончила историко-географический и славянский факультеты Сорбонны.

[38] *Титов Александр Андреевич* (1878–1961) – ученый-химик, профессор, предприниматель, политический и общественный деятель, церковный благотворитель. С 1919 г. в эмиграции. С 1945 г. член правления Объединения русской эмиграции для сближения с советской Россией. Член Общества помощи русским беженцам.

[39] *Тарле Евгений Викторович* (1874–1955) – советский историк.

[40] *Вышинский Андрей Януарьевич* (1883–1954) – государственный деятель, юрист, дипломат. В 1935–1939 гг. прокурор СССР. В 1949–1953 гг. министр иностранных дел СССР. С 1953 г. постоянный представитель СССР при ООН.

[41] *Зеелер Владимир Феофилович* (1874–1954) – политический и общественный деятель. В эмиграции с 1920 г. С конца 1940-х гг. входил в редколлегию еженедельника «Русская мысль».

[42] Лимбургский собор – Кафедральный собор Святого Георга (памятник XIII в.) в городе Лимбург-ан-дер-Лан (Германия).

«Посев» – «Свободное русское издательство “Посев”», учрежденное в Германии в 1945 г. российскими эмигрантами из Народно-трудового союза и выпускающее книги на русском языке, а также журналы «Посев» и «Грани». В 1947 г. издательство базировалось в Лимбурге-на-Лане.

[43] Солидаристы – члены политической организации русской эмиграции «Народно-трудовой союз российских солидаристов» (НТС).

[44] *Лович (Дейч) Яков Львович* (1896–1956) – писатель. С 1919 г. в эмиграции; жил в Маньчжурии и в США. Имеется в виду его роман «Что ждет Россию» (Харбин: Рупор, 1932). *Лович (Дейч) Яков Львович* (1896–1956) – писатель. С 1919 г. в эмиграции; жил в Маньчжурии и в США.

[45] *Александрова Вера Александровна* (урожд. *Мордвинова,* по мужу – *Шварц*) (1895–1966) – литературный критик и редактор. В 1922 г. вместе с мужем, меньшевиком С.М. Шварцем, выслана из Советской России. В 1952–1956 гг. главный редактор издательства им. Чехова в Нью-Йорке.

[46] *Питоева Людмила Яковлевна* (урожд. *Сманова*) (1899–1951) – французская актриса русского происхождения.

[47] Бевинисты – сторонники британского профсоюзного руководителя, государственного деятеля, лейбориста и пацифиста Эрнеста Бевина (1881–1951). После выборов 1945 г. стал министром иностранных дел в лейбористском правительстве К. Эттли и вместе с ним участвовал в Потсдамской конференции руководителей трех держав. Был сторонником сохранения Британской империи и жесткой внешней политики. Стремясь предотвратить советскую экспансию в Европу в ходе развития холодной войны, работал в тесной связи с США и поддержал план Маршалла по восстановлению разрушенной войной экономики стран Европы. Принимал активное участие в создании Западноевропейского союза (Брюссельский пакт 1948) и Организации Североатлантического договора (НАТО) в 1949 г.

[48] *Дон Левин Исаак* (1892–1981) – журналист, общественный деятель. В США жил с 1911 г.

[49] *Ольшанский Борис* (1910–1958) – журналист. Участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. После окончания военных действий в звании капитана назначен в

состав советской военной администрации в Восточном Берлине. Вступил в конфликт с командованием, препятствовавшим его браку с немкой. Вместе с невестой нелегально перешел границу американской оккупационной зоны Германии и стал эмигрантом. Переехал на постоянное жительство в США, где стал сотрудником на радиостанции, вещавшей на СССР. Автор книги «Мы приходим с Востока» (Буэнос-Айрес, 1954). Во время сенатских слушаний по делу о расстреле польских офицеров в Катыни (1940) выступал с показаниями. Через несколько лет, будучи неустроенным, без заработка, неожиданно исчез. Вероятно, вернулся в СССР, где и умер при невыясненных обстоятельствах.

[50] *Шимкин Виктор Исаакович* (1883–1967) – журналист, издатель. С 1907 г. в эмиграции (США).

[51] *Иванов* – неустановленное лицо.

[52] *Аронсон Григорий Яковлевич* (1887–1968) – публицист и общественный деятель. В эмиграции с 1922 г.

[53] «Человеческая комедия» – цикл сочинений французского писателя Оноре де Бальзака, составленный им самим из его 137 произведений и включающий романы с реальными, фантастическими и философскими сюжетами, изображающими французское общество в период Реставрации Бурбонов и Июльской монархии (1815–1848).

[54] *Иващенко Александр Федорович* (1908–1961) – литературовед. Один из авторов «Истории французской литературы» (изд. АН СССР). Исследовал особенности критического реализма во Франции.

[55] *Татаринов Владимир Евгеньевич* (1892–1961) – журналист, художественный и литературный критик, прозаик, общественно-политический деятель. Входил в состав редколлегии газет «Руль» и «Возрождение». В составе делегации эмигрантов посетил 12 февраля 1945 г. советское посольство в Париже, состоял в Союзе советских патриотов. В 1945–1951 гг. сотрудник газеты «Русские новости», исполнял обязанности редактора. Сотрудник «Русской мысли» (1950-е гг.).

[56] СС (нем. SS, сокр. от нем. Schutzstaffel, «отряд охраны») – военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) в 1933–1945 гг.

[57] *Болан Семен Акимович* (?– после 1959) – библиофил и библиограф.

[58] *Мозли Филип* (1905–1972) – историк, советолог, профессор Колумбийского университета.

[59] *Долгополов Николай Саввич* (1879–1972) – врач и общественный деятель. С 1920 г. в эмиграции. В 1949 г. основал Русский дом для престарелых в Кормей-ан-Паризи.

[60] Аргус – псевдоним Г.Я. Аронсона.

[61] Грузенберг О.О. Вчера. Воспоминания. Париж: Дом книги, 1938.

Грузенберг Оскар Осипович (*Израиль Иосифович*) (1866–1940) – юрист и общественный деятель. С 1920 г. в эмиграции.

[62] *Пешехонов Алексей Васильевич* (1867–1933) – экономист, журналист, политический деятель. В 1922 г. выслан из Советской России. Неоднократно безуспешно просил советское правительство разрешить ему вернуться на родину, с 1927 г. работал консультантом в торгпредстве СССР в Прибалтике, умер в Риге, был похоронен в Ленинграде.

[63] *Лунц Григорий Максимович* (1887–1975) – коллекционер редких книг, в начале 1940-х гг. библиотекарь университета Калифорнии (Лос-Анджелес); позднее числился среди книжных дилеров Нью-Йорка. Член корпорации «Нового журнала» первого состава.

[64] *Климов Григорий Петрович* (*Калмыков Игорь Борисович*) (1918–2007) – писатель, журналист, редактор, автор многочисленных публикаций и лекций конспирологического и евгенистического содержания. Разрабатывал концепцию так наз. «высшей социологии», представляющую собой интерпретацию истории и социологии.

[65] Речь идет о книге: Klimow G. Berliner Kreml. Berlin, 1953.

[66] *Рейтер Эрнст Васильевич* (1889–1953) – немецкий политик, общественный деятель. В 1918 г. возглавлял Поволжский комиссариат по немецким делам; обер-бургомистр Магдебурга (1931–1933) и Западного Берлина (1948–1953).

Гильденбран Райнер (1914–2004) – доктор политических наук, руководитель «Общества русско-немецкой дружбы» и «Группы борьбы против бесчеловечности».

[67] *Корольков Николай Евдокимович* (1898–1977) – подъесаул Донского казачьего войска, инженер, казачий деятель. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции с 1920 г. В США с 1929 г., работал агрономом и занимался торговлей недвижимым имуществом. Возглавлял ряд русских и казачьих организаций. Сотрудничал в газете «Новое русское слово».

[68] *Фрумкин Яков Григорьевич* (1879–1971) – юрист, общественный деятель, историк. С 1918 г. в эмиграции. С 1941 г. в США. В 1956 г. был избран председателем Союза русских евреев в Нью-Йорке.

[69] *Андреев Леонид Николаевич* (1871–1919) – писатель. Представитель «Серебряного века» русской литературы. Считается родоначальником русского экспрессионизма.

[70] *Офросимов Яков Никандрович* (1862–1946) – общественный деятель и политик. Эмигрировал в годы Гражданской войны.

[71] *Авксентьев Николай Дмитриевич* (1878–1943) – политический деятель. С 1918 г. в эмиграции.

[72] *Чайковский Николай Васильевич* (1850–1928) – политический деятель. Эмигрировал в 1920 г.

[73] *Месин* – неустановленное лицо.

[74] *Черчилль Уинстон* (1874–1965) – государственный и политический деятель Великобритании. В октябре 1951 г., вновь – после перерыва в пять лет – стал премьер-министром (в возрасте 76 лет).

[75] Rue de Grenelle – улица в Париже, где расположено советское посольство.

Ратнер – неустановленное лицо.

[76] Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1952.

[77] *Серафим Саровский* (в миру *Прохор Исидорович Мошнин*, в некоторых источниках – *Машнин*) (1754–1833) – иеромонах Саровского монастыря, основатель и покровитель Дивеевской женской обители. Один из наиболее почитаемых православных святых. М.М. Карпович интересовался историей его жизни и проповедей.

[78] *Магеровский Лев Флорианович* (1896–1986) – историк, журналист, общественный деятель. С 1920 г. в эмиграции. Участвовал в организации Русского зарубежного исторического архива в Праге. В 1948 г. переехал в США. Основатель Русского (Бахметевского) архива при Колумбийском университете, куратор архива (1951–1976).

[79] *Цетлин* Михаил Осипович (1882–1945) – поэт (известен под псевдонимом «Амари»), беллетрист, редактор, меценат. С 1918 г. в эмиграции. Был основателем и первым редактором «Нового журнала» (совместно с М.А. Алдановым).

[80] «Власть народа» – ежедневная газета эсеровского направления. Выходила с 28 апреля 1917 г. в Москве под фактической редакцией Е.Д. Кусковой. В начале 1918 г. была закрыта большевистскими властями.

[81] По инициативе Г.В. Плеханова, Кускова и Прокопович были в конце 1890-х гг. исключены из «Союза русских социал-демократов за границей», а их взгляды подверглись осуждению.

[82] «Единство» – газета, начавшая выходить в 1917 г., была литературным органом социал-демократической группы того же названия. Руководители этой группы и газеты – Г.В. Плеханов, Алексинский и др.

[83] *Воронович Николай Владимирович* (1887–1967) – писатель, журналист, участник Русско-японской и Первой мировой войн, в Гражданскую войну – командир «зеленых»; в эмиграции после 1920 г. Переехал в США из Европы в конце 1940-х гг. Сотрудничал в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк). Инициатор создания «Бригады стариков» в Бруклине (Нью-Йорк), в которой занимался оказанием благотворительной помощи и сбором посылок для нуждающихся и забытых русских эмигрантов. Автор мемуаров.

[84] *Толстая Александра Львовна* (1884–1979) – общественная деятельница, мемуаристка. С 1929 г. в эмиграции. В 1939 г. организовала и возглавила занимавшийся помощью русским беженцам Толстовский фонд, филиалы которого и сейчас находятся во многих странах.

[85] Речь, скорее всего, идет о книге: Толстая А.Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. Нью-Йорк, 1953.

[86] *Дон-Аминадо* (*Шполянский Аминодав Пейсахович*) (1888–1957) – поэт-сатирик, мемуарист, адвокат. С 1920 г. в эмиграции.

[87] «На рубеже» – журнал, выходил в США (1951–1952). Главный редактор Б.И. Николаевский.

[88] Выходила в Париже в 1945–1950 гг. Речь идет о журнале «Русский демократ» (1948–1957). Орган «Союза борьбы за свободу России» (1950–1957) выходил под редакцией С.П. Мельгунова.

[89] *Сошальский* (*Кончаловский Дмитрий Петрович*) (1878–1952) – историк. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Участник Первой мировой войны. В 1918–1922, 1929–1941 гг. преподавал в Московском, Минском и Смоленском университетах. Летом 1941 г. вместе с семьей отправился на свою дачу под Можайском, где дождался прихода немцев. В 1942–1945 гг. сотрудник органов пропаганды Вермахта и оперативного штаба А. Розенберга. После 1945 г. жил в лагерях Ди-пи под фамилией Степанов, затем перебрался в Париж.

[90] Имеются в виду Ялтинская (Крымская) и Потсдамская конференция 1945 г. В этот период Кеннан занимал пост советника-посланника при после США в СССР.

[91] *Полонский Александр Яковлевич* (1925–1990) – юрист, филолог, коммерсант, коллекционер.

[92] *Ходасевич Владислав Фелицианович* (1886–1939) – поэт, критик, мемуарист и историк литературы, пушкинист.

[93] *Пешкова Екатерина Павловна* (урожд. *Волжина*) (1876–1965) – общественный деятель, правозащитница.

[94] Может быть, речь идет об *Артемии Дорофеевиче Левченко* (1892–1954), эмигрировавшим из СССР в 1944 г.

[95] *Константиновский Борис Александрович* (1899–1977) – историк, юрист, общественно-политический деятель. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1924 по 1944 г. преподавал историю права в Новороссийском (Одесском) университете. В 1944 г. эмигрировал. После 1945 г. работал в Американском институте по изучению СССР (Мюнхен). С 1949 г. в США; преподавал в Гарвардском (1949–1952) и Колумбийском (1956–1958) университетах. До 1966 г. консультант при Американском комитете освобождения. В 1966 г. преподавал в Американо-русском славянском институте. Один из основателей Конгресса русских американцев и Русской академической группы в США.

[96] *Курганов* (*Кошкин*) *Иван Алексеевич* (1895–1980) – экономист и демограф, доктор экономических наук, советолог. С 1942 г. в эмиграции.

[97] *Аджемов Моисей Сергеевич* (1878–1950) – политик. С 1919 г. проживал во Франции.

[98] *Малик Яков Александрович* (1906–1980) – советский государственный деятель, дипломат. В 1946–1953 и 1960–1967 гг. заместитель министра иностранных дел СССР. Постоянный представитель СССР при ООН и в Совете безопасности ООН в 1948–1952 гг.

Павлов Алексей Павлович (1905–1982) – советский дипломат. В 1945–1946 гг. заведующий 4-м европейским отделом и член коллегии МИД СССР. С 1946 г. посол СССР в Бельгии и посланник в Люксембурге, 1948–1949 гг. представитель СССР в Комиссии по правам человека ООН, 1950–1953 гг. посол СССР во Франции.

[99] См.: Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917) / Под. ред. М.М. Карповича и Б.И. Элькина. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1955.

«Это могут сделать только гвардейцы-панфиловцы»

Запись беседы с Героем Советского Союза М. Габдуллиным. 1943 г.

Публикуемый документ представляет собой стенографическую запись беседы с Героем Советского Союза, казахским писателем и ученым Маликом Габдуллиным (Габдулиным) (2(15) ноября 1915–2 января 1973), в которую включены также отрывки из дневника. Уникальность записи в том, что она сделана в середине февраля 1943 г., через 2 недели после решения о присвоении ему звания Героя Советского Союза (30 января), и потому в полной мере отражает непосредственные переживания недавно прибывшего с фронта офицера. Особую тональность и стилистику тексту придает довоенная биография Габдуллина – журналиста и начинающего писателя.

Одной из оригинальных характеристик документа представляются воспоминания М.Габдуллина о детстве и учебе. Они содержат ценные и любопытные детали об этнокультурных особенностях семейного воспитания, взаимоотношениях поколений, роли образного устного слова и фольклора в самосознании и преемственности поколений кочевого народа. Интересные детали приводит интервьюируемый о становлении новой культуры и образования в советском Казахстане, о включении молодежи в систему общественных организаций и гражданской активности, о характере и содержании культурно-просветительной работы в этносоциальной среде в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Как следует из воспоминаний, именно знакомство с массовыми популярными изданиями и первыми произведениями казахских советских писателей и поэтов стимулировало молодого человека к самостоятельному литературному творчеству.

Основная часть записи посвящена событиям, предопределившим подвиг Габдуллина. Он был призван в армию в июле 1941 г. и оказался в составе знаменитой впоследствии 316-й стрелковой Панфиловской дивизии. Его рассказ дополняет и конкретизирует повседневную картину фронтовой действительности в наиболее трудный первый период Великой Отечественной войны. Сегодня в центре дискуссий оказалась история героических защитников Москвы – панфиловцев. Рассказ М.Габдуллина дает возможность более детально представить подвиг тех, кто воевал за Родину, зримо ощутить жестокость войны и самоотверженность советских воинов всех национальностей, которые в тяжелейших испытаниях из обычных людей, боявшихся смерти, вырастали в отчаянных храбрецов, умных командиров и верных друзей.

В январе 1942 г. Габдуллин был награжден орденом Красной Звезды. Во время боя под селом Рыбушка в контратаку были брошены рота третьего батальона и группа автоматчиков во главе со старшим политруком М. Габдуллиным. Командир группы был тяжело ранен, ранение получил и Габдуллин. Но он принял командование на себя и не ушел с поля боя. При занятии с. Новосвинухово группа автоматчиков из 5 человек во главе с Габдуллиным проникла в центр села и подняла панику среди фашистов. При поддержке роты второго батальона село было освобождено. Габдуллин с группой автоматчиков привел 12 пленных, среди которых был офицер. В почти 7-часовом бою за с.Бородино, имевшее немалое значение в борьбе за Старую Руссу, Габдуллин пять раз ходил в атаку и контратаку и четыре раза отбивал атаку немцев, пытавшихся обойти подразделение с

фланга. Противник, потеряв свыше 2000 убитыми и ранеными, отступил. За этот подвиг Габдуллину было присвоено звание Героя Советского Союза[1].

Малик Габдуллин известен и как крупный казахский писатель, и ученый-литературовед. Он довольно рано проявил литературные способности и определился с профессиональными интересами. В 1935 г. Габдуллин окончил Казахский педагогический институт имени Абая (КазПИ). После прохождения военной службы (1935–1937) он работал в газете «Социалистік Қазақстан» (1937), заместителем редактора газеты «Қазақстан пионері» (1938), научным сотрудником Института языка и литературы Казахского филиала АН СССР (1938), в 1938–1946 гг. был аспирантом Казахского педагогического института имени Абая.

После войны занимался научно-педагогической деятельностью, работал директором Института литературы и языкознания АН Казахской ССР (1946–1951), ректором КазПИ имени Абая (1951–1963), заведующим отделом фольклора Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова АН Казахской ССР (1963–1973). Основная тема исследований М. Габдуллина – казахский героический эпос, народные песни, айтысы (импровизированные состязания акынов – народных сказителей), сказки, пословицы и поговорки. Он также принимал участие в подготовке и издании многотомной истории казахской литературы. Его научный труд «Казахский героический эпос» в 1972 г. был удостоен премии имени Ч.Ч. Валиханова. Малик Габдуллин – автор художественных произведений «Мои фронтовые друзья» (1947), «Золотая звезда» (1948), «Фронтовые очерки» (1949), «Будни войны» (1968), «О друзьях, товарищах» (1969), «Грозные годы» (1971). Часть произведений была издана на русском языке в переводе И.П. Щеголихина. Избирался депутатом Верховного Совета СССР 2–4-го созывов, награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды и медалями СССР.

Стенограмма беседы с участником войны Маликом Габдуллиным и запись его дневника находится в Научном архиве Института российской истории РАН. Комиссия по истории Великой Отечественной войны (другие названия: Комиссия по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. академика И.И. Минца, Комиссия по составлению летописи Великой Отечественной войны, Комиссия по истории обороны Москвы, Центральная комиссия по истории Великой Отечественной войны) была создана 10 декабря 1941 г. и работала по декабрь 1945 г. Затем ее преобразовали в Сектор истории СССР советского периода Института истории АН СССР (1946 г.), затем – в Сектор истории советского общества (12 марта 1947 г.). В годы войны комиссия много внимания уделяла сбору документов и интервью. За это время в архиве Комиссии аккумулировался значительный объем материалов. В 1953 г. комиссия Главного архивного управления обследовала архив, сосредоточенный тогда в Отделе рукописных фондов Института истории АН СССР. Часть книг и документов была передана в другие архивы и библиотеки, а часть материалов уничтожена[2].

Структура документа, орфография и стилистика сохранены, исправлены очевидные опечатки и ошибки. Пропуски отмечены квадратными скобками. Данные о некоторых персонажах, упомянутых в тексте, не выявлены.

Публикацию подготовила доктор исторических наук Д.А. АМАНЖОЛОВА.

---

[1] Литературное наследство. Т. 78: Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Наука, 1966. С. 501–503.

[2] Подробнее см.: Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг.: коллективная монография / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев; Институт российской истории РАН.М.; СПб., 2015. С. 50–61.

Комиссия по истории Отечественной войны[а]

Стенограмма беседы с т. ГАБДУЛИНЫМ М.
Беседу проводит научный сотрудник Комиссии т. Кроль[1]
Записывает т. Рослякова[2]

15-го февраля 1943 г.

ГАБДУЛИН Малик – Герой Советского Союза

Родился в 1915 году в семье крестьянина-бедняка Зеренчинского[б] района, Акмолинской области Казахской ССР колхоза «Сталин туя[в]» – «Сталинское Знамя». Это по новому административному делению, а по-старому это будет Дзертавский аул, Кокчетавского уезда.

Что из себя представляет наша местность?

Наша местность является второй Швейцарией. Знаменитый курорт Боровое[3] находится там же. Кругом леса, поля, озера, горы, рудники. Растут преимущественно береза и сосна.

Мой отец Елемесов Габдула был по-нашему образованный человек. Это значит, что он умел читать и писать, в то время как другие казахи этим не владели. Вот его преимущество. Он учил детей, правда, по-старому учил, по арабскому алфавиту[4]. Раньше он был учителем, сейчас – колхозник рядовой. Мать – Алия и бабушка еще была – Мадьян.

Моя мать родила десять человек детей: восемь сыновей и двух дочерей. Все, за исключением меня, умерли. Я был единственным ребенком в семье.

Вырос я исключительно под воспитанием бабушки. Я ее очень любил и уважал. Свою мать я не уважал, несмотря на то, что я ее любил, предпочтение отдавал своей бабушке. Это, вероятно, потому, что когда мне было полтора, два года, она взяла меня к себе. Я вырос на груди у нее, на одной постели спали, она ухаживала за мною. Когда мне было лет семь, восемь, она начала мне рассказывать сказки, очень страшные, очень хорошие и пела мне песни старинные казахские.

У казахов раньше письменности не было. Все литературные произведения – эпос, былины, сказки, загадки, поэмы, – все слагалось устно. Произведения писателей и поэтов передавались устно из поколения в поколение. Только теперь все это начинает записываться. Все это она знала, и вот бабушка начала мне все это передавать, рассказывать. Вечером, в юрте мы жили, соберемся несколько ребятишек, и бабушка моя начинает нам рассказывать сказки разные. Причем она была очень добрая, всех детей принимала с радостью. Соберемся около нее, она прежде всего угостит нас кумысом[5], сметаной. Все, что есть, все отдает. Дети ее очень любили, все дети нашего аула ее уважали. 62 года ей тогда было. Мы ее просим: бабушка, расскажите нам что-нибудь интересное? Она посмотрит на нас и начинает сказку говорить. Она сделала по воспитанию детей всего нашего аула очень много. Если мальчик-пацан нашего аула делает нехорошее дело, его надо воспитать, сказать, внушить ему, что это неправильно, нехорошо, что она делает?

[а] Заголовок документа.

[б] Правильно – Зерендинский.

[в] Правильно – туы (знамя).

Она уже сама сочиняет сказки. Был такой-то мальчик, с таким-то характером, не уважал стариков, не слушался и проч.

Все материалы берет из жизни того мальчика, который нарушил «дисциплину», говоря по-нашему. Этот мальчик понимает, что речь идет не о каком-то мальчике, который когда-то существовал, а речь идет о нем, и покраснеет. Это был очень хороший метод. Это была аллегорическая, образная сказка.

Мы любили слушать о героях, о богатырях, об одноглазых драконах, о тех простых людях, которые побеждают темную силу одноглазого дракона. Есть сказки о том, как какой-то дракон появился на божий свет, делает затмение солнца и луны, а простой человек приходит и побеждает, создает счастье для людей. О таких героях мы очень уважали слушать. Она рассказывала со всей энергией, очень хорошее впечатление производили ее рассказы.

Хозяйство в основном было скотоводческое, земледелием не занимались. Зимой жили в домах в юртах, а летом на джайлау[6].

Какой интерес представлял в детские годы этот джайлау?

Надо сказать, что это огромная территория, совершенно открытая. Обычно у озера собирается несколько аулов в летнее время в начале июня и до августа месяца. Сходятся несколько аулов, устраивается большой праздник: играют, поют. Мы радуемся тому, что нам предоставляется возможность поиграть, как следует.

Что у нас были за игры?

Так как у нас хозяйство в основном было скотоводческое, мы любили ездить на лошадях. Сядем несколько ребят на лошадей и едем по полю на галоп, на рысь. Мы не умели читать, писать и не интересовались этим.

После установления советской власти, в 1924 году во всех аулах открылись аульные начальные школы. Первый раз в школу меня привела бабушка. Учителем был Рамазан Нугманов, очень добрый, очень замечательный человек. Я начал учиться на родном языке. Школа находилась в соседнем ауле, который от нашего аула находился в полутора–двух километрах. Преподавали казахский язык и арифметику. Учебников тогда еще не было. Этот Нугманов сам учился на курсах для учителей и пришел с теми знаниями, которые получил там. В середине учебного года начали поступать учебники на арабском шрифте. Сейчас у нас уже русский шрифт[7].

Что характерно для меня в детском возрасте?

Я учился в школе неплохо. Начинали мы заниматься в школе часов с 11 дня и кончали в 2 часа. Как только кончались занятия, начинаем уходить. Тут начинается большая драка между нами, школьниками. В школу приходили ребятишки из четырех аулов. Ребята каждого аула составляют партию. Эта драка кончалась иногда мордобоем. Если нас побили, то мы уже сговариваемся – давай побьем завтра их? Во что бы то ни стало, мы должны отомстить, иного выхода не могло быть.

В 1929 году я окончил аульную школу. Несмотря на то, что я учился в аульной школе, я был отчаянным хулиганом.

Расскажу вам маленький случай.

В нашем ауле один молодой джигит женился. Фамилия его Балдабаев Курман-Гали. Женился он на одной казачке[a] по имени Алтын – золото. Он устроил свадьбу и прочее.

---

[a] Так в тексте. Правильно – казашка.

Однажды нас четыре мальчика караулили ночью овец.

Когда выезжали на летнее пастбище, то расположение юрт было такое: юрты были выстроены кругом, а в середине место для овец и коров, куда они должны пригоняться на ночь на ночлег. Мы ночью охраняли овец. В жизни молодых казахов охрана овец и коров в летнее время является таким местом, куда сходится молодежь и организует своего рода праздник: играет в национальные игры, поет и прочее. Под предлогом охраны овец и коров молодежь собиралась, пели песни, играли в разные игры. Это доставляло очень большое удовольствие.

Однажды четыре мальчика: Альмай, Давлет-хан, Кошек и я пришли сюда. Что делать? Давайте отомстим этому молодому джигиту, который, когда женился, не пригласил нас на свадьбу! Давай. Как будем мстить? Когда к ним в дом приходишь, они не угощают кумысом, молока не дают, сметаны не дают, очень скупые люди были.

Мы решили ночью пробраться в этот дом, выпить весь кумыс, забрать все масло, которое хранится в бурдюках[8], и все, что есть. С этим и пошли. Приходим: дверь наглухо закрыта, негде зайти. Тогда я забрался на самый верх юрты, спустился с крыши вниз, а они спят. Кумыс вытащил, вылил, масло достал. Все это мы украли.

Мы воображали себя большими людьми и обиделись, почему нас не пригласили?

На следующий день был большой скандал. Кто украл? – Никто не знает. Потом мать этого Альмая пригласила нас всех четверых к себе. Сыну она ничего не говорила. Дала нам сметаны, хлеба горячего дала – угостила нас. Мы не понимаем, почему она чересчур доброту проявляет? Думаем, что тут что-то неладное. Мы покушали и хотим уходить. Она говорит:

– Нет, ребята, у меня к вам есть большое дело. Кто-то выпил кумыс у молодой хозяйки Алтын, масло украл и прочее, вы не видели, кто?

– Нет, не знаем.

Всеми методами материнской нежности и ласки она нас выспрашивала, и мы вынуждены были признаться в своем преступлении.

Это я привожу, как метод воспитания людей, а то можно было дать по морде, можно было побить нас, ребят, в данном случае. Тут был другой подход. Это дало нам большой урок и наложило большой отпечаток, который пригодился в дальнейшей жизни и работе.

Она сама, оказывается, все знала, но достоверных фактов у нее не было: возможно мы, возможно, нет. Она говорила: раз вы совершили такое дело, идите, сходите и извинитесь.

А у нас так: если извинишься, что произошло такое недоразумение, тебе все уже простят.

Другой случай. Все эти четыре мальчика, и я в их числе, всегда ходили вместе. Однажды мы находились в местности Баскудук – Пять колодцев. Дело было днем. Идем, играем. На расстоянии метров 300–400 от нашего аула смотрим – лежит бархатный чапан[9]. Чье такое платье хорошее, никто не знает. В ауле никто такого не носил. Я говорю: давайте распределим его между собою? Взяли мы этот чапан, разрезали на куски и в карман. Потом эти куски выбросили, на кой черт нам это нужно?

Кто-то заметил издали, что мы распределение делаем. На второй день идет разговор. Оказывается, одна молодая женщина, которая ходила за табуном, забыла там свой чапан.

Мы этот чапан нашли и распределили.

Мать и бабушка меня спрашивают: сынок, скажи, вы взяли этот чапан?

– Ничего не знаю, не видел.

Другой раз спрашивают. Наотрез отказался. И других ребят спрашивали. Мы со своей стороны даже выдвинули против них такое обвинение, что, мы воры или караульные, за вашими вещами будем смотреть? Какое нам дело до вашего пальто или до ваших вещей? Кто украл, тот очень хорошо сделал, в другой раз будете поосторожнее разбрасывать свои вещи!

Никто не добился нашего признания. Потом старик, у снохи которого пропала эта вещь, нас поймал и всех побил. Мы плакали, но не признавались.

Был у нас в ауле один человек Искаков Утежан. Мы его любили, уважали, очень культурный, очень хороший человек был. Не только дети, но и все взрослые с ним считались, все любили его. Он нас четверых пригласил к себе. Опять угощение. Разговор он начал вести, анекдоты рассказывать, сказки, песни пел. Когда мы хотели уходить, он нас останавливает.

– Ребята, признайтесь. Если вам будет плохо, я вас спасу, но признаться надо.

Ну, что же, если мы раньше говорили – нет, ему мы не имели права ответить нет.

– Да, нашли мы это пальто, распределили его между собою и потом выбросили.

– Ну, ладно, этого для нас достаточно. Другой раз не делайте, это нехорошо. Я куплю и возвращу чапан такой же, какой был, но другой раз это нельзя делать не только потому, что это нехорошо, но для вас это неприятно, вас будут называть ворами, жуликами. Вы не хотите быть жуликами и ворами? Вы хотите быть честными, добрыми людьми? Надо всегда быть честными и добрыми. Нашел какую-нибудь вещь, принеси ее – вот нашел, а вы вместо этого порвали этот чапан, распределили и выбросили!

Его советы залегли в нашу душу. Бабушки в это время уже не было.

Летом 1929 года я окончил аульную школу, поступил в комсомол, но мне хотелось учиться дальше. Я пытался вступить в комсомол в 1927 году, подал заявление в волостной комсомольский комитет – волком. Там говорят, тебе всего 12 лет, еще молод, вступай в пионеры, а через годика два мы примем тебя в комсомол. Этот же парень приехал в 1929 году к нам. Я ему подал заявление. Он сказал: два года прошло, принимаем в комсомол. Они приняли меня в комсомол, дали комсомольский билет, – самый замечательный документ. Я всем его показывал – вот комсомольский билет, ленинец теперь я.

Многие товарищи, приходившие в волком, говорили – тебе надо учиться. Я перестал играть с ребятами, и все время находился в канцелярии аульного совета, который находился в нашем ауле. У них бумажной волокиты было очень много, переписка разная, оформление документов. Я пристроился, как писарь. Правда, оплаты за это никакой не было, но мне было интересно писать бумаги, даже интересно было написать удостоверение: гражданин такой-то является жителем такого-то аула. По-русски тогда ни слова не знал. Они получали газеты из

центра, я эти газеты читал. К ним поступало много книг и журналов. Книги были о Ленине, о Сталине, об Октябрьской революции. Много было литературы массово-разъяснительного характера. Поступали также произведения наших писателей. Все произведения, которые там получались, все я их читал несколько раз. В этих произведениях ничего яркого, конкретного не было. Это были агитационные произведения. Большею частию описывается масса людей в образе одного героя. Это были произведения казахских писателей. Преобладала тогда поэзия, прозы мало было.

В этот период я уважал из писателей: Сабит Муканова[10], Джакан Сыздыкова и других. Некоторые их поэмы я знал наизусть. Например, у Джакан Сыздыкова есть поэма «Рассказ старика Али»[11]. В этой поэме хорошо то, что в ней дается жизнь одного бедняка в начале Октябрьской революции при царской власти и при советской власти. Когда установилась советская власть, он становится во главе советской власти. Очень хорошее психологическое произведение, замечательное. Когда я читал матерям, вообще женщинам, они плакали. У этого человека маленький сын. Все они голодные... Муж с женой сговариваются съесть своего сына, зарезать и съесть.

Также волнующее произведение Сабита Муканова – «Слушаш»[a] – «Красивые волосы» – это имя девушки. Иногда брал эти произведения, читал дома, родным, другим ребятам.

Наступил август 1929 года. Надо было учиться. Многие ребята, сверстники мои, поехали учиться в города. В ауле четыре класса, а дальше надо было ехать учиться в город, а учиться в городе – надо иметь деньги, средства питания. Учение бесплатное, но книги, учебные принадлежности – на все это нужны деньги. Потом, будешь жить на квартире – тоже надо платить. Все эти хозяйственные расходы надо взять на себя.

Я прихожу к отцу: отец, хочу учиться, – больше никаких разговоров не знаю.

– Я, говорит, – сынок, понимаю, что тебе хочется учиться. Учиться надо в городе, но сам знаешь состояние нашего хозяйства. Если на твою учебу израсходуем корову, а нам что? Давай подождем еще годик, а там бог даст что-нибудь!

Пришлось согласиться. Все время мысль об учебе меня не оставляла. Наступила зима, в школу я не хожу. Мое основное занятие в эту зиму была охота, причем старший брат моего отца очень хороший охотник. Охотились за зайцами, за волками. У брата моего отца Бекэн – большой охотник – ружье было. Он всегда брал меня с собою на охоту. Мы пойдем, он стреляет, а я добычу собираю. Вечером возвращаемся с большой добычей. Я охоту очень любил. Этот Бекэн научил меня стрелять из ружья-одностволки. Я начал сам стрелять, вначале не попадал, потом научился стрелять.

Таким образом, наступило лето. Однажды в мае месяце уже в 1930 году получаю окружную казахскую газетку, которая издавалась в г. Петропавловске. Называлась она «Кенес Аулы» – «Советский аул», где было помещено объявление такого содержания: Петропавловский казахский педагогический техникум производит набор учащихся на подготовительный курс в техникум. Принимаются мальчики и девочки с 14-летнего возраста со знанием четырех классов аульной

[a-] Правильно – Сулушаш, казахское женское имя.

школы. Питание, содержание учащихся бесплатное, квартирой обеспечиваются, стипендия выплачивается.

Я так обрадовался, что считал себя уже студентом техникума. Показал газету всем ребятам – я уже студент этого техникума, несмотря на то, что я никогда в жизни не был в Петропавловске. Петропавловск от нас километров 200 с лишним. Я еще не зачислен, но уже воображаю, что буду учиться в этом техникуме.

Прихожу к отцу. «Я поеду в Петропавловский техникум, дай мне помощь собраться!

– Что ты сынок, Петропавловск далеко, с лишним 200 километров, как же ты поедешь. Ты один у нас сынок, как ты нас оставишь!»

Словом, он не хотел меня отпустить по двум соображениям: во-первых, в силу материальных и хозяйственных условий, во-вторых, я был единственный сын, мне шел уже 15-й год, я приносил уже большую помощь хозяйству, выполнял большие хозяйственные работы – летом ходил на сенокос, рубил дрова, помогал отцу в хозяйстве. Я это прекрасно понял.

Что дальше делать? Я решил так. Понимаю, что хозяйство небольшое, понимаю, что отцу надо помогать, что я его единственный сын и помощник, работоспособный уже, но это хозяйство жизненным моим спутником не будет. Тут я припомнил казахскую пословицу: «Силач может победить одного, а ученый может победить большие тысячи людей». Если я поеду учиться, образование получу, стану учителем, буду учить людей, тогда отцу будет от меня большая материальная помощь. И твердо решил поехать. Еще раз прихожу к отцу и говорю: вот такое и такое мое решение.

– Нет, сынок, подожди, посмотрим, обдумаем.

Видно, что он не хочет меня отпустить. Прихожу к матери и матери говорю: вот мое такое решение, вот решение отца, какой совет дашь?

– Я, сынок, не возражаю, чтобы ты учился. Делай так, как тебе виднее, что мы, старики, будем вмешиваться в твое дело, тебе предстоит будущее. Делай так, как тебе нравится.

Этот совет матери меня обрадовал. «Ну, тогда я поеду!»

Я взял с собою маленькую торбу, положил в нее несколько книг, взял кусок хлеба и вышел пешком из дома. Это было 13 мая 1930 года. Я почти что убежал из дома. Отцу ни слова не сказал, пошел.

Вышел из аула, прошел 5–6 километров, оглянулся, посмотрел на аул, на свою родную местность – все это близкое, родное. Все пространство, которое передо мною открылось, – все это мне знакомо. Подумал – оставлять или нет мне свой аул? Впереди все туманно, а позади все ясно, все родное, тут я все детство свое провел. Но пошел. Шел сутки и уже 14-го мая был в городе Кокчетау, который был от нас в километрах 30.

Приходил в районо[12]. Обратился к заведующему районо, показываю газету и говорю, что по этому объявлению я пришел сюда в надежде от вас получить командировку в г.Петропавловск и устроиться там. Он говорит:

– Знаете, товарищ, вы опоздали. В Петропавловский педтехникум дали несколько мест, мы туда людей подобрали и отправили. Вы опоздали, можете идти домой.

Мне не верится, что я опоздал. У себя дома я уже думал, что я студент. Тут обратная картина. Выхожу печальный. Я его два раза переспросил. Он говорит – идите. Город незнакомый, куда идти, что делать?

В это время в голову ударила мысль идти в сельскохозяйственную школу, где работал старый педагог Кучумов Нурмухамед. Он к нам приезжал, хороший приятель отца, сват наш. Решил к нему зайти, что он мне скажет. Он меня знает.

Прихожу к нему на квартиру. Он меня хорошо принял, выслушал меня. Да, – говорит, – учиться надо. Я тебя устрою в казкоммуну[13], там питание бесплатное, обучение бесплатное, будешь жить в детском доме и будешь учиться. Окончишь семь классов, дальше видно будет.

Я так обрадовался. Говорю: буду учиться.

Он привел меня к директору казкоммуны. Я подал заявление, оформили документы. Меня приняли в пятый класс. Тогда еще учеба продолжалась. Учеба должна была кончиться в июне месяце.

За лето я сдал зачет за пятый класс. Трудно было с русским языком, потому что я ни одного слова по-русски не умел говорить. Написал диктант на «посредственно». Нам дали тему сочинения, надо было писать по-русски, а я ни одного слова не знаю по-русски. Что писать? Содержание этого сочинения было такое: «Наш аул». Надо было написать, что представляет мой аул. Я, примерно, писал так: наш аул, хороший аул, недалеко от г.Кокчетау, местность хорошая, природа замечательная. Вот и все. Писал очень безобразно, очень паршиво. Учительница красным карандашом поставила крест и написала: «Очень плохо, не умеет писать».

Там была вечерняя школа для взрослых. Я туда поступил учиться русскому языку. Там учили русскому языку и арифметике, но для меня был важен русский язык. Мне сказали, чтобы я больше читал, больше писал по-русски. Часто заходил к Кучумову, который меня спрашивал, как идет твоя учеба? Отец приезжал несколько раз. Он узнал, как идет у меня дело, и сказал – учись.

В марте 1931 года нас досрочно выпустили. Мы закончили досрочно 6-й класс казахской школы. К этому времени я по-русски немного говорил и сдал экзамен наравне с другими товарищами.

Почему досрочно нас выпустили?

Дело в том, что в Алма-Ате открывались учебные заведения. Туда надо было вербовать студентов. Из Алма-Аты приезжают вербовщики и производят набор. Приехал представитель из сельскохозяйственного института с целью набора студентов на рабфак[14]. Многие товарищи по своему желанию поехали учиться в технические учебные заведения: одни в строительный техникум, другие в железнодорожный, третьи еще в какой-нибудь техникум, а я – никуда. Я еще о будущем своем не думал и не знал, куда мне идти? Строительный техникум – это не по моему уму и сердцу, потому что я в технике не разбираюсь, никогда дома не строил, железной дороги еще не видел, какой из меня выйдет техник или железнодорожник? Я решил ждать следующего призыва. Тут как раз приехал представитель сельскохозяйственного института, который сказал, что будем готовить кадры для аульных сельскохозяйственных работ. Раз вы занимаетесь скотоводством, занимаетесь земледелием, будете агрономом. Скотоводство – это дело мне знакомое. Мне хотелось быть сельскохозяйственным работником, агрономом.

Я ему написал заявление, автобиографию, все документы передал. Он сказал: поезжайте и будете учиться там. Мы вдвоем, Рахимов Дукенбай и я, поехали в Алма-Ату.

Это было 31 марта 1931 года. 2-го апреля мы подъехали к Омску. В Омске в наш вагон села одна девушка, которая посмотрела на свой родной город Омск и заплакала. Мы с Рахимовым подходим к ней.

– Слушай, девушка, чего ты плачешь?

Она не отвечает. Плачет.

– Еду в Барнаул. На учебу послали. Тут мой родной город, мать осталась, она меня провожала, и я при воспоминании ее плачу.

Так, примерно, я ее рассказ понял. И вдруг сам начал плакать. Думаю, куда я еду. Не надо было уезжать из Кокчетау, мать, отца оставил, аул свой оставил, товарищей оставил, что за Алма-Ата? Что меня там ждет?

6-го апреля 1931 года мы приехали в г. Алма-Ату. Сдали экзамены в сельскохозяйственный институт. Нас приняли на третий курс рабфака и сказали, что учеба начинается 5-го мая 1931 года, а до этого времени можете работать, можете учиться, читать, ходить.

Я в кокчетавской школе был пионервожатым отряда. Лучших пионеров брали в ГПУ[15] по охране ГПУ, мы охраняли там арестованных. Мы стояли, как солдаты, нам дали винтовки.

Когда учился в кокчетавской казахской школе, начал писать стихи. В стенгазете печатался, потом в районной газете печатались мои стихи и затем в республиканской газете.

Когда приехал в Алма-Ату, зашел в редакцию, отдал стихотворение, которое напечатали. Однажды захожу в казахстанское издательство и там встречаю Саида-Мухада, которого я встречал в Кокчетау, когда он вел беседу с литкружковцами. Когда мы с ним встретились, он обрадовался очень. Я ему сказал, что я поступил на рабфак, пока учебы нет, хожу так. Он пригласил меня к себе на квартиру. Я читал ему свои стихотворения. Он сказал: вот это хорошо, это плохо, словом, дал мне урок поэтики, как надо стихотворения писать. Стихи я писал на казахском языке. Мои стихотворения печатались в республиканской газете «Еңбекші қазақ», в комсомольской газете «Пионер», в детском журнале «Екпінді жас»[16]. Стал знакомиться с писателями. Я был очень маленький, шпингалет был такой. Если надо было сесть за стол, то я на табуретку должен был еще что-нибудь подложить, чтобы повыше сесть. Они удивлялись, что маленький такой пацан, а пишет стихотворения и рассказы.

Учеба на рабфаке началась в августе. Студенты рабфака до августа месяца должны были разъехаться на практические работы. Сабит Муканов и другие писатели советовали мне:

– Слушай, из тебя агроном не выйдет. Если у тебя будет желание, способности, конечно, у тебя есть, то ты можешь стать поэтом или писателем. По этой линии надо тебе учиться.

– Как это сделать?

– Есть у нас педагогический институт, там есть факультет языковедения и литературы, поступай туда, будешь учиться 4 или 5 лет. Ознакомишься основа-

тельно с литературой, с языковедением и будешь писать. Это твоя основная специальность будет.

Я просил разрешения у директора рабфака перейти в этот институт. Он мне разрешил, писатели уговорили его. И в конце августа 1931 года я был принят в Алма-атинский педагогический институт. Начал учиться, причем большое внимание и большое время уделял писанию стихов, причем страдал парадностью агитационной. Для меня никакой трудности не представляло написать за ночь большую поэму в тысячу или в полторы тысячи строк. Конечно, содержание трафаретное. Эти поэмы или песни, стихотворения все время печатались в газетах или журналах.

Когда окончил первый курс института, я уже был связан с другими писателями, особенно с Сабитом Мукановым. Он в это время переехал в Москву учиться в институт Красной профессуры[17]. Я с ним переписывался все время. Он меня спрашивал, как учусь, какой успех в учебе? Я ему отвечал.

Я учился в институте посредственно, находился на втором курсе института. Зимой в Алма-Ата приехал Сабит Муканов, он начал меня спрашивать по всему первому и второму курсам института. Потом через других узнал, как я учусь. И стал меня ругать: «Ты зачем поступил в педагогический институт? Для того чтобы учиться? Кто тебе дал право учиться посредственно, почему не хорошо, почему не отлично?» Он спрашивал меня, читал ли я классиков русской литературы? Пушкина читал ли? Если я начинаю врать, что читал, он говорит, расскажи содержание, о чем там идет речь.

Он мне сказал: «Писать ты успеешь, ты уже оформленный человек, но у тебя плохо дело с чтением литературы. Основное для тебя – больше читать художественной литературы, классиков русской литературы, классиков западной литературы читай, читай вдумчиво, сознательно, читай произведения критиков, читай критические статьи, читай разборы основных произведений. Это тебе даст большой багаж».

Он привел примеры из своей жизни. Он был батрак, и у него не было возможности раньше учиться. Он от этого сильно страдал. Уже в зрелом возрасте начал сам учиться. Он тогда уже считался крупнейшим писателем. Но он говорил, что я чувствую, что у меня мало знаний и поэтому поступил в институт Красной профессуры. А ты еще молодой, тебе надо накапливать багаж. Если у тебя знания будут, не пропадешь нигде. Если будешь читать, будешь знаком с русской литературой, тебе легче будет писать. Тогда легко отметишь, чего в нашей казахской литературе не хватает, т. е. опыт русской литературы перенести на казахскую литературу. Казахскую литературу без русской литературы создавать трудно.

Он заставил меня покраснеть за то, что я учусь посредственно, что я ничего почти не читал.

После того, как он уехал, я писанине сказал до свиданья, уходи от меня, взялся за учебу. До поздней ночи сидел за чтением. Меня можно было найти только в двух местах: в центральной библиотеке имени Пушкина или у себя в общежитии. Больше всего в библиотеке находился. Я читал по программе, а некоторые произведения читал сверх программы. За 3–2 дня – роман готов.

Чтение мне помогло. Я овладел русским языком, обогатил свой язык. Я прекрасно по-русски понимаю, если скажут – пишите по-русски, пишу хорошо, из-

лагаю свои мысли самостоятельно на любую тему, а когда начинаю произносить речь – трудно бывает.

В это время я преследовал одну цель – поднять казахскую литературу на должную высоту, сделать казахскую литературу такой же, какой является русская литература. Это значит создавать свою казахскую литературу – вот основная мысль у меня была.

Любил я Пушкина, Лермонтова, Некрасова из поэтов классиков. Из классиков прозаиков: Тургенева, Толстого, Гоголя, Чехова, Горького особенно. Любил читать Маяковского. Однажды пытался перевести его поэму «Хорошо». Переводил я по слогам. Этот перевод я читал своим товарищам и потом спросил, нравится ли им этот перевод? Нет, говорят, ты по-казахски перевел, стиль казахский не так удался. Для себя переводил из Пушкина любовные письма, при этом преследовал другую цель.

В июне 1935 года я окончил с дипломом первой степени педагогический институт.

За это время ни одной строчки стихов не дал в печать, правда, для себя иногда писал, писал заметки, свои соображения по казахской литературе, разбор написал дипломной работы.

В 1934 году я был на Первом Всесоюзном съезде писателей[18], который состоялся в августе месяце. Я знал, что съезд писателей созывается 16-го августа 1934 года. 1-го сентября начинается учеба в Алма-Ате. У меня было желание до этого поехать в Москву. Там Муканов, у него можно остановиться, посмотрю на писателей, кто они такие есть, послушаю прения. Приехал 15-го августа в Москву, остановился у Муканова. Он достал мне билет, и 16-го я был уже в Колонном зале Дома Союзов. С 16-го августа по 4-е сентября я принимал своим посещением самое активное участие в работе съезда. Слушал выступления всех писателей, иностранных и наших.

В 1936 году окончил институт. По окончании институт решением Крайкома партии меня оставили на газетной работе комсомольской. В комсомольской газете я работал по ноябрь месяц 1936 года. В ноябре 1936 года меня призвали в армию. Я служил в Н-ском кавалерийском полку в г. Фергана Узбекской ССР. В ноябре 1937 года я демобилизовался из армии. Для окончивших высшее учебное заведение был годичный срок службы в армии. Я принадлежал к этой категории.

Вернулся в педагогический институт. Несколько раз выступал с докладами в Большом алма-атинском театре. Одновременно вел преподавательскую работу в этом же институте. Аспирантуру окончил отлично. Все экзамены сдал, готовился к защите диссертации на кандидата наук. Тема диссертации: «Творчество Чокан Валиханова[19]». Защитить диссертацию мне не удалось, началась война, и меня забрали в армию.

Чокан Валиханов родился в 1837 году, умер в 1863 году[20], всего жил 26 лет. Его произведения были изданы академиком Веселовским[21] с большим предисловием. Это историк казахской литературы, критик. Его литературное наследие представляет большой интерес.

С 1929 по 1939 года был в комсомоле. В мае месяце 1939 года вступил в кандидаты партии, с мая 1940 года – член партии.

Когда я был в казкоммуне, несмотря на то, что я был пионервожатым, я отличался с отрицательной стороны, хулиган был очень большой. В коммуне большинство были беспризорники. Я не был беспризорником, но от них не отставал.

Что мы тут делали?

Летом за голубями гонялся, а зимою на озере на коньках катался. Озеро там хорошее было. Дрались, любили драться – жутко. Были случаи, когда мы отнимали у некоторых незнакомых ребят коньки.

Летом 1930 года, когда я был пионервожатым и когда поступил в школу, я был избран делегатом районного слета пионеров. Там я говорил очень страстно, любил говорить когда-то. Меня избрали делегатом окружного слета пионеров. Я поехал в г.Петропавловск. Там докладывали на русском языке, я говорил на своем родном казахском языке. Когда взволнуюсь, то держу речь в стихах. Конспекта никакого не составлял. Просто выйдешь на трибуну и начинаешь говорить. С окружного слета пионеров меня и еще несколько ребят послали на краевой слет пионеров, который состоялся в августе 1930 года. Оттуда возвратился снова в казкоммуну.

На руководящей комсомольской работе я не был, т. е. ни секретарем райкома и горкома не был. Во время учебы меня хотели забрать на руководящую работу в масштабе республики, но я отказался. Несколько раз в ЦК партии и в СНК ставился вопрос обо мне. Спрашивали, как твое желание? Я сказал, что я педагог и никакой другой работы я не знаю, способностей нет у меня. Если пошлете преподавателем или учителем начальной школы, пожалуйста, безоговорочно пойду, на другую работу я не желаю.

Педагогическая работа мне нравилась тем, что надо учить людей и самому учиться можно. Кончится война, опять пойду на педагогическую работу.

В 1936 году у нас образовалась троцкистская группировка[22]. Эту группировку мы разоблачили. Комсомольская газета нас поддерживала. В республиканской комсомольской газете от 9–11–14 и 15 мая были мои статьи на казахском языке.

Когда кончил институт в 1935 году, обо мне была статья одного корреспондента в «Известиях», кажется, от 5-го июля 1935 года, фамилии я его не знаю. Называется эта статья «Сын кочевника». Там он говорит, как я окончил институт, с какими отметками, как я защитил диплом, какое было суждение ученых.

Ученые предлагали издать мою диссертацию. Работа эта была примерно 5–6 печатных листов. Я не дал и хорошо сделал, что не дал. В этой дипломной работе была богатая мысль о развитии казахской литературы.

Военным делом совершенно не интересовался. Никогда не думал, что буду участником войны. Физкультуру и военное дело не уважал. Если кончится война, все это сдам, на один галстух сменяю.

15-го июля 1941 года у нас в институте состоялось партийное собрание. На этом партийном собрании секретарь партийной организации объявил, что такие-то и такие-то коммунисты должны явиться в военкомат. В числе этих товарищей был и я. Я пошел в военкомат и меня зачислили в один из полков, причем он входил в 316-ю стрелковую дивизию, которая формировалась в Алма-Ате, ныне 8-я Панфиловская дивизия.

В полку я был рядовым красноармейцем. У меня звания военного не было. Вначале, пока формировалась дивизия, мы ходили в гражданском платье.

Политрук стрелковой роты т[оварищ] Кадыров 1-го батальона меня назначил парторгом.

Спустя дней 15 или 17 было совещание партийных организаторов подразделений. Совещание проводил комиссар полка Мухамедьяров[23]. После совещания он меня остановил и сказал: подождите. Он побеседовал со мною, спросил, кто я такой, откуда, партийность, служебное положение и прочее. Я ему рассказал все, кто я такой есть. Он пригласил меня завтра зайти к нему. На следующий день я к нему пришел.

Командиром полка был полковник Капров[24].

Он говорит, что мы решили вас назначить политруком роты, как вы на это смотрите?

– Я ответить отказом не могу. Это было бы нехорошо, как военному человеку. Но вы сами знаете. Что я в кадровых частях не служил, кадровым не был, на руководящей партийной работе не был, политруком никогда не был, военное училище не окончил, какого черта из меня выйдет политрук? Разрешите мне быть простым красноармейцем. У меня звание красноармеец, и разрешите мне в бой идти красноармейцем. Если назначите меня политруком, у меня опыта в этой работе нет, я могу и сам пострадать, и могу принести неприятности и вам, руководителям полка. Поэтому я отказываюсь, если можно.

Тогда он говорит:

– Знаете, товарищ Габдулин, в армии существует приказ. Вот мы приказным порядком вас и назначим. Вот вам записка, передайте ее командиру батальона капитану Лысенко и скажите ему, что вы назначаетесь политруком 1-й минометной роты. Сегодня же получите командирское обмундирование.

Я отвечаю, раз дело пошло на это, то согласен быть политруком при условии, что буду просить у вас помощи, иначе у меня ничего не получится.

– Будем помогать.

Пришел в батальон, отдал записку комбату. Тот сказал: хорошо, хорошо, давайте. Пошел в роту, куда был назначен политруком. В роте был один старшина. Бойцы еще не поступили на пополнение. Смотрю, строит роту командир взвода Бобров, младший лейтенант. Он меня увидел и кричит: товарищ такой-то, подойдите! Где вы ходите, где вы гуляете, и начал кричать. Два наряда вне очереди за то, что вы ушли без разрешения!

– Я по вызову комиссара полка ушел.

– Не знаю, вы должны были доложить. За нарушение дисциплины двое суток наряда!

Что ему ответить? Я ведь политрук другого подразделения! Я этого не хотел говорить, просто скромничал. Он говорит: повторите приказание.

– Есть два наряда вне очереди!

– Становитесь в строй, бегом!

– Есть становись в строй, бегом.

Думаю, что такое, он такой хороший парень.

Вдруг идет командир роты... Он объясняет ему, как же вы даете ему два наряда вне очереди, когда он назначен политруком роты?

Тот побледнел и говорит: простите, я не знал.

– Ничего, бывают такие случаи.

Начал формировать мою роту минометную. Сформировали роту, провели занятия. Но в это время получаю указание, что минометная рота должна быть сосредоточена в полку, как особый минометный батальон. Тогда меня перевели на батарею 45 мм пушки тоже политруком.

С чего я начал работу в минометной роте?

Взял список коммунистов, комсомольцев, назначил парторгов, составил план работы, беседовал с каждым товарищем в отдельности, чтобы узнать людей.

Был такой случай. Один товарищ выпил, пришел пьяный. Он был преподавателем, работал в средней школе, преподавал казахскую литературу. Начал с ним о литературе беседовать, о героях, о богатырях. Вот какие богатыри хорошие есть, о них песни сложили. Почему? Потому что они служили народу. Вот день настал нам тоже служить народу, а в это время мы что делаем? Пьянствуем? Если бы это был красноармеец, пришедший из колхоза, неграмотный или малограмотный, человек не с большой культурой – ему было бы простительно, а с вами я просто не могу говорить! Вы своим поведением даете пример другим. Это нехорошо. Другие что скажут? Вот такой грамотный, культурный человек пьянствует, ему война все равно. Вы вместо того, чтобы помогать воспитывать бойцов, сами нарушаете дисциплину.

Не задевая его личности, я с ним поговорил по тому методу, которому научила меня мать. Он покраснел, побледнел.

– Я, говорит, ошибся.

– Если мы все будем говорить: ошибся, а потом пойдем и стопку выпьем и скажем опять – ошибся, куда это годится?

Он говорит, больше не буду.

– Мало того, что больше не будешь!

– Было совершено.

– Было.

Он покраснел.

– Обещаю, товарищ политрук, больше этого не делать. Если кто-либо сделает, я сам буду читать лекции.

Впоследствии он был очень хорошим бойцом.

Когда пришел в 45 мм батарею, что мне бросилось на первых порах? Комбат беспартийный Заболотный. Захожу к нему. Он меня недоброжелательно принял.

Он тракторист по специальности, был бригадиром тракторной бригады из запаса.

Я его спрашиваю: у вас коммунистов много? Он не знает.

Я узнал, что парторгов нет в батарее, комиссаров нет, партийного учета нет, агитаторов нет, газетных работников нет, ничего нет. Словом, партийно-политической работы в батарее нет.

Комбат принял меня недоброжелательно и прямо заявил: зачем иметь двоевластие, зачем нам политрука, к чему это?

Я объяснил ему, что пока наша партия здравствует, страной будет руководить партия. Конечно, партия у тебя прав не отнимает, наоборот, партия тебе, как командиру, помогает. Я пришел к тебе как политрук, я представитель партии в Красной армии, я твой помощник, всеми силами постараюсь тебе помочь, как командиру, создавать авторитет. Без проведения партийно-политической работы немыслим успех в борьбе. Там, где эта работа поставлена хорошо, можно надеять-

ся, что успех в бою будет. Там, где с людьми не будут работать, там, где люди не будут иметь представления о настроениях людей, никакого результата не получится.

Основной состав батареи казахи, киргизы, русские, украинцы. Таким образом пришлось начинать проводить воспитательную работу с самого комбата. Он никаких бесед с бойцами не проводил. Я его учил проводить беседы с бойцами. Потрудитесь поговорить с бойцами, чтобы они узнали тебя, чтобы они видели тебя, чтобы они верили в тебя, чтобы они знали, что ты их не продашь.

После этого он со мною стал хорошо обращаться.

– Знаете, товарищ политрук, я выступать не умею, я ведь тракторист!

На разные темы беседы ему даю, вот план твоих выступлений, вот так надо говорить, учил его. Он и начал выступать. Впоследствии с ним взаимоотношения были очень хорошие.

В августе дивизия направилась на фронт Северо-Западный. Мы даже на платформах изучали части оружия. Я сам пушки плохо знал, учился у бойцов. Младшим командирам говорил: учите меня, как драться, как части называются, как надо зарядить, как надо подготовить данные.

Прибыли в г.Крестцы Ленинградской области. Стояли в военных эшелонах, занимались. В это время меня перебросили в 3-ю стрелковую роту политруком роты. Командиром роты был лейтенант Шуть, очень хороший парень был. Мы с первого дня очень хорошо друг друга поняли. Он погиб.

В октябре нашу дивизию перебросили на Западный фронт. 10 октября 1941 года мы были на станции Волоколамск. 14 октября – в районе Осташева, от Волоколамска в 18 км на юго-восток. Наша рота приняла оборону. Командир роты находился на командном пункте роты. Я был в третьем взводе роты Евстратова.

Замкомроты по строевой части лейтенант Ильин находился с первым взводом, ожидали противника, вот-вот он должен появиться, окапывались, соорудили оборону, ждали.

16-го числа мы вступили в бой. Немцы начали наступать. Сперва стреляли из дальнобойной артиллерии, обрабатывали передний наш край. Потом подошли танки. При поддержке танков пехота начала стрелять.

Надо сказать, что первый бой был самый страшный. Для человека, который никогда раньше не был на войне, самое страшное – это первый бой. Он действует на психику человека – стрельбы кругом, жужжат пули, разрывы снарядов, бомбежка. Это первая картина. Вторая картина – раненые есть, убитые есть, люди на глазах погибают.

Мы дрались два дня, боеприпасы на исходе. У нас 36 человек было во взводе, осталось 12, остальные вышли из строя. Связь с командиром роты потеряна, он вышел из строя. Наша задача была: не пропустить противника, держаться, драться. Посылаю двух связных парных – не возвращаются. Посылаю стрелка Коваленко и говорю: умри, но найди командира роты и этих связных, куда они делись, узнай, что дальше будем предпринимать.

Немцев мы первый раз не пропустили. Они обошли нас, и мы уже в кольце сидим. Коваленко пошел, дошел до КП роты[a]. КП роты был в огороде, а в домах немцы. Коваленко приходит и докладывает:

[a] КП – командный пункт.

– Товарищ политрук, ваше приказание выполнил. КП роты разбит, командир роты убит, связные убиты.

Я не верил, как это несколько человек сразу погибли. Говорю:

– Наверное, струсил и не пошел.

– Пойдемте, проверьте сами.

Под покровом темноты мы подошли к блиндажу, где жил командир роты. Верно, связные убиты, командир ранен.

Приказа на отход нет, стоим в окружении, кругом дороги, по которым немцы идут справа, слева. Три атаки немцев по фронту мы отбили. Он обошел нас. Трое суток уже люди не ели. Что делать, как быть? Приказа на отход нет, значит, надо найти кого-либо из начальников батальона. Посылаю двух товарищей. Они узнали, что командир роты погиб, комиссар батальона тоже. Адъютант начальника батальона лейтенант Морозов дает приказ отойти.

Хорошо. Собираю людей, раненых взяли с собою. Пошли по лесу. По лесу еще людей подобрали, кто вышел из окружения, кто ранен. Средний командир только один Евстратов. Пошли дальше, остановились в деревне Мокроселье. В этой деревне был маслобойный завод. Находим председателя колхоза. Он нас накормил, бычка зарезал, угостил сметаной, творогом. Поели, пошли дальше. Искали полк два–три дня и нашли. Наш коллектив за это время вырос до 183 человек при 17 раненых. Многие из них не кушали пять, шесть суток, курева ни у кого нет. Хочется курить, хочется кушать, а ничего нет, и не знаем, куда идти. Средних командиров стало двое, я третий, я главнокомандующий.

У нас было 12 станковых пулеметов. 20 ручных пулеметов и винтовки. Вышли на опушку леса. Смотрим, перед нами стоит деревня, Сапегино, кажется. Посылаю разведку выяснить, кто тут находится, и узнать все. Разведчики пошли и вернулись обратно. Сказали, что были в самом крайнем доме и узнали, что здесь прошла немецкая колонна. Здесь немцами был основан склад с боеприпасами и склад с продуктами, которые охраняют около 70 человек автоматчиков.

Вот что принесли наши разведчики. Тогда я всех своих людей построил. Люди измученные, голодные. С голодными говорить очень трудно. Начал объяснять обстановку, не скрывал, что голодные. Говорил, что так нам никто умирать не разрешит, это не героическая смерть, это даже не худшая смерть, это голодная смерть, а мы на это обречены. Наша основная задача накормиться, но чем, что будем кушать? Об этом каждый должен думать. Начинаю говорить, что в деревне есть склады, надо наступать на эту деревню, отбить склады с продуктами, покушать и дальше думать. Вот мое решение. Какое ваше настроение?

Тов. Евстратов отвечает, что бойцы согласны.

Я разбил людей на три группы. Одну группу возглавлял сам командир роты Евстратов.

Я поставил задачу: зайти с трех сторон деревни, открыть ураганный огонь и захватить склады. Раненых оставили на опушке леса. Около них оставили санитаров. Ночью атаковали деревню. В двух домах немцы жили, забросали их гранатами, штыками кололи, расстреливали. Словом, ни одного живого не оставили, всех расстреляли. Пробрались к складам, открыли продовольственный склад. Всех бойцов построил. Распределил все, что там было: масло, мясо, сало, хлеб. Все это были наши продукты, награбленные немцами. Папиросы, например, были: «Паль-

мира», «Люкс», «Казбек» – тоже наши. Отдал приказание, чтобы сделали бутерброды с маслом и дайте бойцам, больше ничего не давайте. Склад с боеприпасами взорвали. С нашей стороны было убито несколько человек. Мы их похоронили, раненых взяли с собою.

После этого собираю бойцов: что будем делать дальше?

– Товарищ командир, хотим кушать, давай останемся в этой деревне.

Вижу, что все склонны к тому, что остаться в этой деревне. Я говорю: оставаться в этой деревне мы не будем, будем идти вперед. Как же мы останемся здесь, тут проходит большая дорога, немцы идут туда. Сюда, могут придти, нас застанут врасплох и всех перестреляют. Поэтому я решил пройти километра за 3–4, зайти в глухой лес, там разведем костер, будем жарить, варить, отдыхать, потом договоримся.

Некоторые говорят – правильно, другие говорят: лучше останемся в этой деревне.

– Не разговаривать, идти за мною, марш!

Пошли. Пройдя три, четыре километра от этой деревни, остановились в глухом лесу. Там речушка маленькая была. Кто кашу варил, кто жаркое жарил. Покушали по-хорошему, отдохнули. Пошли дальше. На шестой день нашего похождения мы пришли в деревню Спас-Рюховское на самом большаке. Наш полк держал оборону.

Спрашиваю, где командир полка?

– Вот тот крайний дом. Прихожу в крайний дом. Как раз командир полка и генерал Панфилов[25] идут. Я докладываю генералу Панфилову, что столько-то человек, столько-то ранено. Он сказал спасибо за службу, очень хорошо сделали. Мы вас считали погибшими. Сейчас немедленно накормить людей. Накормили.

Потом эту группу разбили по ротам. Я стал политруком 6-й роты. Оказывается, из моей роты осталось очень мало. Часть перешла в другие части, часть была ранена.

Дальше шли мелкие бои, о них я не стану рассказывать, потому что это большого интереса не представляет.

5-го ноября приказом командира полка я был назначен политруком роты автоматчиков. Командира роты не было. Все дело легло на меня – я и политрук, я и командир. Приказ гласил так: назначаю такого-то политруком роты и приказываю ему подобрать из всех батальонов бойцов для своей роты, а командирами батальонов приказываю выделить лучших бойцов из роты автоматчиков.

По приказу командира полка начал подбирать людей в роты автоматчиков.

На войне так бывает, если командиру отдан приказ послать людей в другие части, то он обязательно пошлет людей непервосортных, не лучших бойцов, лучших при себе постарается оставить, потому что на лучших опираемся.

Человек 50 с лишним набрал, после побеседовал с каждым в отдельности относительно его здоровья, относительно его самочувствия, провел маленькое собрание и сказал:

– Автоматчики – это особый род войск. Автоматчиком может быть тот, кто может быстро ходить, кто решительный, кто смелый, кто храбрый, кто физически сильный, потому что автоматчику могут дать особо важные поручения, его могут послать в тыл противника по флангам, по стыкам противника. Нам приходится

больше всех работать. Это вы, говорю, вы знаете из опыта немецких автоматчиков, а мы должны быть лучше немецких автоматчиков. Кто себя считает достойным быть автоматчиком, прошу поднять руки. Из 54 человек подняло 12. Я говорю, что приказным порядком я вас всех зачислять не имею права. Те, кто желает, давайте, остальных послал по подразделениям. 12 человек оставил, со мною было 13.

У нас было 8 автоматов, 4 самозарядных винтовок и одна винтовка. Я с ними начал заниматься, учил их стрелять из автомата. Мы имели к этому возможность, потому что наступление противника было отбито. Это было в начале ноября.

15-го ноября командир полка полковник Капров призвал меня и сказал так: «Вы со своим автоматчиками идите в распоряжение командира 5-й стрелковой роты с задачей оказать им помощь. Если противник будет наступать, вы его танки пропустите, отсеките пехоту от танков и по пехоте сосредоточьте огонь. Когда у нас положение будет тугое, можете самостоятельно отойти, но об этом поставьте в известность командира 5-й роты младшего лейтенанта Аникина».

Я с группой автоматчиков прибыл к нему. На местности мы уточнили обстановку. Его рота расположилась в районе д.Ширяево. Мне дали такой кусок обороны: на западе – Ширяево, на юго-восток – Морозово. В Ширяеве 5-я рота, в Морозове – противник. Морозово от Ширяево находится примерно в полутора километрах. От Морозова до Ширяева идет дорога, по сторонам дороги – открытая местность. Восточнее Ширяева в кустиках я занял оборону. Этот кустик находился от дороги на расстоянии 200 метров. За кустиком открытая поляна на восток, которая идет до самого Ширяева. Около этих маленьких кустиков протекает ручеек. Здесь мы заняли оборону. Если пойдут танки, мы пропустим, если за танками проследует пехота, то по пехоте мы сможем с этого места открыть ураганный огонь. У каждого автоматчика было по два заряженных дисков автомата.

16-го ноября 1914 года немцы начали второе генеральное наступление на Москву. В этот день немцы начали наступать на Ширяево. В 8 часов в Морозове был слышен гул моторов. В 8.30 м. вышли 5 танков противника по направлению Ширяева. За ними шел батальон пехоты. Мы танки пропустили. Танки открыли огонь по Ширяеву, по той роте, которая там была. Вдруг бойцы говорят:

– Товарищ политрук, немцы идут!

– Подождите, пускай идут.

Когда немецкая пехота была на расстоянии 300 метров, я не разрешил открывать огонь. Когда немцы подошли на расстояние 150 метров, я даю команду – огонь! По движущейся пехоте противника мы открыли огонь из всего оружия, которое у нас было. Немцы бросились в панике. Мы выпустили по одному диску и уложили не менее ста немцев ранеными и убитыми. Они начали отходить. В это время один из офицеров в нашем направлении выпустил вверх две ракеты. Как только ракета осветила, по этому кустарнику начала бить артиллерия и минометы. Еще одна ракета, и танки повернули в нашу сторону и начали бить тоже по этому кустарнику. В это время немецкая пехота привела боевой порядок и начала ползком к нам подходить. Мы снова открываем огонь. Немцы быстро откатываются. Их было батальон, а нас всего 13 человек. У нас троих легко ранило, у каждого осталось по 10–15 патронов. Положение критическое, очень критическое. Тут наступил психологический момент: во-первых, патронов мало, а у некоторых вышли совершенно, во-вторых, немцы нажимают, артиллерия долбит, мы сидим, как на

иголках. Танки бьют, бьют из минометов, пехота стреляет из всех видов оружия: из пулеметов, автоматов и т. д. Немцы, очевидно, думали, что в этом кустарнике находятся не 13 человек, а рота, в крайнем случае. Все бойцы смотрят на меня, что делать? Правда, не спрашивают, что делать, но у всех такой вид, у всех на лицах вопрос – что делать?

Я обдумал положение. Обойти со стороны Ширяева невозможно, потому что там стоят танки и там открытая местность, обойти на восток от этого кустарника тоже нельзя, потому что открытая местность. Если идти вперед – там немцы. Очень тяжелое положение создалось для нас: так погибать, и так погибать. Я говорю, что погибать нельзя, надо драться, но как драться? Тут надо людей спасти и противнику надо какой-то урон нанести. Я командую: «Автоматчики, за мною!» И по этому ручейку ползком, на брюхе к Морозову, в тыл противника. Это было в 10 часов утра. Мы вышли в огороды Морозова, а немцы бьют по этому кустарнику. Смотрим, в Ширяеве две батареи минометные, шестиствольные. Эти батареи по нам били. Я говорю: у кого патроны есть, открыть огонь по этой батарее. Открыли. В батарее всех перебили. Неожиданно для нас появились автоматчики. Тут мы у них панику создали. По этой лощинке спустились вниз, где был густой лес, зашли в этот лес. У нас с собою продукты были, водка была с собою. Покушали, выпили, пошли дальше. Со мною идут Коваленко – старший сержант – и Леднев – старший сержант.

– Давайте пойдем в Ширяево, посмотрим, что там такое?

Пошли в деревню. Смотрим, там немцы бегают, а наша рота отошла.

– Давай найдем штаб полка и командиру полка доложим.

Приходим в штаб полка, где он раньше находился. Там немецкие танки. У них в землянке вещи остались, надо забрать вещи, но пришлось вещи оставить и уходить, при этом натолкнулись на артиллерийский ДОПП[26]. Вхожу в ДОПП, забрал там боеприпасы, этим пополнили свои боеприпасы.

На третий день мы в одной деревне нашли своего командира полка и комиссара. Прихожу, докладываю:

– Товарищ командир полка. Ваше приказание выполнил!

Он обрадовался, обнял меня.

– Как же, ты жив?

– Жив.

– Все живы?

– Все живы.

– Раненые есть?

– Трое раненых, но они встали в строй.

– Как же это так?

– Читай бумагу!

Командир полка дает мне бумагу.

В 5-й роте командиром роты был отсекр комсомольского бюро Джетпис Баев[27]. Они записали так: «Командиру полка донесение.

16-го ноября в 10 часов утра автоматчики наши во главе с политруком таким-то храбро дрались с немцами. Они уничтожили свыше 100 немцев. Были отрезаны пехотой и танками противника, но не могли выйти из окружения. По ним был от-

крыт со стороны противника ураганный артиллерийский огонь. Танки стреляли, пехота стреляла, и они погибли в этом бою смертью храбрых.

Комиссар спрашивает, как тебе это донесение нравится?

– Ничего, хорошее донесение, а вам как оно нравится?

– Ну, знаете, мы просто так вас всех жалели!

За это меня представили к награде, дали орден «Красной Звезды».

О последующих боях я не стану говорить. В одном бою я получил четыре ранения: в руку меня ранило, в ногу и в скулу, но дальше[a] [...]

После московских боев Панфиловская дивизия пошла на отдых, на переформирование. Я был политруком роты автоматчиков. Поступало новое пополнение, я работал с вновь прибывшими бойцами. Я уже в это время умел работать. Тут расскажу одну маленькую историю.

В одном бою мне дали командира роты автоматчиков младшего лейтенанта Шевелева. Раз новый командир, я его встретил приветливо, постарался все сделать так, чтобы с ним наладить свою боевую дружбу, чтобы друг друга понять и друг другу помогать. Он, очевидно, этого не хотел или что. Он хотел показать свою командирскую власть, что он командир, хозяин, за все отвечает он только один. Он давал мне приказания, несмотря на то, что он не имел права давать мне приказания, потому что я был на таком же положении, как и он. Я на это не обращал внимания. Думаю, выполню его приказ, в этом ничего страшного нет, лишь бы дело шло. С бойцами он неважно обращался. Все старые бойцы начали хныкать. «Товарищ командир, что-то командир роты не того.

– А как?

– Он очень груб, ругается, матом кроет, с чего это? Мы не маленькие люди, а взрослые, в боях были три месяца. Если он будет так продолжать, то от нас хорошего ему не дождаться – его или немецкая пуля возьмет, или другое что-нибудь с ним произойдет. Вы с ним поговорите, пусть с бойцами так не обращается. Мы тоже люди!

Однажды я сидел дома, его ждал. Он приходит, какое-то приказание мне дает. Я говорю:

– Я не могу выполнить этого вашего приказания!

– Как, – говорит, – я вам приказываю!

Голос повышает. Я тоже рассердился и говорю:

– Собирайте свои монатки и уходите отсюда, шагом марш! Идите к командиру полка, жалуйтесь! Вы с сегодняшнего дня не являетесь командиром роты, уходите отсюда! Идите к командиру полка и доложите – или вы здесь будете работать, или я. Идите.

Разругались мы с ним на том языке, который не переводится на другие языки. Он рассердился, вышел. Я говорю:

– Возьмите свои вещи, а то выброшу.

Он ушел.

Через некоторое время командир полка меня вызывает. До этого я комиссару полка говорил, что отношения у нас неважные, не клеятся.

– В чем дело, в чем спор? – Спрашивает командир полка.

---

[a] Разрыв текста.

– Не хочу своих бойцов бросать на произвол судьбы. Я сделал все возможное, чтобы создать авторитет этому молодому командиру. Несмотря на то, что нахожусь с ним в одинаковых правах, я всегда выполнял его приказы, думая, что в этом ничего плохого нет, лишь бы дело шло. Я хотел с ним иметь боевую дружбу, фронтовую, чтобы понять друг друга, но он этого не хотел. Даже меня, политрука, обложил матом, я не стерпел и выкинул его. Я вам заявляю авторитетно, товарищ полковник, что он командовать ротой автоматчиков не будет, или я там политруком не буду. Мне не надо такого человека и командира. Я хотел с ним совместно работать, но он этого не хотел. Если он придет в роту автоматчиков, я своих бойцов заберу и уйду в другую роту, но своих бойцов я не оставлю.

– Хорошо, хорошо.

Я ушел домой. Через полчаса встретил начальника штаба полка капитана Мамонова, очень хороший парень был.

– Как дела твои, друг? Мы тебе дали другого командира Соловьева – старшего лейтенанта, хороший парень.

– Ладно, мне безразлично, хороший или плохой, лишь бы человек был с умом.

Как-то вечерком я сидел, писал что-то, приходит и говорит: такой-то. Политрука такого-то я могу видеть?

– Зачем?

– Нужно. Я назначен командиром роты.

– Политрук, – это я, – говорю.

Познакомились.

– Мне начальник штаба сказал, чтобы я вам представился.

– Как представиться? Назначены командиром роты и вдруг будете представляться?

Вот с ним мы вместе начали работать, формировали роту.

На отдых мы пошли после московских боев с 15-го декабря 1941 года. Необходимо было формировать роту, обучить ее и готовиться к новым боям. К решению этой задачи и была направлена вся наша работа.

В этой части я приведу выдержки из дневника, которые отразят деятельность командиров роты и некоторых бойцов.

Из дневника

Приведу некоторые выдержки из дневника.

5 января 1942 года я был вызван комиссаром полка т. Мухамедьяровым. Был у него на квартире.

– Иди, иди сюда, – кто-то звал меня из другой комнаты.

Я обернулся и увидел замкомандира полка старшего лейтенанта Мамыш-улы[28]. Я ему рассказал, зачем я пришел. Он мне ответил: Мадьяр (так мы называли Мухамедьярова) сейчас придет, подожди. Мы с Мамыш-улы разговаривали на разные темы. Он сказал, что завтра к нам придет новое пополнение. Для распределения этого пополнения мы выделили комиссию в составе: председателя Мамыш-улы, а членом комиссии являешься ты, причем не забудь подобрать для роты автоматчиков самых лучших людей.

– Есть, – ответил я.

6 января. Новое пополнение начало прибывать. Комиссия приступила к работе. Прибыли молодые рабочие Лениногорского завода (бывший Риддеров-

ский). Среди них были замечательные люди. «Вот из них подбирай для себя автоматчиков», – сказал Бауэрджан[a].

В комнату, где заседала комиссия, пришла группа молодых парней. Это были молодые рабочие Лениногорского свинцового завода, все они были казахи. Все они были молодые, одинаковые по росту, по возрасту. Я сразу подумал – вот из них выйдут хорошие автоматчики.

– Очень замечательные люди! – сказал мне Бауэрджан.

– Саша, перепиши их (Саша – Александр Павлович Соловьев, командир роты автоматчиков).

Он записал этих товарищей. Мы укомплектовали свою роту из числа лучших, молодых бойцов.

9 января. Сегодня автоматчики нашей роты должны тренироваться в стрелковом деле, они должны идти на стрельбище и выполнить стрелковую задачу. В течение каких-нибудь двух, трех дней они усвоили материальную часть автомата и могли в совершенстве владеть им. В этот день Саша пошел в 3-й взвод, его заместитель Тимофеев пошел во 2-й, я пошел в 1-й взвод. Наша задача была проверить, кто как занимается, кто как усвоил материальную часть оружия и кто что делает.

Я пришел в 1-й взвод, поздоровался с товарищами. Они пошли на стрельбище, и я туда пошел. Начали по очереди обстреливать мишень.

– Оказывается, ты не умеешь стрелять! – говорит один другому.

– Брось, я был стахановцем на заводе и перевыполнял в несколько раз свои нормы. Разве ты забыл, что я несколько раз был премирован, – сказал Тохтаров Тулеген[29] своему другу Джумаджану. – Да, ты забыл об этом. Помнишь, ты со мною соревновался. Из 30 возможных очков у тебя было 22. Ты отстал от меня на 4 очка.

Они о чем-то спорили. Я подошел к ним и разрешил им произвести перестрелку, поскольку у них между собою спор был.

«Стреляйте спокойно и постарайтесь выполнить задачу на отлично».

Когда они возвращались от мишени, Тулеген чему-то радовался, его глаза сияли, и он громко сказал: «У меня 27 очков, а у Джумаджана 24. Почему ты смеялся надо мною, теперь посмотрим, кто стахановец».

– Оба вы молодцы, стреляете на отлично, как стахановцы, такие стрелки нам нужны, чтобы больше истреблять фашистов, – говорю я им.

– Когда мы увидим этих фашистов, когда мы с ними встретимся? – спросил Тулеген.

– Не беспокойся, борьба с фашистами еще впереди, надо готовиться, учиться самим, учить своих друзей, – сказал я ему.

22 января. Только что мы сошли с поезда на станции Дворцы. Взяли лыжи и пошли. Наш эшелон привел сюда Бауэрджан, Капров и Мухамедьяров были в других эшелонах. Ночь, мороз, но мы одеты очень тепло. Бауэрджана призвали к себе командир батальона капитан Гундилович[30] и комиссар Трофимов, Сашу Соловьева и меня. Они показали нам маршрут по карте и потом предупредили нас о том, что автоматчики пойдут впереди колонны. Вы являетесь, – сказал он, – глав-

[a] Правильно – Бауржан.

ным отрядом не только полка, но и дивизии. Если вы встретитесь с противником, вступайте в бой, а полк и батальон придут вам на выручку.

Задача, поставленная перед дивизией, огромная. Мы идем по целине, по бездорожью, по лесу, по сугробам снега. По дорогам нам идти нельзя, ибо противник может нас заметить.

27 января. Уже прошли сутки, как мы находимся в пути. Идем пешком, идем на лыжах, сугробы большие, мороз большой, чувствуется усталость наших людей. Разве можно ехать целые сутки без отдыха, без сна несколько суток подряд. Это могут сделать только гвардейцы-панфиловцы. Издали показалась деревенька. Мы остановились у опушки леса. Я предложил послать туда в разведку Кимонина и Тохтарова. Они ушли. Мы их ожидали у опушки леса. Некоторые из наших товарищей сразу уснули. Через час возвратился Кимонин. Он доложил, что в деревне немцев нет, они изредка приезжают сюда, забирают продовольствие, продукты и уезжают. Мы пришли в деревню с расчетом подождать другие колонны полка, которые от нас отстали на несколько километров.

Когда мы подошли к деревне, нас встретил Тохтаров Тулеген. Он сказал, что для нашего взвода занял комнаты. Там хозяева поставили самовары и готовят кушать. Взводы были расположены по домам. Я говорю Тулегену – Отдыхай! На это он мне ответил вопросом: а где старшина? «Старшина ушел за продуктами». Туда ушел и Тулеген. Через некоторое время старшина Шупилко и Тохтаров Тулеген привезли горячую пищу, продукты, хлеб, распределили, потом подняли людей кушать. Тулеген отдохнул после всех этих забот. Надо отметить, что у Тулегена был такой обычай, если в пути устает тот или иной его товарищ, он берет у него оружие, лыжи и говорит: «Теперь ты без груза можешь идти?» – «Да, могу». Так он помогал своим товарищам в дороге. Во время остановок Тулеген тоже заботился о своих товарищах, то принесет им пищу, то приготовит сам пищу, то подготовит квартиры и т. д.

1 февраля. Приближаемся к линии фронта. Наше продвижение заметил противник и пустил 15 стервятников, которые крутились над нами, обстреливали нас. «Пусть стреляют, пускай бомбят, всех лесов России не разбомбить. Русские леса тоже враги немцев. Леса нам друзья. Они спасают нас от холода и от других несчастий».

2 февраля. Вот–вот подходим к линии фронта. На привале, где мы остановились, нас посетил комиссар полка и замкомандира полка Момыш-улы. Они проверили наши боеприпасы, состояние здоровья наших бойцов. Во время этого привала Тохтаров Тулеген показал свои таланты. Он здесь по-русски и по-казахски танцевал. Некоторые товарищи спросили его, где он научился так танцевать и откуда ты знаешь столько песен? Он на это ответил: «То, что я не знаю, это находится под землею».

– Да, – сказал один из его друзей, – хорошо поешь, но пой осторожно, а то немцы услышат.

– Пустяки, пусть услышат немцы. Они, наверное, в своей жизни не слыхали казахские песни. Пусть они услышат казахские песни. Казахская песня будет хороша тогда, когда она смешается с гулом автоматов.

3 февраля. Рассветает. Нас посетили: командир дивизии генерал-майор Чистяков и комиссар дивизии Егоров. Они беседовали с нами и сказали, что враг

близко, будьте осторожны. Надежда только на вас, товарищи автоматчики. Если встретите противника, завяжите с ним бой. В случае чего мы поможем. Они разъяснили нам задачу и уехали.

В 3 часа ночи с 3-го на 4-е февраля мы вышли на опушку леса и увидели неподалеку деревню. Мы туда послали разведчиков. Разведчики возвратились и доложили, что в деревне находятся немцы, что они видели часовых немецких солдат. Я посоветовался с Сашей, как быть? Батальон и полк позади нас на несколько километров. Будем вступать в бой, или будем ждать полка, или батальона, но они придут не раньше как через три–четыре часа. «Это уже будет поздно. Давайте наступать в темноте, ночью!» Саша согласился. Он пошел с 3-им взводом, я пошел с 1-м. Роту разбили на три группы и с трех сторон начали наступление на эту деревню.

Ночь, треск автоматов, ночной гул – все это не дало немцам возможности опомниться. Одни бежали в одних штанах, другие не знали, что делать. Через 20 минут деревня Свинухово была в наших руках. Взяли очень большие трофеи и пленных, о чем сообщили срочным порядком в штаб полка. За бой в Свинухове я был награжден орденом «Красного знамени».

С рассветом к нам прибыл Момыш-улы и комиссар полка Мухамедьяров. Командир полка Капров был болен гриппом, его замещал Момыш-улы. Они нас поздравили с первой победой. Мы ночью не считали, сколько нами было захвачено трофеев, сколько взято пленных, сколько было истреблено немцев. Когда взошло солнце, мы сосчитали, и оказалось, что мы захватили 74 автомашины, два склада – один с боеприпасами, другой вещевой и продовольственный, истребили свыше 300 немцев.

Когда я проверил наличие роты, то Тулегена не оказалось в строю. «Где он?» Вдруг Тулеген приходит. Один приводит 7 немцев и говорит: «Вот эти собаки спрятались в сарае, наверное, они являются немцами», – так он доложил Мамушулы. Через некоторое время Тулеген привел еще одного офицера. Бауэрджан и начальник штаба полка Мамонов допросили этого офицера. Только они закончили допрос, Тулеген подошел к ним и попросил разрешения поговорить с этим офицером.

– Зачем?

– Я тоже хочу поговорить с этим офицером.

– А разве ты знаешь немецкий язык?

– Я очень хорошо говорю по-немецки.

– Если так, пожалуйста, говори.

Тулеген отвел офицера в сторону и посмотрел в глаза офицера. Офицер молчал.

– Ах, сволочь, если бы не вы, то мы бы сюда не пришли! – сказал Тулеген. И застрелил этого офицера. После этого Тулеген пошел к капитану Мамонову и доложил: «Капитан, разговор с офицером окончен, оказывается, он по-казахски говорить не умеет. Я научил».

И он засмеялся.

– Разве ты его застрелил? Очень жалко. От этого офицера можно было бы кое-что узнать. Ну, ничего, молодец.

5 февраля. Бой еще продолжается. В бой вступили все полки. Немцы, не выдержав нашего натиска, оставляли деревню за деревней. Немцы, чтобы выручить свои войска, посылают для бомбежки свои самолеты.

В наших руках большие трофеи и пленные. Немцы потеряли очень много своих солдат и офицеров.

Гриша Холдин получил четыре ранения, несмотря на это, он не покинул поля боя. Он застрелил 14 немцев. Я говорю ему: «Идите в медсанбат». Он наотрез отказался: «Никуда я не пойду». Тогда я вынужден был приказать. Только после моего приказания он ушел в медсанбат. Очень хороший парень, я с ним воевал под Москвой. Очень хитрый, умный и организатор замечательный. В вечернем бою особое внимание привлекал к себе Джумаджан Баталов.

Меня вызвал к себе комиссар полка Мухамедьяров и Момыш-улы. Я к ним явился.

– Вот, смотри, из этого сарая противник ведет сильный огонь, очевидно, возле этого сарая закопан немецкий танк. Надо его уничтожить. Пошли кого-нибудь туда, чтобы уничтожили этот танк, – сказал комиссар.

Я на выполнение этой задачи послал Джумаджана. Он вооружился противотанковыми гранатами и пошел вперед. Мы смотрим и следим за ним. Он пошел медленно, кто знает, о чем он думал, всем не хочется умирать, и невозможно знать душу человека. Вдруг Джумаджан остановился, быстро вернулся назад. Задачу не выполнил. Первый это заметил Момыш-улы. «Смотрите, он струсил. Надо его наказать». Джумаджан вернулся и спросил у Мамуш-улы:

– Товарищ капитан, оттуда идет группа немцев, скажите, как это будет по-немецки слово «Стой». Я вернулся, чтобы узнать это слово. Слово «стой» по-немецки будет «х а л ь т».

Джумаджан ползком пошел вперед, местами делал перебежки. Добрался до места. По нему немцы открыли огонь. Через некоторое время возле этого сарая был взрыв большой силы и пошел черный дым. Раздались голоса: «Он молодец, Джумаджан, он уничтожил танк!» Мы долго ждали возвращения Джумаджана, но его все нет и нет. Через некоторое время явился Джумаджан и с собой привел троих немцев. Он доложил:

– Товарищ капитан, ваше приказание выполнено.

– Молодец! – сказал комиссар и Момыш-улы.

– Я уничтожил танк. Там было семь офицеров. Я на месте уложил четырех, троих привел в плен. В этом мне помогло слово «хальт».

В вечернем бою отличился первый взвод, который был придан 3-му батальону. В этом бою образец героизма показал Тулеген, о подвиге которого мне говорил комиссар батальона т. Чернов.

6 февраля. Сегодня немцы оказали не такое упорное сопротивление. Но вот они, непобедимые, бегут обратно на запад.

В этих боях в наши руки попали большие трофеи, автомашины, вооружение, продовольствие и вещи немцев. Самое главное, что мы освободили своих близких, которые томились у немцев.

В восемь часов вечера меня и командира роты Соловьева вызвал к себе Момуш-улы в штаб полка и сказал: «С. Бородино является самым опорным пунктом немцев. Через эту деревню проходят три шоссейные дороги. Если немцы будут

лишены этих дорог, то мы поможем своим частям окружить 16-ю немецкую армию в Ст[арой] Руссе. Если это село нами не будет занято, то противник может ударить нам во фланг и соединиться со своими окруженными частями из района Демьянска[a]. Разведка доносила, что в этом селе находится полк эсесовцев «Мертвая голова»[31]. Задача – уничтожить этот гарнизон – возлагается на 2-й батальон и на автоматчиков. Село должно быть занято в два часа утра.

Задача очень сложная. До 10 часов вечера наши автоматчики отдыхали. В 10 часов вечера мы вступили в путь. Ночь темная, первый час ночи. Мы подошли к деревне. Рядом с Бородино расположено несколько деревень. Мы остановились. Батальон отстал от нас на несколько километров. Ожидать его не было возможности. Если ожидать, то проиграем время. Затем сильный мороз, на морозе держать людей нельзя. Я посоветовался с командиром роты Соловьевым. Я предложил сначала занимать те деревни, которые стоят близко к Бородино, потом Бородино будем окружать. Так и сделали. Заняли: с.с. Выставка, Баркловцы, Вашково и с трех сторон окружили Бородино. Сломили первую линию противника. Немцы отступили, и в четыре часа двадцать минут утра деревня была в наших руках. В это время подошел батальон, который помог нам в окончательном разгроме немецкого гарнизона. Трофеи: подбито два танка, 25 автомашин, склад велосипедов и мотоциклетов, орудия среднего калибра, боеприпасы, захватили ящик с железными крестами и другой ящик с немецкими знаками «мертвая голова», убили 600 немцев.

Утром нас посетил Капров и Мамыш-улы, а также комиссар Мухамедьяров, которые поздравили нас с успехом.

7 февраля. Несмотря на то, что противник был выбит из Бородино, у него еще было немало сил, чтобы отбить Бородино. Поэтому он в тот же день с утра начал производить артподготовку. Разрушил все дома. Мы сидели в немецких блиндажах, в немецких дзотах. Наши артиллеристы и минометчики тоже отвечают немцам.

Война без жертв, как говорят, не бывает. Все средние командиры моей роты вышли из строя. Ранен был Михайлов, ранен был Гатько, ранен Тимофеев. Вышли из строя и младшие командиры. Со мною остались 54 бойца. Надо ими командовать, надо назначать командиров рот, командиров взводов, но откуда взять этих командиров? Поэтому я решил назначить командиров из бойцов. Так и сделал. Это называется выдвижением кадров на фронте.

Сегодня мы отбили пять атак немцев. Противник понес большие потери. Около 18 часов вечера немецкие автоматчики попытались атаковать деревню, но, понеся большие потери, отступили. В этом бою Тулеген убил 23 немцев, Джумаджан – 17 немцев.

8 февраля. С рассветом немцы стали наступать на Бородино. Мы отбили все атаки немцев. В полдень командир батальона капитан Гундилович прислал ко мне связного с таким приказанием: около 40 немецких автоматчиков наступают с северной стороны деревни, прошу послать навстречу им отделение автоматчиков, чтобы отбить атаки немцев.

---

[a] Правильно – Демянск.

Тулеген стоял возле меня. Он услышал этот приказ и исчез. Я выделил одно отделение и сам стал командиром этого отделения. Пошел в том направлении, как это было приказано командиром батальона. И вдруг слышу из конного сарая деревни звук нашего советского автомата.

– Смотри, смотри, – говорит мне друг Джумаджан.

Я смотрю. Немцы идут, а кто-то из сарая не пропускает их, причем немцы спускаются с горы и их встречал наш автоматный огонь. Немцы начали обходить, но пешком и при этом по пересеченной местности переходить трудно. Мы поспешили на помощь этому отважному автоматчику, но не успели. Оказывается, один Тулеген Тохтаров отбил атаку 440 немцев, при этом он истребил 34 немца. Из 34 – 12 сильно раненных, 22 убитых. Эти раненые немцы кричат: «Их бин арбайтер!»[32]. Тулеген, не слушая этих слов, всех застрелил.

На обратном пути я ему говорю: «Слушай, Тулеген, ты, конечно, герой, но нельзя все время беспощадно истреблять немцев. Верно, что немцев надо убивать, но некоторых надо допросить, взять нужные сведения».

– Это верно, агай[a], – сказал он мне. Моя профессия сейчас душегубство. Быть может, завтра меня убьют или поранят, кто же тогда за меня будет мстить.

– Мы будем.

– Нет, я этого не увижу. Кто за меня будет мстить, я представления не имею, потом буду убит. Я сам за себя должен мстить.

Нас встретил командир батальона капитан Гундилович и комиссар Трофимов. Они обняли молодого героя Тулегена и угостили стопкой спирта.

Вечереет, темно, деревня почти вся сгорела полностью. Мы нашли на окраине маленький неразрушенный сарайчик, оборудовали его под жилье при помощи палаток и других средств. Горит свеча. Джумаджан отдыхает, спит. Я только что получил приказ комиссара полка представить материал на отличившихся в бою, которых надо представить к правительственной награде. Я сидел за столом и писал боевые характеристики. Вдруг пришел Тулеген Тохтаров. Он положил автомат, потом сразу взял его в руки. «Ой, какой хороший этот мой друг», – сказал он своему автомату и о чем-то задумался, сел. Вдруг начал петь песню.

– Подождите со своим пением, – обратился я к нему.

– Простите, агай, я мешаю вам писать. Что вы пишете? – Я сказал, что я пишу характеристики некоторых товарищей, которые потом будут представлены к правительственной награде. Он сказал: «Да, да, да, пишите. Гришу Бахолдина обязательно надо представить к ордену, он смелый парень. Пишите Ишанбекова, тоже замечательный парень, очень храбрый боец. Я люблю людей, которые прямо смотрят в глаза смерти, которые не боятся смерти. Таких людей надо наградить. Кто смотрит прямо в глаза смерти, того и пуля не берет – это для меня закон. Что касается Джумаджана, то вы сами знаете, представлять его к награде, или нет.

– А если тебя тоже представить? – шуткой спросил я его.

– Нет, меня представлять рано, я еще не показал на фронте ничего. Я всего-навсего на фронте нахожусь четыре дня в бою, за что меня представлять? Я еще ничем не отличился.

---

[a] Агай (каз.) – дядя.

Разговор наш на некоторое время прервался. Я начал писать. Он чистил свой автомат, и вдруг он обращается ко мне: «Товарищ политрук, я хочу вступить в партию!» Я ничего не ответил. Он снова свой вопрос повторил. Я задумался, как ему ответить. Ведь для того, чтобы вступить в партию, необходимо написать заявление, автобиографию, заполнить анкету, достать рекомендации, составить боевые характеристики – на все это надо порядочное время. Если сказать об этом этому молодому, энергичному человеку, то он может обидеться. Исходя из этого, я молчал. Смотрю, у него вид обидевшегося человека.

– Ладно, вы считаете меня недостойным быть в рядах партии. Посмотрим, кто как будет драться. Я буду драться не хуже коммунистов.

Этот его ответ задел меня. Я сказал: «Пиши заявление». И он написал: «В партбюро 1075 стрелкового полка. Я сын бедняка, сам рабочий. Родился в 1921 году. Хочу бить немцев, как коммунист. Поэтому прошу принять меня в партию большевиков. К сему красноармеец Тохтаров Тулеген».

Я принял от него это заявление. Он спросил меня: «Теперь я уже, стало быть, коммунист?» «Да, ты уже коммунист». Он радостно ответил: «Завтра мы будем бить немцев по-коммунистически!» На этом разговор закончили. «Теперь отдыхайте». И он уснул.

9 февраля. Немцы с утра начали наступление. С большой нарастающей силой они открыли из всех видов оружия – артиллерии и минометов – губительный огонь. Мы сидим в дотах, дзотах, и вдруг немецкая пехота пошла в атаку. Рядом со мною влево от меня лежит Баталов, рядом с ним лежит Тохтаров. Батальон тоже действует. Мы действуем вместе с батальоном, отражая атаку немцев. Немцев мы подпустили на 250–300 метров и открыли из всех видов автоматов огонь. Надо отметить, что у всех автоматчиков было по два, по три диска заряженных, а у Тулегена Тохтарова – пять, шесть. Вдруг у Тулегена патроны кончаются. В это время к нему подошел один немецкий унтер-офицер и дал очередь из автомата, но не попал в Тулегена. Тогда Тулеген последним своим патроном ранил этого унтер-офицера в обе ноги. Офицер начал отходить. Тулеген кричит: «Дайте патроны!» Поднять головы невозможно, огонь. Тулеген привстал и хотел забросить в этого офицера гранату... Но в это время он упал, произнося слова: ох, ух,.. К нему ползком подполз Джумаджан. Джумаджан говорит: «Тулеген, ты ранен, выходи».

Вижу, Тулеген ранен тяжело. Ему в живот крупного калибра пуля пулеметная попала. Вывалились кишки наружу, кишки его валялись у него под ногами. Он поднял кишки, собрал их, взял автомат с собою, дошел до этого офицера и ударил автоматом о голову офицера. Автомат переломился, а голова немецкого офицера разлетелась вдребезги. Тулеген начал отходить. В это время немецкая пуля пронзила ему грудь и голову. Так скончался бесстрашный герой Тулеген Тохтаров.

Отбив атаки немцев, мы подобрали раненых, убитых товарищей похоронили с почестями. С почестями похоронили Тулегена. На его братскую могилу приезжали командир и комиссар полка. Все бойцы роты плакали. Они очень любили своего друга Тулегена. Выступили командир полка и комиссар полка, я говорил бойцам. Мы поклялись на могиле этого героя отомстить за него.

Когда возвращались на позиции, то комиссар полка позвонил по телефону, что наши соседние части заняли еще несколько деревень. Очень радостная была весть.

10 февраля. Немцы отступали. Наши их преследуют. В этот день я написал огромное письмо матери Тулегена Тохтарова и коллективу Лениногорского свинцового завода. Джумаджу и Баталова представили к ордену «Красная звезда». Весь материал о Тохтарове написал и просил представить его к правительственной награде, но не указал, к какому ордену. Думаю, что само командование полка укажет.

23 февраля. Это день праздника 24-й годовщины Красной армии. В этот день командование полка издало специальный приказ, где многие бойцы были представлены к правительственной награде, в числе которых представлен был и Тулеген Тохтаров к званию Героя Советского Союза, и я.

В конце марта я от матери Тулегена Тохтарова получил такое маленькое письмо. «Сынок, оказывается, ты являешься другом моего сына Тулегена. Ничего не попишешь против смерти. Человек смертен. Я радовалась его подвигам. Его подвиги утешают мое горе. Истребляйте немцев, истребляйте за моего сына Тулегена, истребляйте за нас, матерей».

И в последующих боях это письмо матери Тулегена напоминало мне о моих обязанностях перед ней, о моем долге перед нею – отомстить еще раз за смерть Тулегена.

Этот дневник о Тохтарове я привел с целью показать, как мы воспитывали бойцов, как дрались наши бойцы.

Из моей роты 47 человек были отмечены правительственными наградами. Тулегену Тохтарову недавно присвоили посмертное звание Героя Советского Союза. Мне присвоили звание Героя за Бородинский бой. Бородино, как указано, был самым крупным узлом сопротивления противника. Он являлся опорным пунктом немцев, через который проходили три шоссейные дороги, связывающие – Ст[арая] Русса – Холм; Ст[арая] Русса – Порхово; Ст[арая] Русса – Дно. По этим дорогам немцы получали подкрепление, продовольствие, боеприпасы. В Бородине было множество дзотов, дотов и очень много огневых точек. Мы это Бородино заняли с большим умением и хитростью. Напали внезапно, напали энергично. Командир роты вышел из строя, и я взял на себя командование ротой. Был политруком роты и одновременно командиром роты. Там, где нужно было, сам непосредственно вел роту. Я всегда был с бойцами. Где мои бойцы, там и я. Я не имел привычки отставать от бойцов. Что бойцы делают, то и я. Если бойцы кушают из одного котелка, и я с ними. Если у меня курево кончается, бойцы меня угощают, если у бойцов курева нет, я их угощаю. Я делился с бойцами всем, что есть, потому что все мы люди одинаковые. Боевая дружба – самое необходимое дело во время боев.

24 февраля 1942 года меня назначили комиссаром полка. В это время нам проводить боев не пришлось. По приказанию Ставки наша дивизия была поставлена на оборону. В мае 1942 года меня назначили агитатором полка. В обороне я работал как агитатор полка, говорил с бойцами, командирами, делал доклады, читал лекции, беседовал. Кроме того, занимался литературной работой.

Литературная работа. У каждого человека есть национальная гордость. Он любит, уважает свою нацию, своих героев прошлого. Когда я в своей практической работе говорил о любви к родине, я ставил в пример таких людей казахского народа, как Абай, Джамбул, Исатай, Кенесары, Срым, Амангельды[33]. О них говорил

как о лучших сынах казахского народа. На их примерах мы старались воспитать целую плеяду героев.

Все это привело меня к мысли написать о подвигах героев – сынов казахов. Поэтому я поставил перед собою задачу популяризировать военную науку, которой у казахов нет, показать, как казахи, которые раньше в войнах не участвовали, в армии не служили, вдруг проявляют образцы геройства. Надо было о них рассказать не только фронтовикам, но и тыловикам. С этой целью я собрал большое количество боевых эпизодов, документов, материалов, характеризующих подвиги семи товарищей. Сюда я прислал рассказ о Момыш-улы, о Джетписбаеве, о Тулегене Тохтарове, Баталове, Бекулове, Садвакасове. Писал о тех людях, которые своими боевыми подвигами прославили весь казахский народ.

* * *

Однажды к нам в роту приехал Панфилов. Он посмотрел кухню, наши землянки. У Панфилова был такой характер. Сперва он придет не к командирам, а к бойцам, осмотрит бойцов, проверит все донесения, узнает, чем живет боец, чем он дышит, что думает, чего ему не хватает, какие у него есть просьбы и т. д. После этого он приходит к командирам.

Прибыл в расположение роты, а мы в это время сооружали оборонительный рубеж. Это было на Северо-Западном фронте. Командир роты дал приказание раздеться до пояса, жарко было. Приказал снять гимнастерки, положить винтовки и рыть окопы. Все там работали. И политрук. Вдруг командир дивизии Панфилов и комиссар Лысенко. Вдруг я слышу команду: «Докладывай!» Как я буду докладывать, когда мы все голые стоим. Все мы покраснели. Просто не думали, что генерал приедет к нам. Все мы без команды встали смирно. Он спросил, что мы делаем. Ознакомился. Потом приказал одеться. Оделись. Посмотрел оборону. Сделал несколько замечаний, рассказал, как надо оборону сооружать, как дзоты рыть. Сам лопату взял, вырыл землю, показал бойцам, потом с бойцами беседовал. И в порядке не приказа, не угрозы, без крика, без шума сказал: «Знаете, ребята, я вас уважаю, но хотелось бы мне поругать вас за то, что вы сняли с себя гимнастерки, оружие бросили в сторону. Это нехорошо, то некрасиво. Вдруг на вас напали бы немцы, что вы тогда бы делали? Больше этого не делайте, замечание мое учтите». Так тихо и понятно. Очень хорошо сказал. Это первая встреча с ним. Потом собрал нас – политруков, командиров, разговаривал, беседовал.

Когда второй раз он приехал, мы занимались тактической подготовкой. Он сам командовал отделением, сам делал перебежки, сам окапывался. Показывал бойцам, как это надо делать. Младшему командиру Олейникову говорит: «Вы, старший сержант, командуйте мною, я ваш боец!» Олейников растерялся: как так, генерал будет бойцом, а он, сержант, будет командовать. «Товарищ старший сержант, не теряйтесь, командуйте!» Я говорю: «Товарищ Олейников, тут не генерал, а ваш боец». Когда растеряется человек, видно.

Потом т[оварищ] Панфилов распустил всех бойцов, собрал всех командиров отделений и начал с ними беседовать. Указал, какие были допущены ошибки, как надо командовать, указал, где было сделано правильно, хорошо. «Как перебежал, окопался, закрепись, – этого у вас не было. Это вы забываете. Перебежку сделал,

упал на этом месте и лежи. Забываете окапываться, забываете укрепления делать. Товарищ политрук, ваша задача заключается в том, чтобы обеспечить политическую подготовку, заглядывайте в быт, в нужды бойцов. Сами изучайте военное дело, оно пригодится вам. В бою бывают такие моменты, когда выходит из строя командир, вы замещаете военного командира». Такой он мне совет дал.

Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. IV. Оп. 1. Дело на Героя Советского Союза Малика Габдуллина. Л. 1–11. Подлинник. Машинопись.

Примечания

[1] *Кроль Розалия Ильинична* – сотрудница ИГВ, сотрудница Отдела Героев Советского Союза, также работала в Группе летописи (хроники).

[2] *Рослякова Ольга Александровна* – стенографистка.

[3] Боровое-Бурабай (до 2005 г. Боровое) – поселок, климатокумысолечебный курорт с 1910 г. в Акмолинской области Казахстана.

[4] До революции казахи использовали арабскую графику. Число грамотных казахов на основе арабской графики в начале XX века точно не установлено.

[5] Кумыс – кисломолочный напиток из кобыльего молока.

[6] Джайляу – летнее пастбище.

[7] Языковая политика большевиков являлась частью комплекса мер по утверждению национального равенства и самоопределения народов. Можно выделить 3 этапа трансформации казахской письменности в советский период: 1920–1929 гг. – 1) введение казахского языка в делопроизводство с использованием арабской графики, 2) переход на латинский алфавит 1927–1940 гг., 3) введение кириллицы с 1940 г.

В языковой политике совместились ликвидация безграмотности, расширение сферы коммуникации национальных языков и обеспечение равенства народов. В 1927 г. в КАССР объявлен официальный переход на латиницу. 7 марта 1929 г. постановление ЦИК СССР и СНК СССР запретило арабскую графику. Но на деле она сохранялась. 25 июля 1929 г. ЦИК и правительство республики утвердили новый казахский алфавит на основе латиницы. Неграмотность большинства населения облегчала языковые преобразования, хотя до реформы использовался арабский шрифт. Во 2-й пятилетке предполагалось завершить перевод преподавания на родном языке в средних школах, техникумах, педагогических и медицинских вузах, создать условия для такого перехода во всех вузах. Но одновременное пользование двумя алфавитами – латинским и русским – в казахских школах и других учебных заведениях, где изучался русский язык, было затруднительно. 8 августа 1939 г. началось «всенародное» обсуждение проекта нового алфавита. 10 ноября 1940 года пятая сессия Верховного Совета Казахской ССР приняла закон «О переводе казахской письменности с латинизированной на новый алфавит на основе русской графики». 13 ноября 1940 г. принят Закон «О переводе казахской письменности с латинизированной графики на новый алфавит на основе русской графики».

[8] Бурдюк – кожаный мешок из цельной шкуры животного для хранения жидкостей.

[9] Чапан – традиционная национальная одежда, широкий и длинный халат без пуговиц и воротника.

[10] *Сабит Муканов* (1900–1973) – классик казахской литературы, поэт, общественный деятель, академик, председатель Союза писателей Казахстана в 1936–1937 и 1943–1952 гг.

[11] *Жакан Сыздыков* (1901–1977) в 1927 г. опубликовал поэму в журнале «Жыл құсы» («Первая ласточка»).

[12] Районо – районный отдел образования.

[13] Казкоммуна – казахская коммуна, тип учебно-воспитательного заведения для сирот и малообеспеченных детей.

[14] Рабфак – рабочий факультет. Предшественник современных подготовительных отделений вузов, где в 1919–1940 гг. рабочая и крестьянская молодежь ускоренно готовилась к поступлению в вузы.

[15] ГПУ – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР в 1922–1923 гг. Казахская АССР, образованная в 1920 г., до конца 1936 г. входила в состав РСФСР.

[16] «Еңбекші қазақ» – «Трудящийся казах», «Екпінді жас» – «Передовая молодежь».

[17] Институт красной профессуры – высшее учебное заведение ЦК ВКП(б) для подготовки высших идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук в вузах. Образован в 1921 г. Размещался в здании Страстного монастыря в Москве. В 1938 г. преобразован в Высшую школу марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), в 1946 – в Академию общественных наук при ЦК КПСС.

[18] Первый съезд советских писателей состоялся в Москве 17 августа – 1 сентября 1934 г. Он ознаменовал переход к унифицированной системе творческих организаций в СССР. На съезде был принят устав Союза писателей СССР, и основным методом советской литературы был признан социалистический реализм. Из 591 участника съезда 220 позже подверглись репрессиям.

[19] *Чокан Чингисович Валиханов* (1835–1865) – чингизид, правнук Абылай-хана, казахский ученый, историк, этнограф и фольклорист, путешественник, просветитель. Офицер Генерального штаба Российской армии, действительный член Императорского русского географического общества (1857), в 1858 г. совершил разведывательную поездку в Кашгарию. Друг Ф.М. Достоевского.

[20] Автор ошибся. Годы жизни Ч. Валиханова см. выше.

[21] *Веселовский Николай Иванович* (1848–1918) – археолог, востоковед, исследователь истории и археологии Средней Азии. Выступил редактором «Сочинений Чокана Чингисовича Валиханова», изданных в 1904 г. в «Записках ИРГО» по отделению этнографии. СПб., т. XXIX.

[22] Обвинения в троцкизме были одним из основных средств борьбы с инакомыслием и оппозицией сталинизму в 1930-е гг. Л.Д.Троцкий (1879–1940) – один из организаторов Октябрьской революции 1917 г., создателей Красной армии, Коммунистического Интернационала (Коминтерна). В первом советском правительстве – нарком по иностранным делам, затем в 1918–1925 – нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета РСФСР, затем СССР. Член Политбюро ЦК партии в 1919–1926 гг., с 1923 г. лидер левой внутрипартийной оппозиции. В 1927 г. исключен из партии, снят со всех постов и отправлен в ссылку в Алма-Ату, в 1929 г. выслан из СССР. Убит в Мексике.

[23] *Мухамедьяров Ахмеджан Латыпович* (1907–1979) – комиссар стрелкового полка Панфиловской дивизии. Участвовал в организации первых пионерских отрядов, избирался секретарем Актюбинском горкома ВЛКСМ. В 1929 г. призван в РККА, участвовал в боях с басмачами. С началом Великой Отечественной войны на фронте; старший политрук (1941). Был дважды контужен. После демобилизации в 1951 г. продолжал военную службу в Чебаркульском, а затем в Челябинском гарнизонах. В 1957 г. уволен в запас. Участвовал в создании ветеранских организаций. Делегат 4-й Всесоюзной конференции ветеранов войны (1976). Награжден орденом Ленина, 2 орденами Красного Знамени, медалями.

[24] *Капров Илья Васильевич* (1898–1967) – советский офицер, участник Гражданской и Великой Отечественной войн, начальник Ташкентского пехотного училища (13 августа 1944 – май 1945). Во время обороны Москвы командовал 1075-м стрелковым полком Панфиловской 316-й стрелковой дивизии (впоследствии 8-я гвардейская). Руководил обороной полка в районе Дубосеково Волоколамского района, где 16 ноября 1941 г. позиции 2-го батальона его полка прорывали немецкие танки.

[25] *Панфилов Иван Васильевич* (1892–1941) – генерал-майор, Герой Советского Союза (1942, посмертно). Командир 316-й стрелковой дивизии (с 17 ноября 1941 г. – 8-я гвардейская), прославленная героическими боями на Волоколамском направлении. Дивизия набиралась из жителей Алма-Аты (ныне Алматы) и Фрунзе (ныне Бишкек).

[26] Dopp (Doppelzunder) – снаряд и взрыватель двойного действия в немецкой артиллерии. Очевидно, имеется в виду сооружение для артиллерии противника.

[27] Отсекр – ответственный секретарь. *Джетпис Баев* – скорее всего, правильно: Джетписбаев.

[28] Правильно – Момышулы. *Бауыржан Момышұлы (*1910–1982) – участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза, панфиловец, участник битвы за Москву, писатель. Во время битвы за Москву старший лейтенант, командир батальона 1073-го стрелкового полка.

[29] *Тохтаров Тулеген* (1921–1942) – автоматчик 23-го гвардейского стрелкового полка 8-й гвардейской ордена Ленина Краснознаменной стрелковой дивизии имени генерал-майора И.В. Панфилова 3-й ударной армии Калининского фронта, гвардии красноармеец, Герой Советского Союза (1943).

[30] *Гундилович Павел Михайлович* (1902–1942) – командовал 4-й ротой 2-го батальона 1075-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии (впоследствии 8-я гвардейская). Руководил обороной в районе Дубосеково, где 16 ноября 1941 г. его рота вместе с другими подразделениями дивизии отражала удары немецких танков.

[31] Танковая дивизия СС «Мертвая голова» (нем. SS–Panzer-Division «Totenkopf») – соединение войск СС,

создана в 1939 г. В апреле 1941 переформирована в мотопехотную дивизию СС «Мертвая голова».

[32] Ich bin arbeiter (нем.) – я рабочий.

[33] *Кунанбаев Абай (Ибрагим)* (1845–1904) – выдающийся казахский мыслитель и просветитель, поэт, композитор, основоположник и первый классик казахской литературы. Переводчик произведений Крылова, Пушкина, Лермонтова, Гете, Байрона. *Джабаев Джамбул* (1846–1945) – казахский поэт-акын, лауреат Сталинской премии второй степени (1941); одной из наиболее известных его песен периода Великой Отечественной войны стала «Ленинградцы, дети мои». *Тайманов Исатай* (1791–1838) – один из руководителей (наряду с М.Утемисовым) восстания бедноты в Западном Казахстане в 1836–1838 гг. *Касымов Кенесары* (1802–1847) – казахский султан, чингизид, внук хана Абылай-хана. С 1841 г. последний хан всех трех казахских жузов. Возглавил самое крупное и продолжительное в XIX в. национально-освободительное восстание, в 1846 г. под давлением русских войск отступил в Семиречье, где был разбит киргизскими отрядами и казнен. *Датулы Срым* (1753–1802) – старшина казахского рода Байбакты, предводитель антиправительственного движения казахов Младшего жуза в 1783–1797 гг. *Иманов Амангельды* (1873–1919) – один из лидеров восстания 1916 г. в Тургайской области, участник установления Советской власти в Казахстане, участник гражданской войны.

И.В.Сталин и «конструирование» партийной власти

Июль 1922 – февраль 1923 г.

Вопросы организации, регламента работы ЦК РКП(б) и его структурных подразделений становились все более актуальными после выхода страны из состояния гражданской войны, когда и советский, и хозяйственный, и партийный аппараты должны функционировать не в экстремальном режиме, а в режиме, соответствующем мирному, нэповскому времени. Было определено, что в ЦК (в отличии от СНК и других советских структур) председателя нет, единственным должностным лицом является Секретарь, который согласовывает рассмотрение вопросов от Секретариата до Политбюро и пленумов ЦК. С марта 1921 г. по апрель 1922 г. (с X по XI съезды партии) были согласованы дни заседаний структурных единиц ЦК, порядок прохождения через них документов, участники заседаний, формирование повестки, принято положение о работе секретариата Политбюро, обеспечивающего функционирование этого органа ЦК. Назначенный пленумом ЦК РКП(б) в апреле 1922 г. Генеральным секретарем ЦК И.В. Сталин сразу же сосредоточил в своих руках всю работу по подготовке заседаний Политбюро, В.М. Молотов стал курировать работу Оргбюро, а В.В. Куйбышев – работу Секретариата ЦК и его отделов. К июню 1922 г. «механизм» работы ЦК был (относительно весны 1922 г.) налажен.

В центре основных разногласий между членами Политбюро ЦК РКП(б) летом 1922–весной 1923 г. оказались вопросы не только разграничений функций между Политбюро, Оргбюро и Секретариатом ЦК и налаживания механизма функционирования ЦК, но и о разграничения функций между центральными партийными и советскими органами[1]. К этому времени выявились разногласия между председателем СНК (и лидером в ЦК, председательствующим на заседаниях Политбюро) В.И.Лениным и членами Политбюро по вопросу о реформе политической системы Советской России. Вместо ленинского предложения поставить принятие решений в Политбюро под контроль заместителей председателя СНК было принято решение об их систематических докладах в Политбюро (фактически – о контроле Политбюро над решениями СНК)[2].

---

[1] В Уставе РКП(б), принятом на VIII Всероссийской партийной конференции в 1919 г., говорилось: «Центральный Комитет направляет работу центральных советских и общественных организаций через партийные фракции». Однако руководство СНК и ВЦИКом со стороны ЦК (прежде всего, Политбюро) осуществлялось напрямую. О взглядах политической элиты на взаимоотношение партийной и государственной власти в 1919–1924 гг. см.: Агапцов С.А. Взаимоотношения государственных органов и правящей партии как предмет дискуссий в первые годы Советской власти // Политические дискуссии в 20–е годы. М., 1992. С.35–60.

[2] 11 апреля 1922 г. В.И. Ленин пишет «Постановление о работе замов (заместителей председателя СНК и СТО)», на которых возлагалось «Наблюдение за тем, чтобы рассмотрение советских вопросов в других учреждениях, как советских, так и партийных (президиум ВЦИК, Полит– и Оргбюро ЦК РКП – и т. п. без всякого изъятия) происходило не иначе, как с ведома и участия замов» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 152). Члены Политбюро А.И. Рыков, М.П. Томский, Л.Д. Троцкий высказались против предложений Ленина, согласие с В.И. Лениным высказали Л.Б. Каменев и В.М. Молотов (кандидат в

Разница позиций по основным вопросам проявилась и после возвращения В.И.Ленина к работе после болезни 2 октября 1922 г.[3] Во время отсутствия Ленина на пленуме ЦК 6 октября было принято решение об отмене монополии внешней торговли[4]. Ленин добился пересмотра этого решения и выступил с предложением тщательно готовить материал к пленумам: «Вопрос был внесен в пленум наспех. […] Решать важнейшие вопросы торговой политики со вчера на сегодня, не собрав материалов, не взвесив за и против с документами и цифрами, где же тут хоть тень правильного отношения к делу? Усталые люди голоснут в несколько минут и баста. Менее сложные политические вопросы мы взвешивали по многу раз и решали нередко по нескольку месяцев. […] Я предлагаю: отсрочить решение этого вопроса на два месяца, т. е. до следующего пленума, а до тех пор собрать сведенные вместе и проверенные документы об опыте нашей торговой политики»[5]. 7 декабря 1922 г., сразу после ухода Ленина с заседания Политбюро, Сталин провел решение о высылке историка и общественного деятеля Н.А. Рожкова, которое противоречило ленинской позиции[6]. Ленин не только выступил с протестом на имя секретаря ЦК Сталина[7], но и более подробно разработал вопросы регламента работы Политбюро, предложив пленуму утвердить порядок прохождения вопросов: «1. Политбюро заседает по четвергам от 11–ти и никак не позже 2–х. 2. Если остаются

члены ПБ) (The Trotsky Paper. Vol. 2. P. 728–736; Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Том 1. 1990. С. 65–68). Позиция Г.Е. Зиновьева и И.В. Сталина прямо не была выражена. По инициативе Каменева 15 июня 1922 г. (Ленин был на заседаниях Политбюро до 18 мая) Политбюро принимает решение «О докладах замов в Политбюро»: «Обязать т.т. Рыкова и Цюрупу раз в неделю не позже вторника присылать в Секретариат Политбюро для рассылки всем членам Политбюро краткую сводку: а) важнейших решений СНК и СТО по вопросам, имеющим общее значение; б) важнейших вопросов, находящихся в разработке...» (См.: Исторический архив. 2017. №1. С.143–144).

[3] В.И. Ленин председательствовал на большинстве заседаний Политбюро с 12 октября по 7 декабря 1922 г. и проводил частные совещания с членами Политбюро.

[4] История с обсуждением вопроса о монополии внешней торговли с изложением взглядов всех участников обсуждений была изложена А.И. Микояном («В начале двадцатых...». М., 1975. С.223–233; «В.И. Ленин и государственная монополия внешней торговли». М., 1974). «Окончательно зарвался тогда Зиновьев» (А.И. Микоян), который письменно выступил «против всякого пересмотра» вопроса. Бухарин выступил в «Правде» с аргументами против позиции Ленина. Каменев также выступил за отмену монополии. Сталин, будучи сторонником отмены монополии, написал: «ввиду настоятельного предложения т. Ленина об отсрочке решения пленума Цека исполнением, я голосую за отсрочку с тем, чтобы вопрос был вновь поставлен на обсуждение следующего пленума с участием т. Ленина» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 562–563). 18 декабря 1922 г. пленум ЦК отменил свое решение от 6 октября.

[5] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С.221.

[6] Арестованный в феврале 1921 г. Н.А. Рожков был выпущен на свободу, хотя Ленин был против его освобождения. В ноябре Ленин добился решения о высылке Рожкова, а 7 декабря 1922 г. на заседании Политбюро, сразу после ухода Ленина с заседания, Сталин провел решение отложить высылку Рожкова в Псков.

[7] 8 декабря Л.А. Фотиева направила И.В. Сталину записку: «По поручению т. Ленина сообщаю, что решение Политбюро от 7 декабря, касающееся Рожкова, опротестовывается им в пленум». Только после вторичного обращения Ленина к Сталину 13 декабря 1922 г. и двухчасовой беседы с ним Политбюро ЦК РКП(б) 14 декабря 1922 г. постановило выслать Н.А. Рожкова в Псков и в случае первого же антисоветского выступления выслать его из Советской России (См.: Чернобаев А.А.Н.А. Рожков: судьба историка и политика (1917–1927 гг.) // Линия судьбы: Сборник статей, очерков, эссе. М., 2007. С. 561–564).

нерассмотренные вопросы, то они переносятся либо на пятницу, либо на понедельник на те же часы. 3. Повестка дня П[олит]б[юро] должна быть разослана не позже, чем к 12–ти часам дня среды. К тому же сроку должны быть присланы материалы (в письменной форме) к повестке»[8]. Однако на ближайшем пленуме 18 декабря этот вопрос не рассматривался. Таким образом, все более очевидной становилось значение делопроизводственных вопросов (подготовка заседаний, рассылка предварительных материалов и т. п.), которые приобретали политическое звучание.

Уехав в декабре 1922 г. на отдых Ленин разрабатывает новое предложение по конституированию ЦК РКП(б) (известное «Письмо к съезду»[9]): довести численность членов ЦК с 27 (с кандидатами – 46) до 50–100 человек «для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии»[10].

Против предложения В.И. Ленина расширить ЦК РКП(б) 13 января 1923 г. выступает Л.Д. Троцкий (док. № 13). 24 января Ленин настаивает на публикации в «Правде» статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин (предложение XII съезду партии)», в которой тесно связывает два вопроса: о конструкции ЦК РКП(б) (в том числе и регламенте работы) и о политической системе в целом (соотношении властных государственных и партийных структур), предлагая установить контроль над решениями (и подготовкой материалов к ним) Политбюро со стороны реформированной ЦКК, усиленной НК РКИ: «Я думаю, что нам следует… окончательно превратить пленумы ЦК в высшие партийные конференции, собираемые раз в два месяца при участии ЦКК. А эту ЦКК соединить на указанных ниже условиях с основной частью реорганизованного Рабкрина. […] Тогда можно будет (и должно) завести более строгий и ответственный порядок подготовки заседаний Политбюро, на которых должно присутствовать определенное число членов ЦКК…»[11]. Опубликованная 25 января 1923 г. статья Ленина вызвала не только шквал откликов в партийной прессе, но и инициировала пересмотр статуса Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК.

Историография темы значительна, укажем на исследования, вводящие в научный оборот новые и остроумно интерпретирующие известные документы. Основные сюжеты внутрипартийной борьбы в 1922–1923 гг. (в связи с развитием партийного аппарата) изучены И.В. Павловой и О.Г. Назаровым; источниковый и историографический аспекты ленинского «Завещания», взаимоотношения членов Политбюро ЦК раскрыты В.А. Сахаровым; становление аппарата ЦК РКП(б) и его место в политической системе России изучено С.А. Павлюченковым; оппозиция, ее документы и деятельность представлены К.В. Скоркиным[12]. С.С. Войтиков акцентировал внимание читателя на планах В.И. Ленина «по возврату реального центра власти в советское правительство», по «установлению обратного контроля – советского правительства над большевистским руководством»[13].

---

[8] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 329.

[9] В.А. Сахаров считает, что диктовки В.И. Ленина были предназначены секретарю ЦК И.В. Сталину, который познакомил с ними Л.Д. Троцкого. (Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М., 2003).

[10] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С.343.

[11] Подробнее см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С.384–386.

[12] Павлова И.В. Механизм сталинской власти: становление и функционирование. 1917–1941. Новосибирск, 1993; Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа М., 2000; Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М., 2003; Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции 1917–1929 гг. М., 2008; Скоркин К.В. Обречены проиграть (власть и оппозиция, 1922–1934). М. , 2011.

[13] Войтиков С.С. «Как нам реорганизовать Рабкрин»... // Вопросы истории. 2014. №6. С. 59–71. Нужно отметить, что в этой статье введены в научный оборот материалы организационной секции на XII съезде РКП(б).

Данная публикация выпадает из историографического ряда, поскольку объектом ее внимания является реформа и конструирование органов ЦК, столкновение взглядов членов ЦК (прежде всего, Политбюро) на статус и режим работы Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК. Вопросы взаимоотношения ЦК и СНК, высших партийных и государственных органов (ставшие особо актуальными в указанный период) затрагиваются лишь постольку, поскольку они связаны с регламентированием функционирования и организации ЦК РКП(б).

Зимой–весной 1923 г. В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев последовательно предложили свое видение функционирования и структурирования ЦК РКП(б), распределение полномочий между пленумом, Политбюро, Оргбюро, Секретариатом ЦК и ЦКК. 25 января 1923 г. Политбюро поручило Секретариату внести предложения о распределении функций между пленумом, Политбюро, Оргбюро и Секретариатом (док. № 14). 29 января поступают предложения от Сталина о распределении функций между пленумом, Политбюро, Оргбюро и Секретариатом ЦК (док. № 15), которые обсуждаются на Политбюро 2 февраля (док.16). Тут же создается безымянный регламент работы Политбюро, основанный на ленинских предложениях (док. № 18). 10 февраля Зиновьев предлагает обширный проект о разделении труда между членами Политбюро (док. № 19), против чего 15 февраля выступает Троцкий: «Думаю также, что, если все члены Политбюро будут наблюдать за какими–либо ведомствами, то советские вопросы будут еще чаще вноситься в Политбюро, чем ныне. Главный недостаток работы Политбюро в том, по–моему, что Политбюро слишком мало занимается чисто партийными вопросами»[14].

В январе–феврале 1923 г., когда некогда безусловный лидер ЦК РКП(б), Ленин, оказался болен и уходил с политического поля, в Политбюро разгорелась борьба за первенство в партийной иерархии и связанное с ним новое понимание конструирования партийной власти и ее соотношения с советской. Представляется, что столкнулись две фигуры: Зиновьев (занимавшийся вопросами партийного строительства) и Сталин (руководивший аппаратом Политбюро и контролирующий аппарат ЦК РКП). Они оба выступили единым фронтом против Троцкого.

Один из этапов «битвы» за новое конструирование ЦК РКП(б) проходил на февральском 1923 г. пленуме ЦК, начавшим целенаправленную борьбу с Троцким. 21 февраля 1923 г. пленум ЦК РКП(б) принимает обширный «Проект реорганизации и улучшения работы центральных учреждений партии», подготовленный Зиновьевым (док. № 20) за основу (док. № 21). 22 февраля Троцкий уточняет взгляды на реформу ЦК, высказанные им 13 января (док. № 22). 24 февраля пленум принимает постановление по организационному вопросу, определив порядок заседаний и полномочия пленума, Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК (док. № 25).

В марте–апреле 1923 г. вопрос о реформе центральных партийных органов и их соотношении с центральными советскими органами вновь стал ареной политических сражений. Обсуждение реформы политической системы стихийно перенеслось на страницы «Правды» и закончилось принятием на XII съезде РКП(б) резолюции по организационному вопросу. Впрочем, в 1923–1924 гг. проекты реформирования ЦК и его органов вновь получили новое решение.

Все постановления пленумов, Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК передаются по чистовому варианту протоколов, разночтения с черновиком – в подстрочных примечаниях. Список присутствующих передается не полностью: указываются лишь те участники заседания, которые принимали участие в голосовании. Все постановления приводятся не в два столбца (как в чистовом протоколе заседаний), а в строчку. Графы «Слушали» и «Постановили» не воспроизводятся. Вписанные (или зачеркнутые) части

[14] Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927 / Редактор–составитель Ю.Г. Фельштинский. М.: Терра, 1990. Т. 1. С. 25.

текста указываются в подстрочных примечаниях. Авторские подчеркивания в машинописи передаются полужирным шрифтом, подчеркивания читателя или делопроизводителя передаются графически. Расшифровка сокращений и сокращения текста, проведенные публикаторами, передаются в квадратных скобках […].

Публикация подготовлена по гранту РГНФ № 16-01-00247.

Публикацию подготовили доктора исторических наук М.В. ЗЕЛЕНОВ и А.А. ЧЕРНОБАЕВ, кандидат исторических наук Н.Ю. ПИВОВАРОВ.

№ 1
Служебная записка секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова заведующему Бюро Секретариата ЦК РКП(б) А.М. Назаретяну о необходимости систематического собирания наиболее важных документов советских органов

23 июля 1922 г.

т. Назаретян!

Из опыта составления отчетов Цека пришел к след[ующему] выводу:

Нужно завести порядок систематического[a] **собирания** советских решений, являющихся фактически оформлениями важнейших (только важнейших) решений Цека. Напр[имер], Цека решает дать ответ Гааге или Польше, НКИНДел опубликовывает соответствующую ноту. Нужно собрать эти ноты, или декреты или т. п. При отчетах это крайне важно для справок.

Мне кажется, это нужно иметь и для текущей работы Цека – под руками[1].

В. Молотов

В левом нижнему углу синим карандашом: «т. К[аннеру]. Для исполнения. Иметь в трех экз[емплярах] для секретарей. А. Н[азаретян]».

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 27. Л. 157–157 об. Рукопись простым карандашом на листе из рабочего блокнота секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова. Подчеркивание синим карандашом; Там же. Л. 156. Машинописная копия 1950–1960-х годов.

№ 2
Протокольное постановление Ст 47/78 Секретариата ЦК РКП(б) (XI созыв) (опросом) «О работе Секретариата»[2]

16 августа 1922 г.

Протокол № 47 заседания Секретариата ЦК от 17/VIII–1922 года

Присутствуют: секретари ЦК т.т. Сталин, Куйбышев.

78. О работе Секретариата.

---

[a] *Вписано над строкой.*

78. а) Ограничить прием у т. Сталина двумя днями в неделю: вторником и средой от 12 до 3 часов.

б) Обязать т. Сталина проводить время за городом с вечера четверга до вечера понедельника.

в) Еженедельное заседание Секретариата перенести с пятницы на среду.

г) Еженедельное совещание завотделами перенести с четверга на вторник.

д) Установить прием у т. Куйбышева ежедневно за исключением четверга и воскресенья от 12 до 3 часов дня.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 362. Л. 8. Машинопись. Чистовой вариант протокола, заверенный секретарем ЦК В.В. Куйбышевым.

№ 3
Заявление кандидата в члены Политбюро М.И. Калинина в секретариат Политбюро ЦК РКП(б) о записи опозданий на заседания Политбюро

21 августа 1922 г.

В секретариат Политбюро ЦК (РКП)

Заявление

В протоколе Политбюро в № 22 записано мое опоздание на полчаса[3]. Я вынужден констатировать, что записываются лишь мои опоздания[4].

Примеры[:] т. Рыков пришел в одно с[о] мной время, [но] не значится в числе опоздавших.

С коммунист[ическим] привет[ом],

М. Калинин

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 23. Л. 34. Рукопись простым карандашом на листе из рабочего блокнота председателя ВЦИК РСФСР.

№ 4
Протокольное постановление П 24/5 Политбюро ЦК РКП(б) (XI созыв) «Заявление секретаря ЦК т. Сталина о поздней присылке некоторыми учреждениями материалов к заседаниям Политбюро»

31 августа 1922 г.

Протокол № 24 заседания Политбюро ЦК РКП от 31 августа 1922 г.

Присутствовали: члены Политбюро т.т. Каменев, Троцкий, Рыков, Томский, Зиновьев, Калинин (кандидат), Сталин.

5. Заявление секретаря ЦК т. Сталина о поздней присылке некоторыми учреждениями материалов к заседаниям Политбюро.

5. Довести до сведения всех учреждений, что те из них, которые не представят материалов в Секретариат ЦК до 4–х часов дня[а] накануне заседания, не могут рассчитывать на постановку вопросов в Политбюро[5].

[а] *В черновом варианте вписано над строкой.*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 310. Л. 2. Машинописная копия 1926 г. Чистовой вариант протокола; Там же. Оп. 163. Д. 293. Л. 6. Рукопись на бланке-карточке. Черновой вариант протокола (пункт 5 воспроизведен в кн.: Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Т. 1. М., 2000. С. 15).

№ 5
Протокольное постановление П 26/13 Политбюро ЦК РКП(б) (XI созыв) «О подтверждении Постановления Политбюро от 2 февраля 1922 г. о порядке обжалования во ВЦИК»[6]

14 сентября 1922 г.

Протокол № 24 заседания Политбюро ЦК РКП от 14 сентября 1922 г.

Присутствовали: члены Политбюро т. т. Каменев, Сталин, Рыков, Томский, Калинин (кандидат).

13. О подтверждении пост[ановления] П/Б от 2.II.22 г. о порядке обжалования во ВЦИК (т. Рыков)[7].

13. Подтвердить постановление Политбюро от 2.II. с/г. о том, что передаче дел во ВЦИК должно предшествовать решение ЦК, дополнив его следующим:

Народные комиссары и их заместители, имеющие на то право, могут опротестовать во ВЦИК постановление СНК без предварительного их внесения в ЦК только при наличии согласия на это председателя СНК или его заместителя.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 312. Л. 3. Машинописная копия 1926 г. Чистовой вариант протокола; Там же. Оп. 163. Д. 295. Л. 22. Рукопись на бланке–карточке. Черновой вариант протокола.

№ 6
Протокольное постановление П 32/16 Политбюро ЦК РКП(б) (XI созыв) «О порядке предоставления материалов в Политбюро»[8]

19 октября 1922 г.

Протокол № 32 Политбюро ЦК РКП от 19.X.1922 г.

Присутствовали: [a–]члены Политбюро: т.т. Зиновьев, Калинин, Каменев, Ленин, Молотов, Сталин, Томский, Троцкий[–a].

16. О порядке предоставления материалов в Политбюро (т. Сталин).

16. Во изменение прежнего постановления[9] установить, что материалы для внесения на повестку Политбюро должны присылаться в секретариат Политбюро[10] не позже 12 ч. дня накануне заседания.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 318. Л. 4. Машинописная копия 1926 г. Чистовой вариант протокола; Там же. Оп. 163. Д. 301. Л. 34. Рукопись на бланке-карточке.

[a–a] *В черновом варианте*: Ленин, Каменев, Сталин, Троцкий, Молотов, Томский. Присутствующие (добавить) Радек, Сольц, Зиновьев, Калинин. Пополнили ли Вы список присутствующих? [*одно слово не разобр.*] пришел Сокольников, Зиновьев, Калинин.

№ 7
Протокольное постановление Ст 66/36 Секретариата ЦК РКП(б) (XI созыв) «О повестке дня заседаний Оргбюро и Секретариата»

26 октября 1922 г.

Протокол заседания № 66 Секретариата ЦК РКП(б) от 26-го октября 1922 года.

Присутствовали: члены Секретариата ЦК т.т. Куйбышев, Молотов, Сталин. Кандидат в члены Секретариата тов. Зеленский[11].

36. О повестке дня заседаний Оргбюро и Секретариата (тов. Бубнов).

36. Предложить секретариату Оргбюро рассылать повестки дня заседаний Оргбюро и Секретариата всем членам Оргбюро и зав. отделами ЦК не позже 4-х часов дня заседания.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 382. Л. 5. Машинопись. Чистовой вариант протокола, заверенный секретарем ЦК В.В. Куйбышевым.

№ 8
Протокольное постановление Ст 71/73 Секретариата ЦК РКП(б) (XI созыв) «О контроле над исполнением постановлений ЦК»

16 ноября 1922 г.

Протокол заседания № 71 Секретариата ЦК РКП(б) от 16-го ноября 1922 года.

Присутствовали: члены Секретариата ЦК: т.т. Зеленский, Куйбышев, Молотов.

73. О контроле над исполнением постановлений ЦК (т. Назаретян).

73. 1) Во изменение постановления Оргбюро от 18/IV–с.г. возложить контроль над своевременным исполнением постановлений:

а) Политбюро – на т. Назаретяна.

б) Оргбюро – на т. Васильевского.

в) Секретариата – на т. Тронина.

2) Представить Васильевскому и Тронину право присутствовать на заседаниях Оргбюро и Секретариата.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 387. Л. 9. Машинопись. Чистовой вариант, заверенный секретарем ЦК В.В. Куйбышевым.

№ 9
Из правил внутреннего распорядка Секретариата ЦК РКП(б)

20 ноября 1922 г.

ПРАВИЛА
внутреннего распорядка Секретариат ЦК РКП(б-ов)*

* Дополнение к нормальным правилам внутреннего распорядка (*Прим. документа – Публ.*).

1. Прием партийных сотрудников в Секретариат ЦК производится исключительно через Учетно-Распределительный Отдел ЦК (путем откомандирования при удостоверении), а ответственных работников по постановлениям Секретариата или Оргбюро ЦК.

2. Беспартийные лица принимаются в Секретариат ЦК только отделением Личного состава через Биржу труда, при обязательном условии представления каждым поступающим 2–х рекомендаций членов РКП (б-ов).

3. Прием рабочих и служащих, указанных в п.п. 1 и 2 оформляется распоряжением (приказом) по Управлению Делами, копии указанных распоряжений в отпечатанном виде объявляются и рассылаются для сведения и руководства по отделам ЦК. [...]*[12]

Замуправделами ЦК *Мещеряков.*

Завед[ующий] отд[елением] личн[ого] сост[ава] *Лазукин*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 299. Л. 263, 263об. Типографский экз.

№ 10
Протокольное постановление (опросом) Ст 73/33 Секретариата ЦК РКП(б) (XI созыв) «О днях приема секретарей ЦК»[13]

23 ноября 1922 г.

Протокол № 73 заседания Секретариата ЦК РКП от 23-го ноября 1922 года

33. О днях приема секретарей ЦК.

33. Во изменение постановления Оргбюро от 2/XI–с.г. прием у Секретарей ЦК установить по 2 раза в неделю по следующим дням:

Понедельник – тов. Сталин.

Вторник – тов. Молотов.

Среда – тов. Сталин.

Четверг – тов. Куйбышев.

Пятница – тов. Молотов.

Суббота – тов. Куйбышев.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 389. Л. 6. Машинопись. Чистовой вариант протокола, заверенный секретарем ЦК В.В. Куйбышевым.

№ 11
Положение о распределении обязанностей помощников секретаря ЦК И.В. Сталина

[Ноябрь–декабрь 1922 г.][14]

Распределение обязанностей пом. секретарей т. Сталина[15].

І. т. Назаретян. Руководство работой пом[ощник]ов аппаратом Бюро Секретариата, непосредственное руководство работой технического Секретариата Политбюро (подготовка повестки, материалов, контроль исполнения и т. п.). Общее

наблюдение за исполнением всех решений ЦК, непосредственное руководство работой Шифрбюро. Ведение особо важной секретной переписки. Дела НКИД.

II. т. Товстуха. Заместительство т. Назаретяна. Разбор и распределение почты. Подготовка материалов для закрытых писем ЦК, корректура их, рассылка и наблюдение за получением на местах и возвращением. Разработка закрытых писем секретарей губкомов (районы Сибирь, Кавказ, окраины). Вопросы национальностей и дела НКНаца. Просмотр партийной прессы центральной и местной.

III. т. Каннер, т. Мехлис. Техническое руководство аппаратом Бюро Секретариата. Ознакомление, разработка, сводки и доклады по вопросам практики советской и профессиональной работы по материалам (проток[олам], постановл[ениям], циркулярам, приказам и т. п.) ВЦИК, СНК, СТО (т.т. Каннер и Мехлис).

ВСНХ, НКПО, НКЗ, НКПрод, НКФ, Госбанк, Центрсоюз, НКВТ, Комвнуторг, Обл. ЭКОСО, Госплан, Концессионкомитет (т. Каннер).

ВЦСПС, НКЮ, Верхтриб, НКВД, ГПУ, ЦСУ, Главархив, НКТруд, НКП и Т, НКВоен, НКЗдрав, НКСобез, НКПрос, НКРКИ (т. Мехлис).

Постоянный просмотр соответствующей периодической печати.

IV. т. Граскин. Разработка закрытых писем секретарей губкомов. Сводки ГПУ, МГО, ПУРа и т. п. Разработка материалов Коминтерна, Профинтерна, КИМ. Обзор партийной и советской провинц. прессы.

Штампы: Штамп: секретного архива ЦК ВКП(б).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 316. Л. 41. Машинопись.

Опубл.: Павлова И.В. Механизм сталинской власти: становление и функционирование. 1917–1941. Новосибирск, 1993. С.?).

№ 12
Положение об организации работы секретариата секретаря ЦК В.В. Куйбышева

[1922, ноябрь–декабрь][16]

1. Прием у секретаря ЦК тов. Куйбышева происходит ежедневно исключительно от 12 до 3 часов дня.

2. Доклады помсекретаря тов. Куйбышеву производятся ежедневно от 11 до 12 час. дня.

3. От 3 до 4 чесов дня делают доклады заведующие отделами в следующем порядке: понедельник – заведующий Агитпропом, вторник – Орготделом, среда – Женотдел, четверг – Комсомол, пятница – Учраспред и суббота – Управление делами.

4. Работа между пом[ощниками] Секретаря распределяется следующим образом:

ВАСИЛЬЕВСКИЙ – сношения с отделами (Агитотдел, Орготдел, Женотдел, Комсомол и Учраспред), предварительный просмотр всех материалов, посещение заседаний, наблюдение за выполнением отделами директив и указаний.

ТРОНИН – сношение с Управделами, комиссия содействия, финансовая комиссия, штатная комиссия, заведывание приемом и просмотр общей почты.

ШАВЕР – кооперативное совещание, сношение с местами, просмотр всех газет и журналов, письма секретарей.

Штамп: секретного архива ЦК ВКП(б).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 316. Л. 40. Машинопись.

№ 13
Предложение члена Политбюро Л.Д. Троцкого членам Политбюро ЦК РКП(б) о реформе ЦК РКП(б) и создании Совета партии

13 января 1923 г.
Секретно

ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО

По поводу плана значительного расширения Центрального Комитета[17] хочу высказать некоторые предварительные соображения.

Очень опасаюсь, что расширением практически руководящего центра партии до 50 человек мы рискуем лишить этот центр необходимой оформленности и устойчивости. А эта сторона дела не менее важна, чем тесная связь центра с широкими партийными массами.

Практическое руководство окажется по необходимости в руках Политбюро и Оргбюро. До сих пор Съезд по существу выбирал именно Политбюро и Оргбюро плюс еще некоторое дополнительно количество товарищей[18].

При выборах же 50 членов ЦК вопрос о действительно руководящей группе (Политбюро и Оргбюро) останется неопределенным. При разногласиях в Политбюро открывается не только возможность апелляции к полному составу ЦК, но и «искушение» изменить состав Политбюро новыми выборами, дополнительными выборами, заменами отдельных членов Политбюро и пр. К нужно прибавить, что вряд ли удастся хоть раз созвать всех 50 членов ЦК на пленарное заседание. Чаще всего некоторая часть членов будет отсутствовать – в одном случае одни, в другом другие. Это опять-таки открывает возможность колебаний в ту или другую сторону и создает опасность неустойчивости повседневного политического и организационного руководства партии.

Какой же выход?

Думаю, что Политбюро и Оргбюро в совокупности, т. е. подлинное рабочее ядро ЦК, практически руководящий центр партии, должно выбираться на Съезде. Это, примерно человек 15; может быть, с заместителями человек 17–19. Кроме того, Съезд же выбирает Совет партии, в состав которого входят все члены ЦК и кандидаты, члены ЦКК и десятка два особо избранных членов Совета, по возможности от областей и мест. В каком отношении эти два (а может быть и более) десятка выбранных членов Совета будут стоять в ЦКК – вопрос особый. Может быть, все они должны числиться в распоряжении ЦКК и ЦК для обследования, разборов конфликтов и пр., и пр. Это вопрос особый. Но самое существенное это то, что члены ЦК, плюс кандидаты, плюс члены ЦКК, плюс 2–3 десятка от обла-

стей и мест составляют вместе Совет партии, который проверяет всю работу ЦК и дает ему директивы, обязательные для ЦК, но не может переизбирать ЦК.

В случае, если Совет приходит к выводу, что ЦК не соответствует своему назначению, или что внутренние отношения в ЦК принимают характер, угрожающий интересам партии, Совет может постановить созвать экстренный Съезд партии в определенный срок, и может быть, Совету должно быть предоставлено право поручить созыв экстренного Съезда не самому ЦК, а особому бюро, выбранного Советом (разумеется, в том крайнем случае, когда Совет сочтет себя вынужденным пойти на такую исключительную меру).

Преимущества этого плана: ЦК остается определенным, оформленным и устойчивым. Съезд знает, какой группе работников он поручает непосредственное руководство партии. Члены этого руководящего центра (Политбюро и Оргбюро) не могут в случае разногласий впадать в искушение в смысле изменения состава Политбюро и Оргбюро через многочисленный и потому неоформленный Пленум. С другой стороны, право давать ЦК директивы и право самостоятельно созывать экстренный съезд в случае недовольства Центральным Комитетом остается в руках широкого Совета в 50–70 членов, тесно связанных с местами и с массами.

Насколько помню, т. Рыков выдвигал в прениях сходный в некоторых отношениях проект. После размышлений я склоняюсь к тому, чтобы сохранить ЦК вполне оформленным и непосредственно избираемый Съездом и в то же время подчинить его – в указанных выше пределах – Совету партии.

Не считаю ни в коем случае свои предложения окончательными, но мне кажется, что такое разрешение вопроса обещает более удачно сочетать обе стороны задачи: иметь строго оформленный и дееспособный ЦК и в то же время обеспечить тесную и постоянную связь с партийными массами и организационный контроль над ним партийного общественного мнения.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 509. Л. 58–59. Машинопись (2-й экз.).

№ 14
Протокольное постановление П 45/5 Политбюро ЦК РКП(б) (XI созыв) «О Секретариате ЦК, Оргбюро, Политбюро и Пленуме»[19]

25 января 1923 г.

Протокол № 45 заседания Политбюро ЦК РКП от 25.I.1923 г.

Присутствовали: члены Политбюро т.т. [a–]Бухарин (кандидат), Каменев, Калинин (кандидат), Молотов (кандидат), Рыков, Сталин, Троцкий, Томский[–a].

5. О Секретариате ЦК, Оргбюро, Политбюро и Пленуме (т. Троцкий).

5. Поручить Секретариату ЦК собрать и систематизировать все уже существующие постановления, касающиеся точного распределении функций Плену-

[a–a] *В черновом варианте*: Каменев, Калинин (кандидат), Троцкий, Томский, Молотов (кандидат), Сталин, Бухарин (кандидат), Рыков.

ма ЦК, Политбюро, Оргбюро и Секретариата, а также внести в Политбюро свои предложения[а] о более правильном их распределении.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 331. Л. 2. Машинописная копия 1926 г. Чистовой вариант протокола; Там же. Оп. 163. Д.314. Л. 9. Рукопись на бланке-карточке. Черновой вариант протокола.

№ 15
Предложения Генерального секретаря ЦК РКП(б) И.В. Сталина о распределении функций между Пленумом ЦК, Политбюро, Оргбюро и Секретариатом ЦК РКП(б)

29 января 1923 г.

[б]**Проект тов. Сталина**

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ СЕКРЕТАРИАТА О РАСПРЕДЕЛЕНИИ ФУНКЦИЙ МЕЖДУ ПЛЕНУМОМ ЦК, ПОЛИТБЮРО, ОРГБЮРО И СЕКРЕТАРИАТОМ ЦК[б].

1. Расширить состав ЦК до 50 человек с привлечением новых, выдвинувшихся на практической партийной и хозяйственной работе товарищей, главным образом рабочих (директоров, руководителей областных организаций, наиболее авторитетных членов национальных компартий и пр.). Это необходимо не только для обеспечения прочной связи с местами, но и для того, чтобы облегчить дело формирования новых кадров политических руководителей из числа пока еще мало опытных, но достаточно выдвинувшихся товарищей.

2. 23[-й] и 24[-й] параграфы Устава о ЦК оставить без изменения, вставив фразу об экстренных заседаниях Пленума и добавив, что в промежутках между съездами основное политическое и организационное руководство партии остается за ЦК. Без этого добавления функции Пленума ЦК остаются неясными.

3. Параграф 25-й Устава изменить таким образом:

Для руководства текущей политической работой ЦК выделяет Политбюро в составе семи членов ЦК, обязывая его существенно важные политические вопросы передавать на разрешение Пленума ЦК, очередного и экстренного, смотря по обстановке. Это изменение умаляет права Политбюро в пользу Пленума ЦК. Оно необходимо, так как без такого изменения расширение состава ЦК теряет смысл.

4. Для руководства общей организационной работой ЦК выделяет Организационное Бюро из семи членов ЦК.

5. Для ведения текущей организационной и исполнительской работы, а также для подготовки материалов по вопросам, подлежащим обсуждениям Пленума, Политбюро и Оргбюро, ЦК выделяет постоянно работающий Секретариат из трех членов ЦК.

6. Для предварительного просмотра вопросов, поступающих на повестку Оргбюро или Секретариат ЦК, и направления их в одно из этих учреждений при

[а] *В черновом варианте далее зачеркнуто:* для.

[б–б] *Подчеркивания красными чернилами.*

Секретариате создается Совещание заведующих отделами ЦК под председательством одного из секретарей ЦК.

7. Секретариат распределяет партийные силы не свыше губернского типа. Единогласно принятые решения Секретариата, не опротестование в течение 48 часов с момента вручения протоколов заседания ни одним из членов Оргбюро, считаются постановлениями Оргбюро.

8. Оргбюро распределяет партийные силы не свыше областного типа. Состав Облбюро ЦК, ЦК национальных компартий и краевых комитетов может быть изменен Оргбюро ЦК лишь с санкции Политбюро.

9. Работники общереспубликанского типа распределяются Политбюро по представлению Оргбюро[20].

10. Решения Оргбюро опротестовываются в Политбюро, решения Секретариата – в Оргбюро, причем в обоих случаях решения исполнением приостанавливаются.

11. Решения Политбюро могут быть опротестованы в Пленум ЦК без права приостановки исполнением.

/ЗЕМ/

На первом листе сверху по центру красными чернилами: **«т. Сталину».**

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 9. Л. 48–49. Машинопись. Опубл.: Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927 / Редактор-составитель Ю.Г. Фельштинский. М., 1990. Т. 1. С. 19–20 по заверенной машинописной копии с подписью Л.Д. Троцкого как документ его авторства.

№ 16
Протокольное постановление П 47/2 Политбюро ЦК РКП(б) (XI созыв) «Предложение Секретариата ЦК о ЦК и его органах» [21]

2 февраля 1923 г.

Протокол № 47 заседания Политбюро ЦК РКП от 2.II.1923 г.

Присутствовали: члены Политбюро т.т. Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий.

2. Предложение Секретариата ЦК о ЦК и его органах (т. Сталин).

2. [a]Признать необходимым[a] на каждом заседании Политбюро устраивать краткий обмен мнений по вопросам, затронутым в предложении Секретариата. Выпустить вовремя «Дискуссионный листок»[22].

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 333. Л. 1. Машинописная копия 1926 г. Чистовой вариант протокола; Там же. Оп. 163. Д. 316. Л. 3. Рукопись на бланке-карточке. Черновой вариант протокола.

[a–a] *В черновом варианте вписано над строкой.*

№ 17
Протокольное постановление П 48/2 Политбюро ЦК РКП(б) (XI созыв) «О размножении типографским способом материалов к заседаниям Политбюро»

8 февраля 1923 г.

Протокол № 48 заседания Политбюро ЦК РКП от 8.II.1923 г.

Присутствовали: члены Политбюро т.т. Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий[а].

Кандидаты: т.т. Молотов, Калинин, Бухарин[б].

2. О размножении типографским способом материалов к заседаниям Политбюро (предложение т. Зиновьева).

2. Поручить Секретариату ЦК все (за исключением небольших[в]) вносимые в Политбюро документы размножать типографским способом.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 334. Л. 1. Машинописная копия 1926 г. Чистовой вариант протокола; Там же. Оп. 163. Д. 317 Л. 4. Рукопись на бланке-карточке. Черновой вариант протокола.

№ 18
Проект регламента работы Политбюро ЦК РКП(б)

[Февраль–март 1924 г.]

1. Дни заседаний.

Заседания Политбюро, посвященные текущей политической работе, происходят по четвергам с 12 и никак не позже 4–х часов, а заседания, посвященные вопросам хозяйственным, финансовым и др., а также отчетам Наркоматов и других учреждений – по понедельникам в те же часы, причем нерассмотренные в четверг вопросы переносятся на очередное заседание в понедельник; соответственно указанному распределению работы Политбюро, повестка составляется таким образом, чтобы в четверг слушались вопросы партийные, дипломатические, внешней торговли и концессионные, а в понедельник – все остальные.

2. Порядок внесения вопросов.

В целях очищения повестки от вопросов не абсолютно настоятельных и требующих или допускающих предварительное решение в советском или партийном порядке, Секретариат ЦК при рассмотрении и утверждении повестки строго руководствуется правилом, что в Политбюро советский вопрос может быть внесен только при наличии факта исчерпания всех способов разрешения его в советском порядке в случаях невозможности для высшей советской инстанции, и при наличии указанных условий Секретариат ЦК может направить вопрос на предварительное или окончательное решение Оргбюро.

[а] *Только в чистовом варианте.*

[б] *Только в чистовом варианте.*

[в] *В черновом варианте далее зачеркнуто:* документов.

3. О дополнительных вопросах.

Дополнительные вопросы могут вноситься только в начале заседания и лишь при следующих условиях:

а) в случае абсолютной неотложности (особенно вопросы дипломатические),

б) лишь в письменной форме,

в) лишь в тех случаях, если нет протеста со стороны хотя бы одного из членов Политбюро.

Последнее условие относительно неопротестования вносимых вне повестки вопросов может быть игнорировано лишь только по отношению к вопросам дипломатическим, которые никакого отлагательства терпеть не могут.

4. Порядок представления и рассылки материалов.

Все вопросы, вносимые в Политбюро, должны быть изложены письменно, должны содержать самое краткое изложение сути вопроса, а в случаях разногласий – опровержение точки зрения противника, а равно и **точного текста предлагаемой резолюции Политбюро**, причем все указанные материалы за исключением особо конспиративных документов, присылаемых только в одном экземпляре. Должны присылать в Секретариат Политбюро в 30 экз. не позже чем за 48 часов до очередного заседания для рассылки их вместе с повесткой членам и кандидатам Политбюро и заинтересованным учреждениям и лицам не позже чем за 24 часа до заседания для ознакомления.

Примечание: Наиболее важные большие материалы и доклады – отчеты, ведомств размножаются Секретариатом Политбюро типографским способом.

На первом листе слева сбоку красными чернилами: «Пб/ар[хив] Мехлис». *На втором листе внизу позднейшая запись делопроизводителя простым карандашом*: «[1924 г.]».

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 9. Л. 105–106. Машинопись.

№ 19
Предложения члена Политбюро ЦК РКП(б) Г.Е. Зиновьева в Секретариат ЦК РКП(б) о разделении труда между членами Политбюро ЦК РКП(б)[23]

10 февраля 1923 г.

О разделении труда среди членов Политбюро[24].

В Секретариат ЦК.

Тов. Сталину.

Необходимо ввести, хотя бы очень суммарное, разделение труда среди членов Политбюро. Некоторые крупные отрасли работы, как известно, руководятся непосредственно членами Политбюро. Таковы: Президиум ВЦИК, Реввоенсовет республики, Коминтерн, ВЦСПС. И это есть сильная сторона в работе Политбюро. Но есть целый ряд областей крайне важной работы, во главе которой стоят товарищи, не являющиеся не только членами Политбюро, но и членами ЦК вообще. Таковы: Наркоминдел, Наркомвнешторг, Кооперация, ВСНХ и т. п. достаточно

взять, как пример, даже Наркоминдел, чтобы необходимость разделения труда стала ясной. Вопросам Наркоминдела Политбюро уделяет сравнительно много внимания, но и в этой области работы вопросы становятся теперь настолько многочисленными и сложными, что, безусловно, необходимо, чтобы один или два члена Политбюро следили бы за этими вопросами специально. Я не сомневаюсь в том, что даже самые важные письма тов. Чичерина и другие документы Наркоминдела в настоящее время читаются далеко не всеми членами Политбюро – по той простой причине, что на это не может хватать времени. Необходимо, чтобы один или два члена Политбюро **были обязаны** читать все материалы по этому вопросу и, таким образом, были бы по ним больше в курсе дела, чем остальные члены Политбюро. То же относится к ряду других вопросов.

Думается также, что было бы весьма полезно, если бы члены Политбюро имели хоть один день в неделе (несколько часов) для приемов выезжающих товарищей. Само собою понятно, что вся деловая работа должна быть по-прежнему сосредоточена в Секретариате. Но я слышал из уст очень многих самых ответственных работников сетования на то, что они лишь в порядке частном могут обратиться к тому или другому члену Политбюро. Может быть, опять было бы целесообразнее установить, по согласию с Секретариатом ЦК, такие приемы. При этом, конечно, можно было бы иметь в виду отрасли работы, отдельные части федерации и т. п. во всяком случае, в виде опыта я предлагал бы это сделать.

[a]Кроме того, желательно придать самой повестке П[олит]бюро несколько **плановый** характер. Например: мы могли бы, примерно, раз в месяц ставить на повестку **общий** доклад того или иного ведомства (наркомата и пр.), имеющего в данное время особое значение для республики[a].

Само собою понятно, я вполне отдаю себе отчет в том, что это разделение труда может быть, как я уже и сказал, только самое суммарное. Но и оно принесет пользу.

Если ЦК одобрит этот план в основе, специальной комиссии или Секретариату не трудно будет установить конкретный план[25].

С коммунистическим приветом

Г. Зиновьев

На первом листе сверху по центру красными чернилами: «№23036/с 3.III.23 г.»

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 9. Л. 51–53. Машинопись. Подпись-автограф красными чернилами.

№ 20
Предложение члена Политбюро ЦК РКП(б) Г.Е. Зиновьева «Проект реорганизации и улучшения работы центральных учреждений партии»

[15–21 февраля 1923 г.]

ПРОЕКТ РЕОРГАНИЗАЦИИ И УЛУЧШЕНИЯ РАБОТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПАРТИИ.

[a–a] Вписано Г.Е. Зиновьевым красными чернилами внизу страницы.

1. Пленум ЦК.

На Съезде выбирается прежнее число членов (27) и кандидатов (15).

На Пленумах ЦК, кроме 27 членов с решающим голосом, регулярно присутствуют с совещательным голосом: а) 15 кандидатов, б) 5 представителей ЦКК и в) по одному представителю от следующих губкомов: Петербургского, Московского, Ивано-Вознесенского, Харьковского, Нижегородского, Бакинского, Екатеринбургского, Донецкого (Луганск) и двух губкомов крестьянских губерний (всех представителей губкомов 10 человек). Таким образом, все число участников Пленума равно 57 чел., из них 27 с решающим и 30 – с совещательным голосом. Возможен вариант: губкомы, имеющие право послать своих представителей на Пленум, чередуются по определенному списку, составляемому либо на самом Съезде, либо ЦК-ом.

Пленум ЦК собирается регулярно не реже одного раза в два месяца. Каждый Пленум определяет дату следующего Пленума, которая может быть изменена лишь в исключительных случаях. Сессия Пленума по правилу продолжается 2–3 дня, дабы Пленум имел возможность серьезно обсудить ряд вопросов. Все коренные вопросы разрешаются сессиями Пленума. В особенности, в течение последних 2–3 недель перед очередной сессией Пленума, Политбюро обязано все коренные вопросы, разрешение коих терпит отлагательство, систематически переносить на повестку Пленума.

2. Политбюро.

Политбюро по-прежнему выбирается Пленумом ЦК в составе не более 7 членов и 3 кандидатов.

На заседаниях Политбюро имеет право присутствовать Президиум ЦКК в полном составе с совещательным голосом. Эти три товарища получают все документы Политбюро, получаемые самими членами Политбюро.

Требовать перенесения какого-либо вопроса с Политбюро на Пленум имеют право: а) Президиум ЦКК, б) любые три члена Пленума ЦК, в) каждый член Политбюро. В случае опротестования в указанном порядке того или другого решения Политбюро, решение это не приостанавливается только в том случае, если Политбюро особым постановлением берет на себя специальную ответственность перед ближайшим Пленумом ЦК по этому вопросу.

В работе Политбюро проводится принцип разделения труда (см. по этому поводу мое специальное письмо в Секретариат ЦК, вероятно, уже разосланное всем членам ЦК[26]).

3. Оргбюро.

На заседаниях Оргбюро, кроме приглашаемых сейчас товарищей, должны присутствовать еще: а) Президиум ЦКК, или ее специальные представители, б) три представителя губкомов по особому списку губкомов (что касается представителей губкомов, то приглашение их можно совместить с уже практикующимся теперь вызовом секретарей губкомов для регулярных докладов; важно, однако, чтобы эти представители губкомов не только докладывали в Оргбюро о своей организации, но присутствовали бы с совещательным голосом на всем заседании Оргбюро или на 2–3-х его заседаниях).

В остальном работа Оргбюро, взаимоотношения Оргбюро и Политбюро, взаимоотношения Оргбюро и Секретариата правильно разрешаются уже разосланным проектом тов. Сталина.

4. ЦКК.

Съезд выбирает 35 членов ЦКК, из которых в Москве постоянно работают не менее 5 товарищей. Функции ЦКК расширяются в духе предложений тов. Ленина. ЦКК не только контролирует работу соответствующих партийных организаций, но и получает полномочия государственных контролеров по специальной инструкции, вырабатываемой Рабкрином совместсно с Президиумом ЦКК и утверждаемой ЦК партии. Члены ЦКК, работающие на местах, являются председателями соответствующих губернских[а] контрольных комиссий. Функции губернских[б] контрольных комиссий также соответственно расширяются.

Пленарные собрания ЦКК по правилу происходят каждые два месяца и приноравливаются к Пленуму ЦК (непосредственно **перед** Пленумом ЦК). Президиум ЦКК имеет право постоянного контроля[в] над работой ЦК, Политбюро, Оргбюро и Секретариата. Каждое очередное заседание Пленума ЦКК имеет право поставить в порядок дня Пленума ЦК тот или другой вопрос. Президиум ЦКК состоит из трех человек. На заседание Пленума ЦК, кроме этих трех человек, присылаются еще два представителя ЦКК. ЦК партии делегирует в пленарное заседание ЦКК 2–3–х своих представителей.

5. Всероссийская конференция.

Всероссийская конференция созывается не один, а два раза в год, как это было ранее. Все 35 членов ЦКК присутствуют на Всероссийской Конференции с решающим голосом.

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 506. Л.16–26. Машинопись на бланке председателя Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала с пометами Г.Е. Зиновьева.

№ 21
Протокольное постановление П 11/5 Пленума ЦК РКП(б) (XI созыв) «Организационный вопрос»[27]

21 февраля 1923 г.

Протокол № 11 заседания Пленума ЦЕКА РКП от 21/II–23 года.

Присутствовали: члены ЦК т.т. Троцкий, Зиновьев, Калинин, Дзержинский, Радек, Томский, Рыков, Рудзутак, Куйбышев, Андреев, Раковский, Петровский, И.Н. Смирнов, Орджоникидзе, Ворошилов, Ярославский, Зеленский, Сапронов, Коротков, Молотов, Чубарь, Каменев, Сталин, Фрунзе, Сокольников (после перерыва).

5. Организационный вопрос (присутств[ует] т. Каганович)

5. а) Предложенный т. Зиновьевым проект реорганизации и улучшения работы центральных учреждений партии принять за основу.

(голосовали: за – 20, против – 5).

[а] *вписано чернилами над строкой.*

[б] *вписано чернилами над строкой вместо зачеркнутого*: местных

[в] *Подчеркнуто синим карандашом и на полях поставлен знак вопроса.*

б) Признать необходимым расширение состава ЦК (за – 17, против – 7, воздержался – 1).

в) Число членов ЦК установить в 35 человек (принято большинством 13-ти чел.).

г) Центр[альную] Контр[ольную] комиссию сохранить и расширить (п. 4-й проекта).

(за – 20, против – 5).

д) Вопрос о числе членов ЦКК и все остальные поправки передать в комиссию в составе т. т. Зиновьева, Сталина, Троцкого, Томского, Фрунзе, Рудзутак, Сольца и Молотова, которой поручить окончательную[а] разработку[б] тезисов с докладом Пленуму ЦК.

е) Тезисы не публиковать до предварительного сообщения их т. Ленину. В случае требования последнего о пересмотре вопроса, созвать экстренный Пленум.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 88. Л. 2. Машинопись. Чистовой вариант протокола, заверенный секретарем ЦК И.В. Сталиным; Там же. Л. 9–9 об. Рукопись на бланке-карточке рукой М.И. Гляссер. Черновой вариант протокола.

№ 22
Из обращения члена Политбюро ЦК РКП(б) Л.Д. Троцкого к членам Пленума ЦК РКП(б) «К проекту реорганизации и улучшения работы Центральных учреждений партии»

22 февраля 1923 г.
Совершенно секретно

ЧЛЕНАМ ПЛЕНУМА ЦЕКА

К ПРОЕКТУ РЕОРГАНИЗАЦИИ И УЛУЧШЕНИЯ РАБОТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПАРТИИ

[...] II. ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ РЕОРГАНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ПАРТУЧРЕЖДЕНИЙ.

5. Цека должен сохранить свою строгую оформленность и способность к быстрым решениям. Поэтому дальнейшее расширение его не имеет смысла. Оно ввело бы в Цека лишь некоторое дополнительное количество центровиков (преимущественно «генерал-губернаторов»), очень мало увеличивая таким образом связь с массами. Между тем, расширение состава Цека и установление новых, более сложных отношений между Политбюро и Пленумом грозит нанести чрезвычайный ущерб точности и правильности работ Цека.

6. С другой стороны, не менее важно для Цека находиться в постоянной, а не периодической только связи с «низами» и со всем советским аппаратом и иметь вокруг себя постоянное живое и активное партийное «окружение», которое, с одной стороны, придавало бы Цека живой опыт мест и «низов» и силой этого живого

[а] *Вписано над строкой.*

[б] *Далее зачеркнуто*: т[езисы] предло[жений].

опыта оказывало бы на Цека необходимое давление (в случае необходимости – «объединительное» давление), а с другой стороны, само это «окружение» близкой связью с работой Цека и участием в этой работе поднималось бы на более высокую советскую и партийную ступень и подготовляло бы смену ЦК. Главными функциями этого «окружения» должны быть инспекционные, контрольные, инструкционно-воспитательные и карательные – под углом зрения партии, проникающей собою советский аппарат и опускающей свои щупальцы в глубину городских и деревенских низов. [...]

III. МОИ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

8. Цека создается в составе Политбюро, Оргбюро и Секретариата с небольшим, может быть, дополнительным количеством членов или кандидатов. Таким образом, Цека как таковой несколько сокращается по сравнению с нынешним и, во всяком случае, не расширяется. Взаимоотношения Политбюро, Оргбюро и Секретариата Цека определяются более точно на основании уже имеющегося опыта.

9. Съезд выбирает до 75–ти членов ЦКК из рабочих и крестьян с серьезным партийным стажем и пригодных для партийно-контрольной и советско-контрольной работы под руководством Президиума ЦКК.

Президиум избирается в количестве 7-9 высокого во всех отношениях стажа, т. е. работников примерно цекистского типа.

Основной задачей работы Президиума ЦКК и 75-ти инспекторов (или членов ЦКК) является обеспечение во всех отношениях партийной линии как внутри самой партии, так и в советской работе.

ПРИМЕЧАНИЕ: Поскольку в своей инспекционной работе указанного типа ЦКК перемыкается с Рабкрином, необходимо согласование их работы. Оно может быть достигнуто вхождением части Президиума ЦКК в коллегию Рабкрина и части Каркомрабкрина в Президиум ЦКК, а также двойными мандатами инспекторов.

10. Цека имеет право (по соглашению с ЦКК) пользоваться членами ЦКК для инспекционных и других задач.

11. Каждые два месяца собирается центральное пленарное совещание в составе Цека, Президиума ЦКК и инспекторов. Это совещание имеет право требовать полного отчета от Цека и Президиума ЦКК во всех областях их работы.

Решения этой широкой коллегии имеют сами по себе совещательный характер и входят в законную силу только по утверждении их Центральным Комитетом.

Правильная подготовка пленарных совещаний лежит на ЦК по соглашению с Президиумом ЦКК.

12. Устанавливается правильное присутствие и совещательное участие в работах Политбюро, Оргбюро и Секретариата, членов ЦКК по назначению ее Президиума.

* * *

Эти предложения, представляющие лишь беглый набросок, сделанный между двумя заседаниями, касаются лишь вопросов, поставленных статьей тов. Ленина. Дополнительные организационные вопросы, выдвинутые тов. Зиновьевым, я пока оставляю без рассмотрения.

Л. Троцкий

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 509. Л. 92–95. Машинопись. Подпись – факсимиле. Опубл.: Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927 / Редактор-составитель Ю.Г. Фельштинский. М., 1990. Т. 1. С. 30–32.

№ 23
Протокольное постановление П 13/1 Пленума ЦК РКП(б) (XI созыв) «Заявление т. Троцкого в связи с организационным вопросом»

22 февраля 1923 г.

Протокол № 13 вечернего заседания[а] Пленума ЦК от 22 февраля 1923 г.

Присутствовали: члены ЦК т.т. Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Дзержинский, Радек, Томский, Рыков, Рудзутак, Калинин, Молотов, Раковский, Петровский, И.Н. Смирнов, Орджоникидзе, Фрунзе, Андреев, Ворошилов, Ярославский, Сокольников, Сапронов, Чубарь, Коротков, Куйбышев, Зеленский[6]. Кандидаты: т.т. Михайлов, Шмидт, Сулимов, Пятаков, Киселев, Лобов, Рахимбаев.

1. Заявление т. Троцкого в связи с организационным вопросом.

1. а) Исключить из тезисов по организационному вопросу первую фразу (о «двоецентрии»[28]).

б) Предложить комиссии, созданной Пленумом 21/II с. г. по организационному вопросу, закончить свою работу и внести доклад до окончания текущего Пленума ЦК[29].

Пометы: На черновом варианте в строке материалы №№ красными чернилами: материал передан на Пленум. В колонке «слушали» красными чернилами внизу: 23703/с.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 90. Л. 1. Машинопись, заверенная секретарем ЦК И.В. Сталиным. Чистовой вариант протокола; Там же. Л. 3. Рукопись на бланке-карточке рукой М.И. Гляссер. Черновой вариант протокола.

№ 24
Из протокольного постановления П 15/4 Пленума ЦК РКП(б) (XI созыв) «Доклад комиссии, назначенной Пленумом, по разработке тезисов по организационному вопросу»

24 февраля 1923 г.

Протокол №15 заседания Пленума ЦЕКА от 24/II–1923 года.

Присутствовали: т.т. Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Дзержинский, Томский, Рыков, Рудзутак, Молотов, Куйбышев, Андреев, Раковский, Петровский, Орджоникидзе, Фрунзе, Ворошилов, Ярославский, Сокольников, Сапронов, Чубарь, Коротков, И.Н. Смирнов, Радек.

[а] *Далее зачеркнуто*: Политбюро.

[6] *Зеленский вписан только в чистовой вариант протокола.*

4. Доклад комиссии, назначенной Пленумом для разработки тезисов по организационному вопросу (т. Зиновьев).

4. Утвердить [а–]в целом[–а] постановление Комиссии со следующими поправками:

Раздел I (реорганизация и улучшение работы центральных учреждений партии) в п. 1 (Пленум ЦК) число ЦК – 40 человек, кандидатов – 5 человек.

Второй абзац подпункт «б» восстановить слово «Президиума».

Добавить фразу: «Допускается совместительство кандидатов в члены ЦК с членством в ЦКК;[б] при вхождении в ЦК в качестве члена кандидат выходит из состава ЦКК».

4-й абзац – «созыв экстренного Пленума происходит по постановлению Политбюро или по требованию **одной четверти** членов Пленума».

В п. 2-м (Политбюро) выбросить фразу: «Эти три товарища получают все документы Политбюро, получаемые самими членами Политбюро». Вместо этого вставить: «Новому ЦК поручается разработать вопрос о снабжении документами Политбюро членов ЦК, не входящих в состав Политбюро, а равно и[в] Президиума ЦКК». Выбросить фразу: «Решения Политбюро могут быть опротестованы в Пленуме ЦК без права приостановки исполнения».

В п. 3 (Оргбюро) вставить в начале: «Оргбюро состоит из 7-ми членов и 3-х кандидатов».

Слова «присутствовать на всем заседании» заменить «совещательного голоса на заседании».

После слов «решение Оргбюро опротестовываются» вставить «членами ЦК».

В п. 4-м (ЦКК) – выбросить слово «узловых»; слово «смычка» заменить «связь».

После слов «Съезд выбирает 35 членов ЦКК» выставить «преимущественно».

В п. 5-м (Всероссийская конференция) слово «решающим» заменить «совещательным».

Пункт 8-ой (о распределении партийных сил») исключить из тезисов, приняв особым постановлением Пленума. [...]

[...] Принять особым постановлением[г]:

I. Желательно расширить круг ответственных работников, имеющих право знакомиться с закрытыми письмами ЦК. Оргбюро поручается выработать по этому поводу конкретный проект и внести его на утверждение Политбюро.

2. Пленум поручает Секретариату при участи ЦКК и РКИ теперь же наметить кандидатов в члены ЦКК с надлежащим партийным стажем и практической подготовкой.

3. Пленум поручает Оргбюро составить совещание из представителей ЦКК и РКИ и 2–3-х персонально намечаемых товарищей (под председательством члена ЦК) с заданием: разработать к следующему Пленуму план предварительных

[а–а] *В черновом варианте вписано над строкой.*

[б] *В черновом варианте далее зачеркнуто*: с тем, что, входя в ЦК.

[в] *В черновом варианте далее зачеркнуто*: членов.

[г] *В черновом варианте далее*: (списать): XX *(крестики обведены в кружок).*

мероприятий по реорганизации Рабкрина и ЦКК и установлению взаимоотношению между ними.

4. Пленум постановляет поставить особым пунктом порядка дня съезда партии организационные вопросы[30].

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 92. Л. 2–3. Машинопись. Чистовой вариант протокола, заверенный секретарем ЦК И.В. Сталиным; Там же. Л. 11–12 об. Рукопись на бланке-карточке рукой М.И. Гляссер. Черновой вариант протокола.

№ 25
Из постановления Пленума ЦК РКП(б) по организационному вопросу

24 февраля 1923 г.

Постановления Пленума ЦК по организационному вопросу

1.

Реорганизация и улучшение работы центральных учреждений партии[а].

1. **Пленум ЦК**.

На Съезде выбирается 40 членов ЦК и 5 кандидатов. Расширение происходит с целью ввести новых членов в ЦК, главным образом из числа местных работников[б], наиболее связанных с партийной массой.

На Пленумах ЦК, кроме 40 членов с решающим голосом, присутствуют с совещательными голосами: а) кандидаты в члены ЦК и б) члены Президиума ЦКК.

Допускается совместительство кандидатов в члены ЦК с членством в ЦКК; при вхождении[в] в ЦК в качестве члена кандидат выходит из состава ЦКК.

Пленум ЦК собирается регулярно не реже одного раза в два месяца. Каждый Пленум определяет дату следующего Пленума, которая может быть изменена лишь в исключительных случаях совместным постановлением Орг. и Политбюро. Пленум продолжается 2–3 дня, дабы иметь возможность серьезнейшего обсуждения ряда очередных вопросов. Все наиболее коренные вопросы ставятся на разрешение Пленума. В особенности, в течение последних 2–3 недель перед очередной сессией Пленума Политбюро обязано все коренные вопросы, разрешение коих терпит отлагательство, систематически переносить на повестку Пленума. Подготовка Пленумов должна быть более тщательна, чем до сих пор. Все материалы, по крайней мере по важнейшим вопросам, к предстоящему Пленуму должны своевременно рассылаться всем членам ЦК. На каждом Пленуме Политбюро представляет отчет о своей деятельности за истекший период.

Созыв экстренного Пленума происходит по постановлению Политбюро или по требованию одной четверти членов Пленума.

[а] *В «Правде» постановление опубликовано под заголовком:* «Предложение ЦК РКП по улучшению Центральных партийных и советских учреждений (Настоящие предложения будут внесены на съезд в связи с организационным отчетом ЦК)».

[б] *Далее в «Правде» предложение изменено*: В особенности рабочих, наиболее связанных с пролетарскими массами.

[в] *В «Правде»*: вступлении.

2. Политбюро.

Политбюро [а–]по-прежнему[–а] выбирается Пленумом ЦК в составе не более 7 членов и 3[б] кандидатов.

На заседаниях Политбюро, кроме членов ЦК, имеют право присутствовать три постоянных представителя ЦКК из состава президиума последней. Новому ЦК поручается разработать вопрос о снабжении документами Политбюро членов ЦК, не входящих в Политбюро, а равно и Президиум ЦКК[в].

3. Оргбюро.

Оргбюро состоит из 7 членов и 3[г] кандидатов.

На заседаниях Оргбюро присутствуют три представителя ЦКК. Приезжающие с докладами секретари Губкомов имеют право совещательного голоса на заседаниях Оргбюро. Члены Областных Бюро ЦК Краевых Комитетов также имеют право присутствовать на заседаниях Оргбюро.

Решения Оргбюро опротестовываются членами ЦК в Политбюро; решения Секретариата – в Оргбюро; причем в обоих случаях решения исполнением приостанавливаются.

4. ЦКК.

Разделение труда между парторганами и государственными органами (в духе постановления XI Съезда РКП), разумеется, необходимо, но без малейшего ущерба для руководящей роли партии. Для того же, чтобы партия не на словах, а на деле могла осуществлять направляющее руководство государственными и хозяйственными органами, нужно, чтобы в таких центральных пунктах, каким [д–]должен стать реорганизованный госконтроль[–д], создана была наиболее тесная организационная связь между руководящими органами государственного и партийного контроля.

Съезд выбирает 35[е] членов ЦКК преимущественно из рабочих и крестьян с серьезнейшим партийным стажем и пригодных для партийно-контрольной и советско-контрольной работы под руководством ЦКК. Функции ЦКК расширяются. Президиум ЦКК избирается в количестве [ж-]5–7[-ж] товарищей высокого во всех отношениях стажа, т. е. работников примерно цекистского типа. Основной задачей работы ЦКК является обеспечение во всех отношениях партийной линии как внутри самой партии, так и в советской работе. Президиум ЦКК совместно с Рабкрином вырабатывает специальную инструкцию относительно работы ЦКК, утверждаемую ЦК партии[з].

Пленарные собрания ЦКК по правилу происходят каждые два месяца непосредственно перед Пленумом ЦК.

[а–а] *В «Правде»* отсутствует.

[б] *В «Правде»*: 4

[в] *В «Правде» далее*: Новому ЦК поручается принять ряд необходимых мер для улучшения работы политбюро в области планового руководства со стороны политбюро государственными и, в частности, хозяйственными органами.

[г] *В «Правде»*: 4.

[д–д] *В «Правде»:* должна стать реорганизованная РКИ.

[е] *В «Правде»:* 50.

[ж–ж] *В «Правде»:* 9.

[з] *В «Правде» далее*: нарком РКИ является членом президиума ЦКК.

ЦК партии делегирует в пленарное заседание ЦКК своих представителей с совещательным голосом.

Свои предложения относительно замены руководящих работников на местах и в центре, необходимых изменениях в хозработе и пр. ЦКК через свой Президиум вносит в ЦК партии, в Пленум, Полит– и Оргбюро, соответственно характеру вопросов[а].

5[б]. Всероссийская конференция.

На Всероссийской конференции все 35[в] членов ЦКК присутствуют с совещательным голосом. Уставное положение Конференции остается прежним, т. е. ее решения подлежат утверждению ЦК.

6[г]. Совещания Орг и Политбюро.

Примерно один раз в месяц желательно устраивать совместное совещание Орг. и Политбюро для обсуждения наиболее важных организационных внутрипартийных вопросов.

7[д]. Собрания ответственных работников.

После каждого Пленума ЦК желательно устраивать доклады членов ЦК о наиболее важных работах ЦК ответственным работником в столицах и на местах. Желателен более частый выезд членов ЦК (в[е] частности, членов Политбюро) на места. [...]

[...] [ж–]**Особое постановление Пленума.**

1. Желательно расширить круг ответственных работников, имеющих право знакомиться с закрытыми письмами ЦК. Оргбюро поручается выработать по этому поводу конкретный проект и внести его на утверждение Политбюро.

2. Пленум поручает Секретариату ЦК при участии ЦКК и РКП теперь же наметить кандидатов в члены ЦКК с надлежащим партийным стажем и практической подготовкой.

3. Пленум поручает Оргбюро составить совещание из представителей ЦКК, РКИ и 2–3-х персонально намечаемых товарищей (под председательством члена ЦК) с заданием: разработать к следующему Пленуму план предварительных мероприятий по реорганизации Рабкрина и ЦКК и установлению взаимоотношений между ними.

4. Пленум постановляет поставить особым пунктом порядка дня на съезде партии организационные вопросы.

[а] *В «Правде» далее*: 5. Систематическая работа над улучшением госаппарата. Систематическое улучшение госаппарата – подлинная очистка его от бюрократизма, старой казенщины, предание ему действительно советского, социалистического характера – ставится партией на очередь, как центральная задача ближайших лет. Реорганизованный РКИ при поддержке ЦК партии и ЦКК должен энергично и внимательно заняться этой работой, поставив ее широко и планомерно. [Прим.:] Дополнительно в комиссии ЦК в составе т.т. Зиновьева, Дзержинского, Сольца, Шкирятова и Цюрупы к съезду разрабатываются конкретные предложения по вопросу о реорганизации Рабкрина и его взаимоотношения с ЦКК.

[б] *В «Правде»*: 6.

[в] *В «Правде»*: 50.

[г] *В «Правде»*: 7.

[д] *В «Правде»*: 8.

[е] *В «Правде»* а *перед* в.

Распределение партийных сил.

Секретариат ЦК распределяет партийные силы не свыше губернского типа. Единогласно принятое решение Секретариата, не опротестованное в течение 48 часов с момента вручения протоколов заседания ни одним из членов ЦК, считается постановлением Оргбюро.

Оргбюро распределяет партийные силы не свыше областного типа. Состав Областных Бюро ЦК, ЦК национальных компартий и Краевых Комитетов может быть изменен Оргбюро ЦК лишь с санкции Политбюро.

Работники общереспубликанского типа распределяются Политбюро по представлению Оргбюро[ж–ж].

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 92. Л. 5–5об. Типографский экземпляр. Другой вариант постановления частично опубл.: Правда. 1923. 13 апреля (№ 80).

Примечания

[1] Вероятно, именно эта записка послужила импульсом к формированию тематических папок Политбюро, в которых собирались постановления Политбюро и советских органов по тем или иным вопросам.

[2] Выписки были разосланы 16 августа И.В. Сталину и В.В. Куйбышеву, 17 августа – А.М. Назаретяну, В.Н. Васильевскому, В.А. Тронину и Т.А. Словатинской.

[3] Заявление М.И. Калинина было вызвано тем, что в протоколе № 22 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 17 августа 1922 г. списке присутствующих членов Политбюро была сделана запись: «Калинин (кандидат) (с опозданием на ½ часа)» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 308. Л. 1).

[4] Ранее 7 мая 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление «Об опоздании т. Калинина» следующего содержания: «Выразить т. Калинину порицание за опоздание на заседание Политбюро на ½ часа с предупреждением, что в следующий раз будут приняты более суровые меры» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 160. Л. 1). В протоколе № 33 заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 12 мая 1921 г. зафиксировано, что М.И. Калинин пришел с опозданием на 2 часа 12 минут.

[5] Решением Политбюро ЦК РКП(б) от 19 октября 1922 г. порядок предоставления документов был изменен. Теперь материалы к заседаниям Политбюро должны были присылать не позднее 12 часов дня накануне заседания (См. док. № 6).

[6] Выписки были разосланы А.И. Рыкову, М.И. Калинину, В.А. Смольянинову.

[7] Инициатором принятия этого постановления был заместитель председателя СНК А.И. Рыков, обратившийся 12 сентября с письмом № 22281 в Политбюро ЦК РКП(б) с просьбой принять указанное дополнение (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 9. Л. 40).

[8] Выписки были посланы всем наркоматам, СНК, СТО и ВЦИК.

[9] См. док. № 4.

[10] Секретариат Политбюро и секретариат Оргбюро с сентября 1921 г. входили в состав Бюро Секретариата ЦК РКП(б), находившийся с апреля 1922 г. под контролем первого помощника И.В. Сталина А.М. Назаретяна (См.: Исторический архив. 2017. № 1. С.138, 139, 147).

[11] Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о назначении И.А. Зеленского кандидатом в члены Секретариата ЦК РКП(б) было принято только 14 июня 1923 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 360. Л. 5). В ноябре 1922 г. он был кандидатом в члены Оргбюро ЦК РКП(б) (См.

[ж–ж] *В «Правде» этот текст не опубликован.*

постановление пленума ЦК РКП(б) от 3 апреля 1922 г. Опубл.: Исторический архив. 2017. № 1. С. 135).

[12] Публикуемые Правила вводят порядок информирования руководящих сотрудников Секретариата ЦК РКП(б) о всех кадровых перемещениях в аппарате ЦК РКП(б).

[13] Выписки разосланы А.М. Назаретяну, В.Н. Васильевскому, В.А. Тронину, Т.А. Словатинской.

[14] Датируется по содержанию (на основании штатного расписания Бюро Секретариата ЦК РКП(б) и даты начала работы в ЦК Л.З. Мехлиса с 24 ноября 1922 г.).

[15] В выступлении на Организационной секции XII съезда РКП(б) председатель секции научной организации труда при НК РКИ СССР П.М. Керженцев говорил: «Я видел только одно применение научной организации труда – это список в приемной ЦК, в кабинете тов. Сталина, там на двери висела записка, что тов. Товстуха выполняет такие-то и такие-то обязанности, а Назаретян такие-то и такие-то. Это мелочь, но это показывает, что в данной комнате обязанности между работающими в Секретариате точно распределены и известны не только самим работающим товарищам, но и всем, кто приходит в канцелярию. Это чрезвычайно существенный вопрос правильного распределения труда и ответственности, и распределены так, что не только сами работающие знают, что они должны выполнять, но и всякие приходящие. Вот эта небольшая мелочь является однако существенным моментом научной организации труда. И если бы мы пытались применить такую организацию в работе нашей партии в целом, то это было бы чрезвычайно существенно, не только для партии, но и для общей работы по организации госаппарата. К сожалению, я должен сказать, что такого рода записку я видел только на двери тов. Сталина, да и то она висела не так долго. По–видимому, этому небольшому усовершенствованию в ЦК не придается большого значения» (РГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 80. Л. 73).

[16] Датируется по содержанию.

[17] Письмо Л.Д. Троцкого является ответом на «Письмо к съезду» В.И. Ленина, а именно на предложение 22 и 23 декабря 1922 г. увеличить число «членов ЦК до 50, до 100 человек» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345).

[18] По Уставу РКП(б) съезд выбирал ЦК РКП(б), а уже ЦК РКП(б) на своем пленуме избирал Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК РКП(б) . Так, на XI съезде было избрано 27 членов и 19 кандидатов в члены ЦК РКП(б), которые на пленуме ЦК РКП(б) избрали 7 членов Политбюро и 3 кандидата в члены ПБ, 7 членов Оргбюро и 3 кандидата, 3 члена Секретариата ЦК, всего 15 человек (секретари были представлены и в Оргбюро, и в Политбюро ЦК).

[19] Выписки разосланы Секретариату ЦК РКП(б), В.В. Куйбышеву, И.В. Сталину.

[20] Пункты 7, 8, 9 были дословно включены в постановление пленума ЦК РКП(б) от 24 февраля 1924 г.

[21] Выписка была направлена И.В. Сталину.

[22] «Предсъездовский дискуссионный листок» вышел в составе «Правды» 1 марта 1923 г. В нем были опубликованы статьи с обсуждением предложений В.И. Ленина о реформе ЦКК и РКИ.

[23] Предложение Г.Е. Зиновьева было разослано за № 11006/с «Членам Политбюро т.т. Бухарину, Каменеву, Калинину, Ленину, Молотову, Рыкову, Сталину, Томскому, Троцкому и т.т. Куйбышеву и Цюрупе» 14 февраля 1923 г. с сопроводительной запиской: «По поручению тов. Сталина препровождаются Вам для сведения предложения тов. Зиновьева о разделении труда среди членов Политбюро (на 1–м листе)» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 9. Л. 57).

[24] Идея разделения труда имеет свою историю. Еще 29 ноября 1921 г. И.В. Сталин обратился к В.И. Ленину с идентичным предложением (поставить во главе специальных комиссий членов Политбюро (См.: Исторический архив. 2017. № 1. С. 125–126). 10 марта 1922 г. И.В. Сталин и Л.Б. Каменев обратились в Секретариат ЦК РКП(б) (к В.М. Молотову) с просьбой опубликовать тезисы к XI съезду «Об укреплении и новых задачах партии», на-

писанные Г.Е. Зиновьевым, со следующим дополнением: «Признать целесообразным распределение функций между отдельными группами партийных работников и возможное закрепление последних за отдельными отраслями партийно-советско-профессионалистской работы...» (The Trotsky Papers. V.2. 1971. P.686). Тезисы Г.Е. Зиновьева были опубликованы в «Правде» 17 марта 1922 г., и потом этот тезис был включен в резолюцию съезда: «Съезд признает желательным установление более целесообразного разделения труда среди групп наиболее активных членов партии с тем, чтобы товарищи имели возможность более тщательно изучать ту или другую отрасль партийной, профессиональной, советской, хозяйственной и т. п. работы» (XI съезд РКП(б). Протоколы. М., 1936. С. 579–580).

[25] 15 февраля 1923 г. Л.Д. Троцкий откликнулся на предложение Г.Е. Зиновьева: «Насколько я понимаю, дело касается разделения труда в советской власти, а не в партийной. Тогда это будет более или менее равносильно созданию 7 замов: ибо член ЦК, заведующий, или надзирающий, или присматривающий, или наблюдающий данный комиссариат или данную группу комиссариатов, есть зам[еститель] – с функциями, еще менее оформленными, чем у нынешних замов. Все члены Политбюро у нас кое-чем заняты и довольно серьезно. Можно ли им еще дополнительно давать задание по «специализации» в какой-либо отрасли? Сомневаюсь. [...] В общем же думаю, что сейчас вводить реформу несвоевременно, так как до съезда и до нового ЦК осталось уж немного времени». (См.: Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927 / Редактор–составитель Ю.Г. Фельштинский. М., 1990. Т. 1. С. 25).

[26] См. док. № 19.

[27] Выписки посланы Г.Е. Зиновьеву, И.В. Сталину, В.В. Куйбышеву, В.М. Молотову (все пункты), М.П. Томскому, Л.Д. Троцкому, М.В. Фрунзе, Э.Я. Рудзутаку, А.А. Сольцу (пункты в, д).

[28] Имеется в виду создание Совета партии наряду с ЦК партии.

[29] Выписки посланы Л.Д. Троцкому, Г.Е. Зиновьеву, И.В. Сталину, М.П. Томскому, М.В. Фрунзе, Э.Я. Рудзутаку, А.А. Сольцу, В.М. Молотову.

[30] Постановлением того же пленума ЦК РКП(б) (П 15/5) «Об окончательном редактировании тезисов к съезду» было решено «окончательное редактирование всех тезисов... поручить Политбюро на ближайшем заседании с тем, чтобы тезисы... были опубликованы не позже, чем через неделю» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 92. Л. 13).

Указатель имен

Андреев Андрей Андреевич (1895–1971) – член ЦК РКП(б) (апрель 1922 – октябрь 1961), член Оргбюро ЦК (апрель 1922– апрель 1928), председатель ЦК союза железнодорожников (1922–1927).

Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938) – кандидат в члены ЦК (февраль 1922 – май 1924), заведующий Агитационно-пропагандистским отделом (май 1922 – февраль 1924).

Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – член ЦК (март 1918 – январь 1930), ответственный редактор «Правды» (март 1918–январь 1934), кандидат в члены Политбюро (март 1919–май 1924).

Васильевский Владимир Николаевич (1893–1957) – первый помощник секретаря ЦК РКП(б)–ВКП(б) В.В. Куйбышева (с 1922), первый помощник секретаря ЦК В.М. Молотова (1923–1925).

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – член ЦК (март 1921–октябрь 1961), командующий войсками Северо–Кавказского военного округа (1921–1924), член Юго–Восточного бюро (1921–1924), член РВС СССР (1924–1934).

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926) – член ЦК (август 1917–июль 1926), народный комиссар внутренних дел РСФСР (1919–1923), член Оргбюро (август 1921–май 1924), народный комиссар путей сообщения (1921–1923), народный комиссар путей сообщения СССР (1923–1924), член СТО (1923–1926), председатель ОГПУ (1923–1926).

Зеленский Исаак Абрамович (1890–1938) – член ЦК (март 1922 – октябрь 1937), кандидат в члены Оргбюро (апрель 1922 – май 1924), ответственный секретарь Московского губернского комитета (1921–1924).

Зиновьев Григорий Евсеевич (1883–1936) – член ЦК (1917–1927), член Политбюро (1921–1927), председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (1919–1926), председатель Исполнительного комитета Петроградского – Ленинградского губернского Совета (1920–1926).

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) – заведующий Организационно-инструкторским отделом ЦК (июнь 1922 – март 1924), кандидат в члены ЦК РКП(б) (апрель 1923–май 1924).

Калинин Михаил Иванович (1875–1946) – член ЦК (март 1919 – июнь 1946), кандидат в члены Политбюро (март 1919 – декабрь 1925), кандидат в члены Оргбюро (март 1921 – май 1924), председатель ВЦИК (1919–1938), председатель ЦИК СССР (1922–1938).

Каменев Лев Борисович (1883–1936) – член ЦК (март 1919 – ноябрь 1927), член Политбюро (март 1919–декабрь 1925), председатель Исполнительного комитета Московского губернского Совета (1920–1926), заместитель председателя СНК РСФСР (1922–1925), заместитель председателя Совета Труда и Обороны РСФСР (1922–1923), директор–председатель Дирекции Института В.И. Ленина (1923–1926), заместитель председателя СНК СССР (1923–1926), заместитель председателя Совета Труда и Обороны СССР (1923–1924), председатель Совета Труда и Обороны СССР (1924–1926).

Каннер Григорий Иосифович (1897–1938) – заведующий Организационно-инструкторским отделом РКИ (1920–1922), третий помощник секретаря ЦК РКП(б) И.В. Сталина (с мая 1922).

Керженцев Петр Михайлович (1881–1940) – дипломатический представитель РСФСР в Швеции (1921–1923), председатель секции научной организации труда при Народном комиссариате рабоче–крестьянской инспекции СССР (1923–1925).

Киселев Алексей Семенович (1879–1937) – председатель Малого СНК РСФСР (1921–1923), член ЦКК (1923–1925), народный комиссар рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (1923–1924).

Коротков Иван Иванович (1885–1949) – ответственный секретарь Иваново-Вознесенского губернского комитета РКП(б) (1922–1923), член ЦК (март 1922 – 1924), заведующий Организационно-инструкторским отделом ЦК (июль 1923 – 1924).

Куйбышев Валериан Владимирович (1888–1935) – секретарь ЦК и член Оргбюро (апрель 1922–апрель 1923), председатель ЦКК РКП(б) (1923–1927), народный комиссар РКИ РСФСР (1923), народный комиссар РКИ СССР (1923–1926).

Лазукин – заведующий Отделением личного состава Управления делами ЦК РКП(б).

Ленин Владимир Ильич (1870–1924) –член Политбюро ЦК (1917–1924), председатель СНК (1917–1924), председатель Совета Рабочей и Крестьянской Обороны – Совета Труда и Обороны РСФСР (1918–1923), председатель СНК СССР (1923–1924), председатель Совета Труда и Обороны СССР (1923–1924).

Лобов Семен Семенович (1888–1937) – начальник Топливного управления, управляющий Нефтесиндикатом (1921–1923), кандидат в члены ЦК РКП(б) (апрель 1922 – апрель 1923), председатель Северо-Западного промышленного бюро ВСНХ СССР (1923–1926).

Мехлис Лев Захарович (1885–1953) – пятый помощник секретаря ЦК И.В. Сталина (ноябрь 1922 – ноябрь 1924), заведующий Бюро Секретариата ЦК РКП(б)–ВКП(б) (ноябрь 1924 – январь 1926).

Мещеряков Николай Николаевич (1891–1936) – заместитель Управляющего делами ЦК РКП(б) (с июня 1921).

Михайлов Василий Михайлович (1884–1937) – кандидат в члены ЦК (апрель 1922–апрель 1924), член Секретариата Московского губернского комитета РКП(б) (1922–1923), член ЦК (апрель 1923 – 1930), кандидат в члены Оргбюро (апрель 1923 – 1924), кандидат в члены Секретариата ЦК (июнь 1923 – май 1924).

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – член ЦК (1921–1957), секретарь ЦК и член Оргбюро (1921–1930), кандидат в члены Политбюро (1921–1925).

Назаретян Амаяк Макарович (1889–1937) – заведующий Бюро Секретариата ЦК РКП(б) (март 1922 – декабрь 1923), заведующий партийным отделом редакции газеты «Правда» (1923–1924).

Орджоникидзе Георгий Константинович (1886–1937) – член ЦК РКП(б) (1921–1927).

Петровский Григорий Иванович (1887–1958) – председатель Всеукраинского ЦИК (1919–1938), член Политбюро ЦК КП(б) Украины (1920–1938), член ЦК РКП(б) (1921–1939), председатель ЦИК СССР (1922–1938).

Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович (1890–1937) – кандидат в члены ЦК РКП(б) (1921 – март 1923), член Политбюро ЦК КП(б) Украины (1922–1923), председатель Главного концессионного комитета при СНК РСФСР (1923), член ЦК РКП(б) (апрель 1923 – 1927).

Радек Карл Бернгардович (1885–1939) – член ЦК РКП(б) (1919–1924), секретарь Исполкома Коммунистического Интернационала (1920–1924).

Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941) – член ЦК РКП(б) (1919–1927), член Политбюро ЦК КП(б) Украины (1919–1923), заместитель народного комиссара по иностранным делам СССР (1923–1927), дипломатический и торговый представитель СССР в Великобритании (1923–1925).

Рахимбаев Абдулло (1896–1938) – кандидат в члены ЦК РКП(б) (апрель 1922–апрель 1923), член ЦКК (1923–1924).

Рожков Николай Александрович (1868–1927) – историк, политический деятель.

Рудзутак Ян Эрнестович (1887–1938) – член ЦК РКП(б) (1920–1937), председатель Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) (1922–1923), кандидат в члены Оргбюро (апрель 1922 – апрель 1923), секретарь ЦК (апрель 1923 – 1924), кандидат в члены Политбюро ЦК (апрель 1923 – 1926), член Оргбюро (апрель 1923 – 1924).

Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – член ЦК РКП(б) (1920–1934), член Оргбюро (1920–1924), заместитель председателя Совета Труда и Обороны РСФСР (1922–1923), заместитель председателя СНК РСФСР (1921–1924), член Политбюро (апрель 1922 – 1930), заместитель председателя СНК СССР (1923–1924), председатель ВСНХ РСФСР (1923), председатель ВСНХ СССР (1923–1924), заместитель председателя Совета Труда и Обороны СССР (1923–1924).

Сапронов Тимофей Владимирович (1887–1937) – член ЦК РКП(б) (апрель 1922 – апрель 1923), секретарь ВЦИК (1922–1924).

Словатинская Татьяна Александровна (1879–?) – сотрудник Бюро Секретариата, секретного отдела ЦК (1921–1932).

Смирнов Иван Никитич (1881–1936) – кандидат в члены ЦК (март 1921–апрель 1923), ответственный секретарь Петроградского губкома РКП(б) (1921–1922), ответственный секретарь Северо-Западного бюро ЦК РКП(б) (1921–1922), член Президиума ВСНХ РСФСР (1922–1923), народный комиссар почт и телеграфов СССР (1923–1927).

Смольянинов Вадим Александрович (1890–1962) – Управляющий делами СНК РСФСР (1923–1929).

Сокольников Григорий Яковлевич (1888–1939) – член ЦК РКП(б) (апрель 1922 – 1930), народный комиссар финансов РСФСР (1922–1923), народный комиссар финансов СССР (1923–1926).

Сольц Арон Александрович (1872–1945) – член Контрольной комиссии РКП(б), член ЦКК РКП(б) (1920–1934), член Верховного Суда РСФСР (1921–1923), член Президиума ЦКК РКП(б) (1923–1934).

Сталин Иосиф Виссарионович (1878–1953) – член ЦК РКП(б) (1912–1953), член Политбюро ЦК РКП(б)–КПСС (1917–1953), народный комиссар по делам национальностей Российской Советской Республики РСФСР (1917–1923), член Оргбюро ЦК РКП(б) (1919–1952), Генеральный секретарь ЦК РКП(б)–ВКП(б) (апрель 1922 – 1934).

Сулимов Даниил Егорович (1890–1937) – председатель Правления заводов Южного Урала (1920–1922), кандидат в члены ЦК (1921 – март 1923), член ЦК (апрель 1923 – 1937).

Товстуха Иван Павлович (1889–1935) – заместитель заведующего Бюро Секретариата (1921–1924).

Томский Михаил Павлович (1880–1936) – председатель Президиума ВЦСПС (1922–1929), член Оргбюро ЦК (апрель 1922 – 1924), член СТО (1923–1929).

Тронин Владимир Аркадьевич – второй помощник секретаря ЦК РКП(б) В.В. Куйбышева (с 1922).

Троцкий Лев Давидович (1879–1940) – член Политбюро ЦК РКП(б) (1917–1926), народный комиссар по военным делам РСФСР и народный комиссар по морским делам РСФСР (1918 – июль 1923), председатель РВСР–РВС СССР (1918–1925), народный комиссар по военным и морским делам СССР (июль 1923 – 1925), член Оргбюро ЦК (сентябрь 1923 – 1924).

Фотиева Лидия Александровна (1891–1975) – секретарь СНК РСФСР (1918–1923) и СНК СССР (1923–1930).

Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925) – командующий Вооруженными Силами Украины и Крыма–Украинского военного округа (1920–1924), член ЦК (1921–1925), заместитель председателя РВС СССР (1923–1925).

Цюрупа Александр Дмитриевич (1878–1920) – заместитель председателя СТО РСФСР (1921–1923), заместитель председателя СНК РСФСР (1921–1924), народный комиссар РКИ РСФСР (1922–1923), член ЦК РКП(б) (апрель 1923 – 1928), заместитель председателя СНК и Совета Труда и Обороны СССР (1923–1928).

Чубарь Влас Яковлевич (1891–1939) – член Политбюро ЦК КП(б) Украины (1920–1922, 1923–1934), член ЦК РКП(б)–ВКП(б) (1921–1938).

Шавер Мария Абрамовна (1895–1948) – технический секретарь Бюро ЦК–Политбюро ЦК РКП(б) (1917 – декабрь 1922), третий помощник секретера ЦК РКП(б) (с марта 1922 по 1923).

Шмидт Василий Владимирович (1886–1938) – кандидат в члены ЦК (1921 – апрель 1923), кандидат в члены Оргбюро ЦК (май 1921 – март 1922), народный комиссар труда СССР (1923–1928).

Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич) (1878–1943) – член ЦК (1921 – апрель 1923), член Сиббюро (1921–1923), член ЦКК (1923–1934).

«Чтобы рабочие люди, на промыслах находящиеся, состояли в надлежащем повиновении местным властям»

Инструкции жандармским штаб-офицерам на золотых промыслах Западной и Восточной Сибири. 1842 г.

Отечественная историография с начала 1990-х гг. уделяет значительное внимание исследованию российской жандармерии XIX в. – как в контексте истории политического сыска, так и применительно к иным направлениям, больше связанным с задачами общей полиции[1]. Историки обратили внимание на такие специальные задачи жандармских штаб-офицеров в губерниях, как наблюдение в рекрутских присутствиях, исполнение обязанностей комендантов на ярмарках[2]. Меньший интерес вызывает история становления полицейского и, в частности, жандармского надзора на промышленных предприятиях, хотя рабочий вопрос обращал на себя внимание политической полиции с 1830-х гг. Так, обстоятельства учреждения постоянного жандармского наблюдения на золотых приисках Сибири только в недавнее время нашли отражение в научной литературе[3].

Между тем, в 1840-х гг. Сибирь являлась главным золотодобывающим регионом России. В условиях преобладания частной золотопромышленности основной контингент наемных рабочих на сибирских приисках составили ссыльнопоселенцы. Недостаток полицейского надзора приводил к регулярным побегам рабочих, в отдельных случаях социальный протест принимал форму коллективных выступлений[4].

Присутствие полицейских чинов (отдельных заседателей) и казачьих эскадронов не останавливало рабочих от побегов и выступлений. Тревожные сигналы поступали в Санкт-Петербург от сибирского жандармского начальства. В 1839 и 1840 гг. начальник восьмого округа Корпуса жандармов генерал-майор Н.Я. Фалькенберг командировал на прииски Томской и Енисейской губерний двух жандармских чинов. Они выявили ряд

---

[1] См., например: Горяинов В.М. Исторические аспекты деятельности корпуса жандармов Российской империи в XIX – начале XX вв.: дисс. ... к.и.н. Курск, 2001; Коновалов И.А. Сибирский жандармский округ: структура, полномочия и деятельность // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 14 (41). С. 25–34; Романов В.В. Взаимодействие Корпуса жандармов и военных губернаторов в Поволжье в начале 30-х–50-е гг. XX в. // Общество и право. 2007. № 4.

[2] Романов В.В. Функционирование местных подразделений политической полиции в условиях проведения ярмарок в 1825–1860 гг. // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 1. С. 103–111; Бибиков Г.Н. Инструкция жандармам 1827 года по контролю за набором рекрутов // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. VII. М., 2009. С. 24–32.

[3] См.: Бибиков Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2016. № 3. С. 16–24.

[4] См.: Зиновьев В.П. Побеги рабочих Сибири в XVIII в. – первой половине XIX в. // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск, 1992.

злоупотреблений при отводе земель и в организации работ. В марте 1841 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков в отношении к шефу жандармов и главному начальнику III отделения Собственной его императорского величества канцелярии (далее – III отделение) А.Х. Бенкендорфу высказался за «определение для наблюдения собственно за порядком на частных золотых приисках особого благонадежного офицера от Корпуса жандармов»[5]. По докладу шефа жандармов Николай I распорядился назначить на прииски «совершенно надежного штаб-офицера»[6], соответствующий указ был подписан 9 мая 1841 г.[7] В отношении от 10 апреля Бенкендорф просил Горчакова «составить проект инструкции для означенного чиновника, определив в оной подробно круг действий, обязанности и отношения его к тем лицам, с коими он будет иметь дело». Такие же отношения были направлены из штаба Корпуса жандармов главному начальнику горных заводов Уральского хребта В.А. Глинке, министру финансов Е. Ф. Канкрину, управляющему Министерством внутренних дел А.Г. Строганову и Н.Я. Фалькенбергу[8].

Первый проект инструкции был представлен Фалькенбергом в мае 1841 г., но доработка и согласование текста затянулись на год. Основные разногласия вызвал вопрос о подчинении жандармам полицейских чинов и казаков. П.Д. Горчаков настаивал на том, чтобы жандармский штаб-офицер на приисках не принимал «никакого существенного участия в распоряжениях и чтобы обязанность его ограничивалась одними наблюдениями в черте приисков (подчеркнуто в тексте отношения. – *Г.Б.*)[9]». Напротив, министр финансов Канкрин предлагал наделить жандармского офицера широкими полицейскими полномочиями[10]. Однако Бенкендорф принял аргументацию Горчакова и в итоге изъял предложение Канкрина из проекта инструкции, который был окончательно утвержден 16 мая 1842 г.

В течение межведомственной переписки Канкрин также отметил, что назначение штаб-офицера на прииски Восточной Сибири будет не менее полезно «как по обширности и важности тамошних промыслов, так и по значительному числу обращающихся на оных рабочих людей»[11]. Генерал-губернатор Восточной Сибири В.Я. Руперт высказался против, однако позиция Канкрина, чей голос имел значительный вес в вопросах внутренней политики, очевидно, согласовывалась с мнением шефа жандармов, который поспешил представить ее на воззрение императора. Николай I дал согласие, и 9 мая 1842 г. последовал соответствующий именной указ императора, объявленный шефом жандармов управляющему Военным министерством[12].

Специальная секретная инструкция для штаб-офицера на золотых промыслах Восточной Сибири была утверждена 16 ноября 1842 г. Положения двух инструкций в основном совпадали, но жандармский офицер на приисках Восточной Сибири, согласно предложению Канкрина, получил дополнительные полицейские распорядительные полномочия.

---

[5] ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 541. Л. 1.

[6] Там же. Л. 3.

[7] ПСЗ-II. № 14537. 9 мая 1841 г. Именной указ, объявленный шефу жандармов военным министром «О назначении жандармского штаб-офицера для наблюдения за порядком на частных золотых приисках в Сибири».

[8] ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 541. Л. 5об–8.

[9] Там же. Л. 16.

[10] Там же. Л. 31об.–32.

[11] Там же. Л. 32.

[12] ПСЗ-II. № 15621. 9 мая 1842 г. Именной указ, объявленный управляющему Военным министерством шефом жандармов «О назначении особого штаб-офицера Корпуса жандармов для наблюдения за золотыми приисками в Восточной Сибири».

Инструкции были утверждены шефом жандармов Бенкендорфом и носили секретный характер. Жандармский надзор на золотых приисках Сибири существовал до конца XIX в., когда ему на смену пришла горнополицейская стража.

Известный историк и общественный деятель В.И. Семевский при работе над капитальным трудом «Рабочие на сибирских золотых промыслах» обнаружил копию первой инструкции в делах Горного департамента и привел из нее ряд выдержек[13].

Публикуемые ниже документы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фонде штаба Отдельного корпуса жандармов. «Инструкция для штаб-офицера Корпуса жандармов на частных золотых промыслах в Западной Сибири» и «Инструкция для штаб-офицера Корпуса жандармов на частных золотых промыслах в Восточной Сибири» публикуются в современной орфографии с сохранением пунктуации рукописного оригинала.

Публикация подготовлена в рамах поддержанного РГНФ научного проекта № 16-31-01018.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук Г.Н. БИБИКОВ.

№ 1
Инструкция для штаб-офицера Корпуса жандармов на частных золотых промыслах в Западной Сибири

16 мая 1842 г.

1. Штаб-офицер Корпуса жандармов, назначенный для наблюдения собственно за порядком на частных золотых промыслах Западной Сибири в течение зимнего времени должен находиться в г. Томске, с начала же работ и до окончания оных, то есть с 1-го мая по 1-е октября постоянно на золотых промыслах[1].

2. Ему поставляется в непременную обязанность доставлять главному местному начальству[2] и окружному начальнику 8-го округа Корпуса жандармов самые беспристрастные и верные сведения о мере точности исполнения Высочайше утвержденных правил[3]: местной полицией, золотоискателями и рабочими.

3. Наблюдает чтобы рабочие люди на промыслах находящиеся состояли в надлежащем повиновении местным властям.

4. Штаб-офицер обязан, не принимая никакого прямого и деятельного участия в распоряжениях по приискам, ограничиться одними наблюдениями в черте их, руководствуясь в сем случае, как и во всех прочих, общей инструкцией жандармским штаб-офицерам преподанной[4].

5. По прибытии на золотые промыслы он наблюдает, чтобы все находящиеся на оных работники снабжены были узаконенными видами, не имеющих же таковых, указывает местной полиции[5], а о том у кого они найдены и в каком числе доносит генерал-губернатору и начальнику округа.

6. Все лица прибывающие на промыслы, в особенности из числа не принадлежащих к оным, составляют предмет особых наблюдений штаб-офицера.

7. Ему дозволяется принимать жалобы как от хозяев промыслов, так и от их работников, в таком только случае, если оные, по ближайшему его рассмотрению заслуживают внимания правительства. Из сего исключаются просьбы по предмету принадлежности промыслов и по технической части отводов, кои штаб-офицер

[13] Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 1. С. 138.

не должен принимать от просителей, обращая сих последних к тому начальству, до разбирательства коего подобные просьбы, по существующему порядку, относятся. Впрочем штаб-офицер своим лицом не дает хода никаким жалобам, а предоставляет удовлетворение их местной полиции, о действиях сей последней, в случае медленности ее или невнимания, доносит он генерал-губернатору и окружному своему начальнику.

8. Штаб-офицер может быть приглашаем местной полицией к следствиям, в качестве депутата, но не должен в них участвовать, когда самое следствие возникает по его указанию.

9. Он обязан сообщать местной полиции все усмотренные им злоупотребления и беспорядки, и о важнейших из них доносить генерал-губернатору и окружному начальнику.

10. Штаб-офицер, объезжая промыслы по своему усмотрению и оставаясь на оных сколько надобность востребует, обязан, под рукой, сообщать достоверные сведения о содержании и продовольствии рабочих людей там пребывающих, с тем, чтобы о тех хозяевах, которые не довольно внимательны к положению сего класса людей, доносимо было генерал-губернатору и окружному начальнику.

11. Кроме того, он принимает участие, в случае дошедших до него жалоб, в расчете хозяев с работниками и защищает последних от притеснений первых. Действуя впрочем и в сем случае, подобно как и в других, не своим лицом, а чрез местное начальство, согласно 7-му § настоящей инструкции.

12. По истечении года штаб-офицер доставляет подробные донесения о действиях своих по промыслам генерал-губернатору Западной Сибири и окружному начальнику 8-го округа Корпуса жандармов.

ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 541. Л. 49–52об.

№ 2
Инструкция для штаб-офицера Корпуса жандармов на частных золотых промыслах в Восточной Сибири

16 ноября 1842 г.

1. Штаб-офицер Корпуса жандармов, назначенный для наблюдения, собственно, за порядком на частных золотых промыслах Восточной Сибири в течение зимнего времени должен находиться в городах Красноярске или Иркутске, где по усмотрению его будет это необходимо, с начала же работ и до окончания оных, то есть с 1-го мая по 1-е число октября постоянно на золотых промыслах.

2. Ему поставляется в непременную обязанность доставлять главному местному начальству и окружному начальнику 8-го округа Корпуса жандармов самые беспристрастные и верные сведения о мере точности исполнения Высочайше утвержденных правил местной полицией, золотоискателями и рабочими.

3. Наблюдает, чтобы рабочие люди на промыслах находящиеся состояли в надлежащем повиновении местным властям. В случае если будут отряжены воинские команды на золотые промыслы, то оные подчиняются штаб-офицеру и состоят в продолжение работ в непосредственном его распоряжении.

4. Штаб-офицер обязан, не принимая никакого прямого и деятельного участия в распоряжениях по приискам, ограничиться одними наблюдениями в черте их, руководствуясь в сем случае, как и во всех прочих, общей инструкцией жандармским штаб-офицерам преподанной.

5. По прибытии на золотые промыслы он наблюдает, чтобы все находящиеся на оных работники снабжены были узаконенными видами, не имеющих же таковых, указывает местной полиции, а о том, у кого они найдены и в каком числе доносит генерал-губернатору и начальнику округа.

6. Все лица, прибывающие на промыслы, в особенности, из числа не принадлежащих к оным, составляют предмет особых наблюдений штаб-офицера, который, сверх того, по окончании расчетов и при возвращении рабочих в свои жительства, наблюдает и требует от местных полиций, чтобы отнюдь не было дозволяемо им предаваться пьянству и распутству в селениях, чрез которые будут проходить; но чтобы они отправлялись немедленно в те селения, к которым приписаны. При этом, однако же, поставляется в обязанность штаб-офицеру иметь в виду соблюдение откупных условий, дабы откупщики не имели повода приносить жалоб на нарушение оных и отыскивать убытков.

7. Ему дозволяется принимать жалобы как от хозяев промыслов, так и от их работников, в таком только случае, если оные, по ближайшему его рассмотрению заслуживают внимания правительства. Из сего исключаются просьбы по предмету принадлежности промыслов и по технической части отводов, кои штаб-офицер не должен принимать от просителей, обращая сих последних к тому начальству, до разбирательства коего подобные просьбы, по существующему порядку, относятся. Впрочем штаб-офицер своим лицом не дает хода никаким жалобам, а предоставляет удовлетворение их местной полиции, о действиях сей последней, в случае медленности ее или невнимания, доносит он генерал-губернатору и окружному своему начальнику.

8. Штаб-офицер может быть приглашаем местной полицией к следствиям, в качестве депутата, но не должен в них участвовать, когда самое следствие возникает по его указанию.

9. Он обязан сообщать местной полиции все усмотренные им злоупотребления и беспорядки и о важнейших из них доносить генерал-губернатору и окружному начальнику.

10. Штаб-офицер, объезжая промыслы по своему усмотрению и оставаясь на оных сколько надобность востребует, обязан, под рукой, сообщать достоверные сведения о содержании и продовольствии рабочих людей там пребывающих, с тем, чтобы о тех хозяевах, которые не довольно внимательны к положению сего класса людей, доносимо было генерал-губернатору и окружному начальнику.

11. Кроме того, он принимает участие, в случае дошедших до него жалоб, в расчете хозяев с работниками и защищает последних от притеснений первых, – действуя, впрочем, и в сем случае, подобно как и в других, не своим лицом, а чрез местное начальство, согласно 7-му § настоящей инструкции.

12. Ему назначается, на основании положения о Корпусе жандармов, Высочайше утвержденного в 1 день июля 1836 года два писаря для составления отчетов о золотых приисках и переписки бумаг, с содержанием, штатом сего корпуса определенным.

13. Во время нахождения на приисках штаб-офицеру сему назначается 8 пеших жандармов из Красноярской жандармской команды для употребления: 1-е, на розыски между рабочими безбилетных людей, 2-е, на дознание секретным образом о содержании рабочих, о способах употребления их на работе и не похищается ли золото, и, 3-е, для наблюдения при окончательном расчете рабочих с хозяевами.

14. По истечении года штаб-офицер доставляет подробные донесения о действиях своих по промыслам генерал-губернатору Восточной Сибири и окружному начальнику 8-го округа Корпуса жандармов.

ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 542. Л. 46–51об.

Примечания

[1] Один из рукописных списков позволяет определить авторство отдельных пунктов инструкций (ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 541. Л. 33–38об.). В «Инструкции для штаб-офицера Корпуса жандармов на частных золотых промыслах в Западной Сибири» первый и четвертый пункты предложены П.Д. Горчаковым; второй, восьмой и девятый пункты – П.Д. Горчаковым и Н.Я. Фалькенбергом; пятый и шестой пункты – Н.Я.Фалькенбергом, а седьмой пункт – Е. Ф. Канкриным. Третий пункт инструкции воспроизводит текст указа Николая I от 9 мая 1841 г. «О назначении жандармского штаб-офицера для наблюдения за порядком на частных золотых приисках в Сибири». В «Инструкции для штаб-офицера Корпуса жандармов на частных золотых промыслах в Восточной Сибири» дополнения к третьему пункту и тринадцатый пункт предложены Е. Ф. Канкриным, а дополнения к шестому пункту – Н.Я. Фалькенбергом.

Горчаков Петр Дмитриевич (1789–1868) – военный и государственный деятель, генерал-губернатор Западной Сибири в 1836–1850 гг.

Канкрин Егор Францевич (1774–1845) – государственный деятель, министр финансов в 1823–1844 гг.

Фалькенберг Николай Яковлевич – генерал-майор, в 1841 г. начальник VII (сибирского) округа Корпуса жандармов.

[2] Имеется в виду генерал-губернатор Западной Сибири.

[3] Речь идет о «Положении о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири» 1838 г.

[4] Имеется в виду секретная инструкция жандармским штаб-офицерам, которая была составлена в сентябре 1826 г. и действовала до 1860-х гг. Текст инструкции см.: Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1. М., 1997. С. 473–474. Инструкция предписывала обратить особое внимание «на могущие произойти без изъятия во всех частях управления и во всех состояниях и местах злоупотребления, беспорядки и закону противные поступки», «наблюдать, чтобы спокойствие и права граждан не могли быть нарушены чьей-либо властью».

[5] С 1833 г. охраной порядка на приисках заведовали чины земской полиции – отдельные заседатели, в помощь которым отряжались казачьи эскадроны.

«Уничтожить же совершенно обычай обмена подарками я не решился»

Письмо туркестанского генерал-губернатора Н.О. Розенбаха министру иностранных дел Н.К. Гирсу. 1888 г.

Проблеме управления национальными окраинами Российской империи посвящена значительная по объему исследовательская литература. Крушение СССР, становление новых государств на постсоветском пространстве, непростые отношения России с некоторыми бывшими союзными республиками, а ныне суверенными государствами – все это стимулирует дополнительный исследовательский интерес к этой проблеме. В 2000-е гг. в отечественной историографии появились работы, авторы которых с новых методологических позиций попытались заново осмыслить национальную политику российского самодержавия и специфику государственного управления национальными окраинами[1]. В этой связи первостепенное значение приобретает дальнейшее расширение источниковой базы для подобных исследований. Серьезным достижением на этом направлении стало издание книги «Туркестан в имперской политике России», в которую составители включили свыше 250 документов из Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз), а также архивов России и Казахстана[2]. Ту же самую цель – расширение источниковой базы по истории управления окраинами – преследует публикация письма туркестанского генерал-губернатора Николая Оттоновича Розенбаха[3] российскому министру иностранных дел Николаю Карловичу Гирсу.

Туркестанское генерал-губернаторство было образовано в 1867 г. в ходе присоединения Средней Азии к России. В 1886 г. оно было преобразовано в Туркестанский край. Тогда же было разработано и принято Положение об управлении Туркестанским краем (июнь 1886 г.), закрепившее военно-административную систему управления. Туркестанский генерал-губернатор, как и все прочие генерал-губернаторы и наместники окраин империи, назначался на должность и смещался императором, но при этом непосредственно подчинялся Военному министерству[4].

В административном отношении к 1888 г. в состав края входили три области – Сырдарьинская, Ферганская и Самаркандская[5] – во главе которых стояли военные губернаторы. По положению об управлении Туркестанским краем генерал-губернатор был наде-

---

[1] Соколов В.В. Туркестанский край в составе Российской империи. Вторая половина XIX в.–февраль 1917 г.: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2002; Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004; Центральная Азия в составе Российской империи / Под ред. С.Н. Абашина, Д.Ю. Арапова, Н.Е. Бекмахановой. М., 2008 и др.

[2] Туркестан в имперской политике России: монография в документах / Отв. ред. Т.В. Котюкова. М., 2016.

[3] Н.О. Розенбах являлся третьим по счету генерал-губернатором Туркестанского края (после К.П. Кауфмана и М.Г. Черняева), возглавлял край в 1884–1889 гг.

[4] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т.VI. № 3814. С. 320.

[5] До 1882 г. в составе Туркестанского края находилась Семиреченская область, переданная в Степное генерал-губернаторство (возвращена в Туркестанский край в 1897 г.).

лен широкими административными полномочиями. Одновременно генерал-губернатор являлся командующим войсками Туркестанского военного округа. Кроме того, он, а также подчиненные ему военные начальники областей края, имели право вступать в сношения с пограничными властями Персии, Афганистана, Цинской империи. С этой целью при туркестанском генерал-губернаторе состоял прикомандированный Министерством иностранных дел дипломатический чиновник[6].

В процессе присоединения Средней Азии к России по дипломатическим соображениям было решено сохранить местные государственные образования – Бухарский эмират и Хивинское ханство, правда, в сильно урезанном виде[7]. Бухарский эмир и хивинский хан остались правителями на своих территориях, но были вынуждены признать вассальную зависимость от российского императора. Непосредственные сношения с ними также оказались в сфере компетенции туркестанского генерал-губернатора. С 1885 г. в Бухаре находился постоянный представитель России – политический агент, подчинявшийся туркестанскому генерал-губернатору и выполнявший его поручения[8]. Таким образом, отношения генерал-губернатора с бухарским эмиром, с одной стороны, являлись внутригосударственными, с другой – сохраняли элементы межгосударственных.

Налаживание и поддержание регулярных контактов между русской администрацией и туземными властями сопровождалось, как правило, обменом подарками. Широкий масштаб распространения данного явления нередко приводил к разного рода злоупотреблениям. Тем не менее, подобная практика была типична для Востока, существовала во многих соседних государствах – Китае, Персии, Турции. Так, например, в Османской империи, где целый ряд областей находился в вассальной зависимости от центрального правительства и имел схожий правовой статус с Бухарским эмиратом, начиная с XVII в. функционировало специальное государственное учреждение, которое учитывало взятки (подарки), получаемые должностными лицами, и отчисляло с них определенный процент в казну[9].

Обычай обмена подарками содержал риск коррупционных проявлений, на что обращалось внимание в публикациях русской прессы. Так, 21 июня 1888 г. газета «Свет» опубликовала небольшую статью, в которой обвинила генералов и чиновников, служивших в Туркестане, в принятии дорогих подарков от бухарского эмира[10].

---

[6] Подробнее о статусе дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе см.: Куликов В.И. Институт дипломатического чиновника в системе управления Туркестанским краем // Труды Историко-архивного института РГГУ.Т. 41. М., 2015. С. 265–273.

[7] На территории Средней Азии находилось еще Кокандское ханство, но после подавления восстания в 1876 г. ханская власть в Коканде была упразднена, а оно само включено в состав Туркестанского края как Ферганская область.

[8] О политическом агентстве в Бухаре см.: Матвеева Н.В. Представительство России в Бухарском эмирате и его деятельность (1886–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1994.

[9] См.: Водарский Я.Е. Легенды Прутского похода Петра I (1711 г.) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 14.

[10] Опубликованная в газете «Свет» статья называлась «По поводу подарков, поднесенных недавно бухарским эмиром некоторым русским генералам, находящимся в Средней Азии». Анонимный автор писал в ней следующее: «В Туркестанском крае, с самого его завоевания в 60-х годах, процветают подарки под тем предлогом, что азиаты обижаются, если от них не принимают подарков. Азиаты Ташкента, Хивы, Бухары шлют властям приношения в виде ценного оружия, дорогих коней, бриллиантов и т. д., шлют их при лжи, исполненной лести, и эти подарки, вопреки ясно изложенному закону о подарках, принимаются нашими служащими. Азиаты народ хитрый. Даром подарка не поднесут, особенно

Появление столь разоблачительной статьи именно в газете «Свет» было далеко не случайным. Ее издателем являлся видный военный деятель и журналист Виссарион Виссарионович Комаров. Он происходил из известной военной семьи, его старшие братья – Александр, Дмитрий и Константин дослужились до генералов, причем Александр и Константин имели прямое отношение к Средней Азии[11]. Сам В.В. Комаров получил чин полковника русской армии и генерала сербской[12]. В 1871 г. он вышел в отставку и занялся журналистикой: основал ежедневную газету «Русский мир», с 1878 по 1883 г. по предложению министра народного просвещения и обер-прокурора Синода графа Д.А. Толстого редактировал «Санкт-Петербургские ведомости», в 1882 г. основал газету «Свет»[13]. В.В. Комаров был тесно связан с генералами Р.А. Фадеевым и особенно М.Г. Черняевым, находившимися в оппозиции руководству Военного министерства. М.Г. Черняев, кстати, был предшественником Н.О. Розенбаха на посту туркестанского генерал-губернатора. Статья «Света» о подарках не осталась незамеченной. На другой день, 22 июня, она была перепечатана одной из ведущих петербургских газет – суворинским «Новым временем»[14].

Критическое выступление двух петербургских газет заставило туркестанскую администрацию выступить с официальными разъяснениями. Так появилось публикуемое ниже письмо генерал-губернатора Н.О. Розенбаха, адресованное Н.К. Гирсу. В письме не отрицался сам факт принятия подарков представителями генералитета и туркестанской администрации, но объяснялось это укоренившимися обычаями, существующими в крае и нежеланием обидеть эмира и умалить его достоинство как правителя отказом от принятия подарка. Одновременно Розенбах просил министра довести его точку зрения на этот вопрос до императора Александра III и тем самым не допустить разрастания скандала.

Публикуемый документ хранится в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), в фонде № 147 «Среднеазиатский стол». Он содержит сведения о взаимоотношениях между русской администрацией Туркестана и местными феодальными правителями, дает представление о методах и особенностях управления азиатскими

подарка дорогого. Называют ли они лиц при подношении подарков благодетелями Бухары или отцами Бухары – все равно – это подарки, преследуемые духом нашего государства. Азиаты хитры и жадны, но азиаты вовсе не глупые люди. Они при подарках имеют свой расчет. Наконец, если в Азии столкнулись два обычая, азиатский: давать и брать подарки, и русский государственный: видеть в приеме приношений род стяжания, не совместный с долгом службы, ибо один Государь, которому мы служим, награждает и оценивает службу, то почему надо отдавать перевес азиатскому понятию. Напротив, надо гласно объявить в Средней Азии, что государевы слуги не принимают ни от кого подарков и не льстятся на них, что государева служебная правда выше всяких стяжаний, и каждый азиат-хивинец и азиат-бухарец очень хорошо поймет всю нравственную высоту такого всенародного объявления. Уж если существуют известные понятия, то лучше нам бескорыстно изменить понятия азиатов, чем корыстно усвоить себе их понятия».

[11] А.В. Комаров (1830–1904) в 1883–1890 гг. являлся начальником и командующим войсками Закаспийской области, стал главным организатором присоединения Мерва к России (1884 г.); К.В Комаров (1832–1912) в 1883 г. командовал Туркестанской стрелковой бригадой (См.: Волков С.В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II.Т.1 (А – К). М., 2010. С. 682–683).

[12] Звание генерала сербской армии было присвоено В.В. Комарову в 1876 г., когда он поступил на сербскую службу и занял должность начальника штаба одной из сербских армий во время войны с Турцией.

[13] Лендер Н.Н. Виссарион Виссарионович Комаров (Воспоминания) // Исторический вестник. 1908. № 2. С. 601–603.

[14] Новое время. 1888. 22 июня.

окраинами империи, а также свидетельствует о расширении влияния прессы на власть в пореформенной России. Текст документа передается по правилам современной орфографии с сохранением стилистики документа.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук В.И. КУЛИКОВ.

Письмо Н.О. Розенбаха[1] Н.К. Гирсу[2]

19 июля 1888 г.

Милостивый государь Николай Карлович.

В № 135 газеты «Свет»[3] от 21-го минувшего июня появилась статья о принятии служащими в Туркестанском крае подарков от азиатцев Хивы, Бухары и даже Ташкента. В статье этой газета, представляя в ложном свете существующий обычай подношения подарков эмиром бухарским, позволила себе самые неблаговидные толкования этого обычая и грязные намеки на деятельность должностных лиц. Статья перепечатана и в других газетах, как, например, в № 4422 «Нового времени»[4], с оговоркою, «по поводу подарков, поднесенных недавно бухарским эмиром некоторым русским генералам, находящимся в Средней Азии». Стоя во главе администрации Туркестанского края, я не считаю возможным оставить это без внимания.

Прибыв в 1884 году во вверенный мне край, я застал следующий порядок вещей: в Ташкент являлись одно за другим частые и многочисленные посольства, посылаемые эмиром бухарским для переговоров по всевозможным вопросам, которых с каждым годом, естественно становилось все больше и больше и которые необходимо должны были подвергаться обсуждению, а отчасти и решению в Ташкенте, причем по существующему древнему обычаю в Средней Азии, каждое из этих посольств сопровождалось присылкой подарков. В ответ на это от генерал-губернатора посылались в Бухару также часто посольства с ответными подарками эмиру. С учреждением, по моему ходатайству, должности политического агента в Бухаре[5], такой порядок вещей изменился; ведение дел по сношениям с бухарским правительством возложено было на пребывающего в Бухаре агента, и я дал понять эмиру бухарскому, что более не представляется необходимости отправлять в Ташкент посольства по каждому возникающему делу. С этого времени эмир присылал раза два в год лишь почетные посольства, для принесения поздравлений с новым годом или по другим торжественным случаям. От меня посольства в Бухару посылаются еще реже, так как ответные подарки эмиру я передаю по преимуществу через политического агента. Умножением сношений с Бухарой вследствие работ по проведению железной дороги, расположения наших отрядов в пределах Бухарского ханства[6] и т. п. вызваны были за последнее время частые командировки в Бухару лиц разных ведомств, причем те из них – по преимуществу генералы – которые проезжали через г. Бухару, должны были представляться эмиру, так как эмир считает обидою, если этого не делается; но с открытием самаркандского участка Закаспийской железной дороги[7] прекратились и эти представления. Уничтожить же совершенно обычай обмена подарками я не решился по следующим причинам.

Согласно Высочайшей воле во всех сношениях моих с нашими среднеазиатскими соседями, я постоянно стремился к тому, чтобы, не нарушая насиль-

ственным образом существующего порядка вещей и не вмешиваясь во внутреннее управление Бухарой, мирным путем упрочить, насколько возможно, наше влияние и обаяние русского имени в Средней Азии. Действуя в этом направлении, мне удалось, путем дружественных соглашений с эмиром бухарским, достигнуть результатов, которые можно назвать мирным завоеванием Бухарского ханства, каковы: устроение телеграфа между Бухарой и Катта-Курганом[8], проведение через Бухару железной дороги, занятие нашими гарнизонами Чарджуя[9] и Керки[10], устройство русских поселений возле Чарджуя и Бухары и т. д.

Но, требуя подобных уступок от эмира, я никогда не упускал из вида необходимость в интересах нашей политики заботиться о том, чтобы ничем не подорвать значение и власть эмира в глазах его подданных и щадить его самолюбие. В этих видах я считал необходимым охранять, по возможности, все права эмира, составляющие, так сказать, внешние признаки его самостоятельности. Права эти в большинстве только призрак власти, резкое же нарушение их могло бы так или иначе ожесточить эмира и заставить его броситься в крайности, не соответствующие видам императорского правительства. Право посылать посольства с подарками относится к числу таких призраков, но тем не менее в глазах народа – это непременный атрибут власти эмира, не говоря уже о том, что, по понятиям туземцев Востока, добрые отношения обязательно сопровождаются обменом подарков, и что обычай этот настолько древний и настолько сросся с народом, что отказ от подарка составляет личное оскорбление, ведущее часто к кровавой мести. При таком положении дела совершенное уничтожение этого права эмира, с одной стороны, неизбежно вызовет толки в народе о враждебности отношений русского правительства к эмиру, а с другой, будет для эмира личным тяжелым оскорблением.

Ввиду всего вышеизложенного я не считаю возможным своей властью прекратить совершенно установившийся обычай обмена подарков с эмиром; но так как в газетах появились по этому поводу грязные статьи, которые – в особенности, если будут повторяться – могут породить и в литературе, и в обществе неправильные толкования моей деятельности по управлению высочайше вверенным мне краем, тем более, что не представляется возможности к борьбе с ними путем газетных же опровержений – я вынужден просить Ваше Высокопревосходительство повергнуть этот вопрос на Высочайшее Его Императорского Величества[11] воззрение.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности, с коими имею честь быть, Вашего Высокопревосходительства, покорный слуга.

Н. Розенбах

АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1260. Л. 297–300. Подлинник. Подпись – автограф.

Примечания

[1] *Розенбах Николай Оттонович* (1836–1901) – русский военный деятель, генерал от инфантерии (1895 г.), участвовал в подавлении польского восстания (1863 г.), командовал бригадой в русско-турецкой войне (1877–1878 гг.), затем занимал ряд военно-административных должностей, в феврале 1884 г. был назначен туркестанским генерал-губернатором

и главнокомандующим Туркестанским военным округом, после увольнения с должности генерал-губернатора Туркестанского края (октябрь 1889 г.) входил в состав Военного совета, в 1891 г. был назначен членом Государственного совета Российской империи.

[2] *Гирс Николай Карлович* (1820–1895) – государственный деятель и дипломат, находился на дипломатической службе с 1841 г., возглавлял представительства России в Персии, Швейцарии, Швеции, с 1875 г. товарищ министра иностранных дел и директор Азиатского департамента, в 1882–1895 гг. министр иностранных дел России.

[3] Газета «Свет» была основана В.В. Комаровым в 1882 г. Благодаря дешевизне она получила распространение в самых широких слоях общества, ее тираж доходил до 100 тыс. экземпляров. Газета имела бесплатное приложение, где публиковались литературные произведения, в том числе исторические романы тестя В.В. Комарова писателя Г.П. Данилевского. После смерти В.В. Комарова в 1907 г. издание газеты «Свет» перешло к супруге Комарова и дочери Г.П. Данилевского – Екатерине Григорьевне Комаровой.

[4] «Новое время» – влиятельная петербургская ежедневная газета, выходила в 1868–1917 гг., более трети века (с 1876 по 1912 г.) ее издавал Алексей Сергеевич Суворин.

[5] Политическое агентство в Бухаре было учреждено в 1885 г., первым политическим агентом стал Николай Валерьевич Чарыков, до этого занимавший пост дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе.

[6] Бухарский эмират (Бухарское ханство) – феодальное государственное образование на территории Средней Азии с середины XVI в. до 1920 г., основано Шейбанидами, с 1868 г. под протекторатом России. С 1753 г. на бухарском престоле утвердились эмиры из династии Мангыт. В 1888 г. эмиром являлся Сеид Абдул-Ахат (1885–1910 гг.).

[7] Закаспийская военная железная дорога, соединившая Красноводск и Кызыл-Арват, была построена в 1880–1881 гг. В апреле 1885 г. было принято решение о строительстве ее самаркандского участка (Кызыл-Арват–Мерв–Чарджуй–Бухара–Самарканд). Значительная часть дороги проходила по территории Бухарского эмирата. Полностью самаркандский участок Закаспийской железной дороги был введен в эксплуатацию в 1888 г. С началом движения по дороге вдоль ее (в том числе и на территории Бухарского эмирата) стали появляться русские поселения.

[8] Катта-Курган – в 1880-х гг. уездный город Самаркандской области Туркестанского края, ныне город областного подчинения Самаркандской области Узбекистана.

[9] Чарджуй – город на Амударье, входил в состав Бухарского эмирата, в 16 верстах от города на территории, уступленной эмиром русским властям, был построен железнодорожный мост через Амударью, там находился русский гарнизон, охранявший этот участок Закаспийской железной дороги, и возникло русское поселение. Ныне Чарджуй находится на территории Туркменистана и с 1999 г. называется Туркменабадом.

[10] Керки – город на Амударье в составе Бухарского эмирата, в нем также располагался русский пехотный батальон. В настоящее время принадлежит Туркменистану, в 1999 г. переименован в Атамурат (в честь отца первого президента Туркменистана Сапармурата Ниязова).

[11] Имеется в виду Александр III (1845–1894) – российский император в 1881–1894 гг.

«Повинен сидеть в Синоде и смотреть накрепко»

Инструкция обер-прокурору Святейшего Синода. 1722 г.

Учреждение должности обер-прокурора Святейшего Синода традиционно оценивается как один из важнейших этапов в становлении синодальной системы церковно-государственных отношений в России. Указ Петра I Сенату от 11 мая 1722 г. гласил: «В Синод выбрать из офицеров доброго человека, кто б имел смелость и мог управление синодского дела знать и быть ему обер-прокурором и дать ему инструкцию, применяясь к инструкции генерал-прокурора»[1]. В исследованиях синодального периода обращалось внимание на тот факт, что представитель царя в Синоде появился более, чем через год после учреждения Духовной коллегии. Назначение обер-прокурора связывалось с отъездом императора в Каспийский поход[2]. Возможно, появление в Синоде обер-прокурора, как и значительная часть петровских преобразований, являлось не продуманной реформой, а решением конкретной задачи, в данном случае, обеспечить контроль за Синодом в отсутствие монарха. С другой стороны, в это же самое время Петр проводит реорганизацию системы надзора над органами государственного управления. В дополнение к фискалам учреждаются органы прокуратуры. В каждое государственное учреждение назначался прокурор, в высший административный орган империи Сенат – генерал-прокурор, руководивший прокурорами. Помощниками генерал-прокурора в Сенате стали обер-прокуроры. В Святейший Синод, признанным равным Сенату, был также назначен чиновник в ранге обер-прокурора.

Инструкция обер-прокурору была написана и утверждена в Сенате 13 июня 1722 г. без участия Петра, находившегося в походе. Широко распространено мнение о том, что она была почти дословно списана с инструкции генерал-прокурора Сената[3]. Действительно, при сравнении их текстов, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи, трудно найти какие-либо расхождения[4]. Однако, в воспоминаниях бывшего обер-прокурором в 1741–1753 гг. князя Я.П. Шаховского говорится об одном существенном отличии его инструкции от генерал-прокурорской: доклады монарху обер-прокурор Синода делает при посредстве генерал-прокурора Сената. «Сила оной (инструкции. – Публ.) и содержание во всем подобно инструкции, каковую в Сенате генерал-прокурор имеет, только с тою разницею, о которых делах по Сенату по той должности моей подлежательно доносить монарху, о тех бы я представлял чрез генерал-прокурора[5]», – писал Шаховской.

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (далее: ПСЗ-1). Т. 6. № 4001.

[2] Рункевич С.Г. История русской церкви под управлением святейшего синода. Т. 1. Учреждение и первоначальное устройство святейшего правительственного синода (1721–1725 гг.). СПб., 1900. С. 280–281.

[3] Смолич И.К. История русской Церкви. 1700–1917. М., 1996. Т. 1. С. 108; Алексеева С.И. Святейший синод в системе высших и центральных государственных учреждений Российской империи. (1856–1904 гг.). СПб., 2003. С. 26.

[4] ПСЗ-1. Т. 6. № 3979; № 4036.

[5] Записки князя Якова Петровича Шаховского // Империя после Петра. 1725–1765. М., 1998. С. 45.

Автор известного труда об обер-прокурорах Ф.В. Благовидов утверждал, что описываемое Шаховским отличие появилось при вступлении его в должность. Не обнаружив в Синоде текста инструкции, Я.П. Шаховской получил копию документа от генерал-прокурора Сената, Н.Ю. Трубецкого, который, по мнению Благовидова, изменил текст первоначальной инструкции, поставив обер-прокурора Синода в подчиненное себе положение[6].

Между тем, в синодальном архиве сохранилась переписка генерал-прокурора Трубецкого с вновь назначенным обер-прокурором Синода Шаховским. Приказывая обер-прокурору вступить в должность, Трубецкой обязывает Шаховского докладывать генерал-прокурору о течении синодальных дел. «По получении сего, – писал Трубецкой, – в правление той должности немедленно вступить и поступать по данной блаженной и вечно достойной памяти Государя Императора Петра Великого должности. <…> Сколько в каждую неделю каких дел будет решено о том, також и о заседании синодальных членов для подачи Ея Императорскому Величеству генеральных репортов подавать мне по приложенным при сем форме репорты в каждую субботу по полуночи в 7-м часу»[7]. Лишь приступив к исполнению своих обязанностей в силу этого приказа, Шаховской обнаружил отсутствие в Синоде обер-прокурорской инструкции и обратился за ней к Трубецкому[8]. Итак, Трубецкой был уверен, что в Синоде находится петровская инструкция, согласно которой обер-прокурор Синода подотчетен генерал-прокурору Сената.

В архиве Сената сохранилась копия инструкции, сделанная в петровское время. В фонде № 1329 «Именные указы и Высочайшие повеления Сенату (Коллекция)» Российского государственного исторического архива хранятся копии с именных указов и распоряжений высших правительственных учреждений, подлинники которых не откладывались в сенатском архиве. Отдельным сборником представлены копии указов Петра по церковным делам и синодальных указов за 1712–1722 гг. Среди них был обнаружен и публикуемый документ[9]. Согласно этому тексту, обер-прокурор Синода действительно должен был обращаться к императору через генерал-прокурора Сената[10]. Следовательно, до времени Шаховского в петровскую инструкцию изменений не вносилось. Почему же указанное отличие отсутствует в тексте инструкции, опубликованном в Полном собрании законов Российской империи и обычно используемом исследователями?

Ответ на этот вопрос содержится в тех же воспоминаниях Я.П. Шаховского. Оказывается, при оставлении им должности обер-прокурора, инструкция была изменена. «Но не знаю, для чего-то, – продолжал Шаховской, – по определении меня в генерал-кригскомиссары при том же генерал-прокуроре до определения на место мое в синодские обер-прокуроры Львова данная мне инструкция чрез бывшего при мне канцеляриста Рыкова взята обратно к генерал-прокурору, а на место оной прислана другая, уже без включения той речи, чтоб дела, принадлежащие к сведению ее императорского величества, доносить чрез генерал-прокурора, и о том ни доклада, ни благоволения от ее императорского величества не было»[11].

Факт такого изменения инструкции при императрице Елизавете Петровне подтверждается докладом обер-прокурора Синода П.С. Мещерского императору Нико-

---

[6] Благовидов Ф.В. Обер-прокуроры святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Казань, 1899. С. 109.

[7] Трубецкой – Шаховскому, 4 января 1742 г. // Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 797. Оп 1. Д. 1. Л. 1–1об.

[8] Там же. Л. 7, 11, 15.

[9] РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 13. Л. 3–7об. «Должность обер-прокурора, которому быть в Святейшем Духовном Синоде».

[10] Там же. Л. 4.

[11] Записки князя Якова Петровича Шаховского. С. 46.

лаю I от 30 декабря 1825 г. «При Государе императоре Петре Великом, – говорится в докладе, – начертан порядок представления на Высочайшее разрешение докладов по духовным делам, того требующим. По сему порядку обер-прокурор Синода подносил Его Величеству доклады по делам его чрез посредство генерал-прокурора. При Государыне Императрице Елизавете Петровне признано нужным начертание порядка докладов по духовной части выразить таким образом, что сии доклады долженствовали быть представлены на Высочайшее Имя от синодального обер-прокурора (кроме экстренных случаев) помесячно или понедельно как указ иметь будет. Здесь о посредстве генерал-прокурора не упомянуто. С таковой переменой перепечатана и вся инструкция синодального обер-прокурора»[12].

Таким образом, в Полном собрании законов в 1830 г. был опубликован не петровский текст инструкции. Тогда получают объяснения все те очевидные несообразности, которые усматривали в обер-прокурорской инструкции авторы работ по истории синодального периода, например, перечисление должностей, не существовавших в Синоде в 1722 г. (прокуроры, фискалы). Причиной их появления называли даже халатность составителей инструкции, которые не озаботились составлением нового документа (как предписывал Петр), а скопировали инструкцию генерал-прокурора[13].

Что же побудило правительство к изменению инструкции обер-прокурора? Обратим внимание на обстоятельства дела. Шаховской был отставлен от должности обер-прокурора 29 марта 1753 г. с назначением генерал-крикскомиссаром. Новый обер-прокурор А.И. Львов получил назначение лишь 18 декабря[14]. Замена инструкции была произведена в то время, пока должность обер-прокурора оставалась вакантной.

Возможно следующее объяснение. Новая редакция инструкции повышала статус обер-прокурора. Такое повышение могло быть проведено в интересах лица, предполагавшегося к занятию должности. Но Афанасий Иванович Львов вряд ли входил в круг влиятельных особ. Кроме того, если это изменение делалось для него, непонятно, почему его назначение состоялось только через полгода.

Инициатором таких изменений могли быть представители епископата, недовольные деятельностью Я.П. Шаховского и надеявшиеся добиться назначения обер-прокурором устраивавшего их человека. В этом случае повышение статуса обер-прокурора укрепляло бы позиции Синода. Но по каким-то причинам угодный архиереям чиновник назначение не получил, правительство до декабря подыскивало другую кандидатуру.

Вспомним, что учреждение должности обер-прокурора было встречено синодалами с удовлетворением, так как уравнивало Синод с Сенатом. Синод всячески стремился подчеркнуть свою независимость от Сената и генерал-прокурора и выделять свое ведомство из системы государственного управления. Новая редакция инструкции в полной мере реализовывала идею равенства. «Такое изменение инструкции отражало действительную независимость синодального ведомства от сенатского и генерал-прокурорского надзора и закрепляло практику, сложившуюся уже ранее. Не только через духовных членов Синода входила императрица в непосредственные отношения к нему, но и обер-прокурор кн. Шаховской добился возможности предоставлять Ея Величеству личные доклады и, получая указы и устные повеления, касающиеся Синода, объявлять их в Синоде самостоятельно. Шаховской искал этим путем усиления своего значения в Синоде опорой доверия Императрицы. Но по отношению к генерал-прокурору его тактика совпадала с тенденциями Синода, который стремился отстоять перед ним независимость своих распоряжений по синодской канцелярии»[15].

---

[12] О порядке докладов по духовной части // РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 9968. Л. 29–29об.

[13] Благовидов Ф.В. Указ. соч. С. 24–25: См. также: Рункевич С.Г. Указ. соч. С. 278–279.

[14] Благовидов Ф.В. Указ. соч. С. 185.

[15] История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 2. С. 141.

А.И. Львов пытался реализовать некоторые положения инструкции, отсутствовавшие в старой редакции. Так, он обратил внимание Синода на отсутствие в епархиях прокуроров, предусматриваемых новой инструкцией, и предложил разослать копии инструкции в епархии. Эти предложения встретили противодействие синодалов и, в конечном итоге, были отклонены[16]. Стремясь повысить статус обер-прокурора, епископат вовсе не собирался расширять его полномочия в церковных делах. Право прямого доклада монарху сокращало число посредников между высшим органом церковного управления и верховной властью. При учреждении Синода епископат с той же целью добился права сноситься с Сенатом ведениями, а не докладами. Учреждение же прокурорского надзора на уровне епархиального управления и даже извещение о легитимности такого надзора в планы Синода не входило.

Отмена подотчетности генерал-прокурору Сената не привела к превращению обер-прокурора в обязательного посредника между Синодом и монархом. Елизавета Петровна и при старой, и при новой инструкции чаще обращалась к Синоду напрямую[17]. На практике правом доклада непосредственно монарху обер-прокуроры почти не пользовались. Синодальные доклады они отправляли «в запечатанных пакетах на высочайшее имя и получали их с разрешениями от назначенных лиц» [18]. Такой порядок сохранялся вплоть до первых лет царствования Александра I. Занимавший в 1803 г. пост обер-прокурор Синода А.А. Яковлев считал, что несоблюдение инструкции нарушает его прерогативы, но ничего не мог поделать[19].

История изменения инструкции обер-прокурору позволяет прояснить первоначальный статус этой должности. В подлинном тексте петровской инструкции обер-прокурор не называется «оком Нашим», но «оком и стряпчим о делах государственных»[20]. Таким образом, синодальный обер-прокурор не рассматривался как представитель царя в структуре церковного управления. Рост административных полномочий обер-прокурора и превращение его в главу самостоятельного ведомства происходит только в XIX столетии. Сама по себе инструкция потенциала для такого роста не содержала.

Публикуемый документ выявлен в фонде № 1329 «Именные указы и Высочайшие повеления Сенату (Коллекция)» Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге. В деле № 13 (конволют) собраны копии указов Петра I по церковным делам и синодальных указов за 1712–1722 гг. Документ публикуется по современным правилам правописания, с сохранением стилистики особенностей оригинала.

Публикацию подготовили кандидат богословия Г.В. БЕЖАНИДЗЕ и кандидат исторических наук А.Г. ФИРСОВ.

Должность обер-прокурора, которому быть в Святейшем Духовном Синоде

13 июня 1722 г.

1.

Обер прокурор повинен сидеть в Синоде и смотреть накрепко, дабы Синод свою должность хранил и во всех делах, которые к синодскому рассмотрению и

---

[16] Благовидов Ф.В. Указ. соч. С. 187–188.

[17] Благовидов Ф.В. Указ. соч. С. 189.

[18] РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 9968. Л. 29об.

[19] Записки А.А. Яковлева, бывшего в 1803 г. обер-прокурором Синода. М., 1915. С. 11, 16, 19.

[20] РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 13. Л. 7.

решению подлежат, истинно, ревностно и порядочно, без потеряния времени, по регламентом и указом отправлял, разве какая законная притчина ко отправлению ему помешает, что все записывать повинен в свой юрнал. Также накрепко смотреть, чтоб в Синоде не на столе только дела вершились, но самым действом по указам исполнялись, в чем он должен спрашивать у тех, кто на что указы получил, исполнено ль по них в такое время, в которое начало и совершенство оного исполнено быть может. И буде не исполнено, то ему ведать надлежит для какой притчины, невозможность ли какая помешала, или по какой страсти, или за леностию. И о том немедленно Синоду предлагать должен. Для чего повинен иметь книгу, в которой записывать на одной половине, в которой день какой указ состоялся, а на другой половине записывать, когда что по оному указу исполнено или не исполнено, и для чего, и протчия обстоятельства нужныя вносить.

2.

Также должен накрепко смотреть, дабы Синод в своем звании по регламентом праведно и нелицемерно поступал. А ежели что увидит противное сему, тогда в тот же час повинен предлагать Синоду явно, с полным изъяснением, в чем они или некоторые из них не так делают, как надлежит, дабы исправили. А ежели не послушают, то должен в тот час протестовать и оное дело остановить, и немедленно объявлять генерал прокурору для доношения Его Императорскому Величеству. Також надлежит ему, обер прокурору в доношениях явных, которые он будет подавать, осторожно и рассмотрительно поступать, дабы напрасно кому бесчестия не учинить. Таким образом, ежели увидит какое дело, хотя и противное ему покажется, да неясно, или два вида имеющее, то протестациею остановя, не тот час доносить, но посоветовать, с кем он за благо разсудит. И ежели увидит, что подлинно так или более изъяснить и сумнения миновать не может, то доносить по выше писанному, однакож более недели в том не мешкать, а ежели зело ясно, то немедленно доносить в нужных, а в протчих, как выше писано, також не медля более недели ж, не отговариваясь никакими нуждами. А ежели какое неправое доношение учинит по какой страсти, то будет сам наказан по важности дела.

3.

Должен смотреть над всеми протоинквизитеры и инквизитеры[1], дабы в своем звании истинно и ревностно поступали. А ежели кто в чем преступит, то оных судить в Синоде. И должен все протоинквизитерские и инквизитерские доношения предлагать Синоду и инстиговать[2], чтоб по них исполнено было. Также, ежели на протоинквизитеров и инквизитеров будут доношения, что они званий своих истинно и ревностно не исполняют, то их в суд представлять Синоду ж.

4.

Ему ж должно в своей дирекции иметь канцелярию синодскую и служителей оной.

5.

Эксекутор или агент[3] в Синоде имеет быть под дирекциею обер прокурора.

6.

Инквизитеры в подчиненных Синоду канцеляриях и надворных судах должны ежели в тех судах не будут следовать и праведно исправлять, то доносить про-

тоинквизитеру, а протоинквизитер ему обер прокурору. А ежели и протоинквизитер не донесет, или станет мешкать в том, то прямо на протоинквизитера доносить ему обер прокурору.

7.

Все о важных делех указы, также ежели неисправление какое будет в которых управителях, что розыску или доправки какого штрафа на оных, посылать не на почте, но с посылными от эксекутора, дабы с полным репортом всегда возвращались, что сделано, или зачем нельзя было сделать. А в коллегии и в протчие ближние места указы посылать с эксекутором, дабы в Синод репорты писменные от президентов за их руками приносил, которого числа оные из Синода получили, которое должно вносить в книгу, дабы ежели в такое время, в какое по указу какое дело мочно исполнить, а во оное репорту не будет в Синод, мочно б было по оной записке взыскать.

8.

Обер прокурор ничьему суду не подлежит, кроме Его Императорского Величества. А ежели во отлучении Его Величества явитца в тяжкой и времени не терпящей вине, яко измене, то Синод в согласии с Сенатам может арестовать и розыскивать, а дело приказать иному кому, однакож, никакой пытки, эксекуции[4] или наказания, не чинить.

9.

О которых делах указами ясно не изъяснено, о тех предлагать Синоду, чтоб учинили на те дела ясные указы, против указу апреля 17 дня 1722 года, которой всегда на столе держится, и, как сочинят, доносить Его Императорскому Величеству. И ежели в пополнении сей инструкции что усмотрит, о том доносить же.

10.

И понеже сей чин яко око и стряпчий о делах государственных, того ради надлежит верно поступать, ибо перво на нем взыскано будет, и ежели в чем поманит, или инако, каким образом ни есть, должность свою ведением и волею преступит, то, яко преступник указа и явной разоритель государства, наказан будет. Буде же весма не вымыслом, то оному в вину не ставить, понеже лутче доношением ошибится, нежели молчанием, однакож, ежели то часто будет употреблять, то не без вины будет.

Сия инструкция в отсутствии Его Императорского Величества подписана сенаторскими руками по Его Императорскому Величества имянному указу

722 года июня 13 дня

РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 13. Л. 3–7об. Рукописная копия.

Примечания

[1] Инквизиторы – монахи и священники, следившие за соблюдением законности и канонического порядка в деятельности церковной администрации, с целью предотвращения коррупции и злоупотреблений, подобно прокурорам и фискалам в светских учреждени-

ях (См.: ПСЗ-1. Т. 6. № 3870. С. 467–476). Инквизиторы подчинялись протоинквизиторам, находившимся в Москве и Санкт-Петербурге. Институт инквизиторов существовал в 1721–1727 гг.

[2] Инстиговать – добиваться исполнения, следить за исполнением; от лат. instinguo – побуждать.

[3] Экзекутор или агент – чиновник, который следил за соблюдением сроков и порядка делопроизводства по принятым решениям. Он обеспечивал своевременную доставку синодальных постановлений в государственные учреждения, получал и регистрировал уведомления о доставке (См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1872. Т. 2. 1722. № 511. С. 159–160). Позднее экзекутор – чиновник, наблюдавший за порядком и ведавший хозяйством учреждений.

[4] Экзекуция – здесь в значении «телесное наказание». Имеется в виду, что Синод, в отсутствии монарха, в случае тяжкого преступления обер-прокурора может его арестовать и вести следствие, но без применения мер физического воздействия.

Донесения латвийских дипломатов из Москвы

Среди множества заметок о России, написанных иностранцами, особняком стоят дипломатические донесения. Их авторы руководствовались сугубо прагматическими, профессиональными целями. В них мало описаний, но много сведений, представлявших интерес для определенных ведомств.

Документы, выявленные и опубликованные Н.Н. Кабановым при участии и под редакцией В. Симиндея[1], можно отнести к категории классических посольских донесений, информирующих высшее руководство о внутриполитическом, военно-экономическом положении страны пребывания, о возможных изменениях внешней политики и прочих обстоятельствах. Однако, помимо важных сведений, донесения латвийских дипломатов представляют особый интерес для российских читателей и по иной причине.

Весьма любопытны личности руководителей латвийской миссии в Москве, – посланников Робертса Лиепиньша, Фрициса Коциньша и первого секретаря Кришьяниса Зеллиса. Все они недавние подданные Российской империи, а Зеллис, некогда офицер царской армии, служивший в разведке, успел поработать и в советских консульствах. Лишь в 1925 г. он принял латвийское гражданство и перебрался на родину. Судьба не редкая для времен распада империй и, несомненно, влиявшая на отношение к Советскому Союзу, может быть, не столь объективное, но, по крайней мере, более осознанное.

Робертс Лиепиньш, случайно попавший на дипломатическое поприще, честно старался разобраться в раскладе сил, сложившемся в турбулентной международной ситуации, пользуясь преимущественно слухами, ходившими среди дипкорпуса и западной прессой. На этой же основе создавались немногочисленные докладные записки, освещавшие внутреннее положение в СССР, которое явно интересовало его меньше внешней политики. Донесения Лиепиньша интересны прежде всего как источник, содержащий сведения о внешнеполитических установках руководства Латвийской республики. Так, в беседе с заместителем наркома иностранных дел Н.Н. Крестинским посланник объяснил скептическое отношение своего правительства к проектам коллективной безопасности следующим образом: «Наше геополитическое положение диктует нам необходимость поддержания хороших отношений со всеми нашими соседями и не может быть в наших интересах пристраиваться к…блокам государств, которые могли быть истолкованы как направленные против кого-либо из наших соседей» (с. 56).

Предупреждения Крестинского о немецкой угрозе Лиепиньш воспринимает как блеф: «Нас пугают Германией, но нам кажется маловероятным, что она в ближайшее время могла бы начать военный поход на Балтию» (с. 56). Более того, ссылаясь на «знатоков обстоятельств», он убеждает свое начальство, что «непрестанное гавканье русских не только тактический ход, и они действительно боятся немцев…Несмотря на похвальбу военной техникой и мощью Красной Армии правящая верхушка осознает опасность, исходящую для нынешнего режима в случае войны с Германией и потому держится за Францию как гаранта и спасителя» (с. 61).

Не питая симпатии к Союзу, Лиепиньш скептически относится ко всему в нем происходящему. Рассуждая о проекте новой, «сталинской» Конституции, он пишет: «В иностранной прессе и частично также у нас, проект новой конституции готовы рассматривать как большой шаг вперед в эволюции режима. Данное восприятие является иллюзорным…

---

[1] Миссия в Москве. Донесения латвийских дипломатов из СССР, 1935–1937 гг.: документы и материалы / Российская Ассоциация прибалтийских исследований; Фонд «Историческая память»; Автор-сост. Н.Н. Кабанов, под ред. В.В. Симиндея. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2016. – 392 с. (Прибалтийские исследования в России).

Большевистский режим никогда не скупился на громкие фразы и декларации, так же обстоит и на сей раз. Новый проект является таким же средством агитации и пропаганды, как и вся предшествующая практика Совдепии» (с. 167).

Лиепиньш верил в малую вероятность нападения немцев на Россию через Прибалтику, находя поддержку у посла США в СССР У. Буллита, считавшего такой вариант сомнительным, но предрекавшего Европе кровавые времена. «Сейчас, – пояснял он латвийскому коллеге, – [здесь] взаимное недоверие и безумная гонка вооружений. В Америке убеждены, что Европа быстро приближается к новой войне. Отсюда и желание держаться подальше от европейских дел, где интересы Соединенных Штатов нисколько не являются преимущественными. Если они даже потеряли бы все занятые Европой деньги, ущерб все-таки был бы терпимым» (с. 123). Но в отличие от США, у Латвии было мало шансов отгородиться от европейской смуты, Лиепиньш это понимал.

Фрицис Коциньш, в свое время причастный к военной разведке Латвийской республики, снабжал ее правительство добротной аналитической информацией о Советском Союзе. Вступив в должность посланника весной 1937 г., он стал свидетелем начала эпохи «большого террора», которая отражена в его донесениях с не меньшей яркостью и тщательностью, чем в зарисовках других сторонних наблюдателей, к примеру, Лиона Фейхтвангера, именитого автора очерка «Москва, 1937».

Подобно своему предшественнику, Фрицис Коциньш тоже воспринимает СССР как «пропагандистское государство», но не сплошь сооруженное из «потемкинских деревень», а имеющее подлинные достижения. Видимо, поэтому его донесения больше чем наполовину состоят из обзоров разных сторон жизни Союза, от выборов, внутренних займов, открытия канала Волга–Москва, до репрессий и парадов.

Коциньш признает, что сталинский режим опирается на продуманно созданные мифы, не без успеха внушаемые гражданам с помощью прессы. «Следует отдать должное печати Советского Союза, – отмечает посол, – она умеет молчать. Она замалчивает события, которые правительство находит нежелательными для посвящения в них народа, она умеет отвлекать внимание широких народных масс от недостатков внутренней жизни, выдвигать и изображать достижения, достойные удивления. С другой стороны, кажется, нигде в мире нет столь большого противоречия между реальной жизнью и той, которую рисует пресса» (с. 325) .

Тем не менее, пропаганда не имела бы такого успеха, если бы не опиралась на реальные дела. Так, первомайский парад, вроде бы сугубо пропагандистское действо, «оставляет длительное впечатление на каждого иностранца, не говоря уже о местных, которые безгранично горды за свои вооруженные силы. Не стоит забывать, что правители Кремля за счет благосостояния народа непрерывно работают над строительством вооруженных сил и тяжелой промышленности. За те многие десятки миллиардов рублей, которые жертвуются на нужды армии, можно создать что-то впечатляющее, и часть из этих достижений… была показана на параде 1 мая в Москве» (с. 244).

Помимо военной области, Коциньш относит к числу явных успехов советского руководства национальную политику. «В свое время царская Россия несла малым народам только русификацию, – пишет он, – в свою очередь Советский Союз дал им национально-культурную свободу. Предусмотренные в бюджетах центральной власти материальные пособия дали им национальные школы, театры, развитие искусства. Хорошее семя дало и хорошие побеги…» (с. 307). Правда, побочным плодом этой политики становится укрепление «шовинистического» национализма. К примеру, Украина, союзная республика, управляется той же партией, что и весь Союз, но в ней «сильно развита национальная самостоятельность…влияние русских не чувствуется: ощущается даже известное настроение против великоросов. Разговорный язык – украинский, вывески только на украинском языке… (с. 223).

Арест Г.Г. Ягоды в апреле 1937 г. был первым важным событием, происшедшим после вступления Фрициса Коциньша в должность посланника. Версию о наказании проворовавшегося чиновника, появившуюся в западных газетах, Коциньш не разделяет, считая,

что падение наркома скорее расплата за жестокие методы принудительной коллективизации и гонений на интеллигенцию. «Арест и возможное осуждение Ягоды, – пишет он, – найдут отклик в широких массах, добавив ко многим характеристикам Сталина и именование "справедливый" и поднимет его авторитет. В свою очередь заграничное мнение, что ответственные работники Совдеповского государства – простые мошенники и уголовные преступники, еще больше укрепится» (с. 231).

Но то, что поначалу воспринималось как единичный случай, стало стремительно приобретать черты политической кампании, не всегда понятной. Дело М.Н. Тухачевского еще можно объяснить борьбой между коммунистической партией и некой группой ответственных офицеров Красной армии. «Результаты этой тихой, но кровавой борьбы ускорил сам маршал Тухачевский своими личными особенностями и ненавистью к Сталину и его режиму» (с. 277). Однако, репрессии, превращаясь в массовые, обезличиваются и теряют логику: «Чистка учреждений Сов. Союза от вредных для нынешнего режима элементов систематически продолжается…Слухи об арестах столь фантастичны, что с большим вниманием нужно подходить к каждому отдельному сообщению. Если одну категорию арестов можно …объяснить как политическую расправу, то весьма часто сведения о снятии старых коммунистов поражают даже хорошего знатока местного положения.» (с. 279), хотя последний тип репрессий можно объяснить желанием правительства освободиться от политически верных, но неспособных работников. Впрочем, попасть под пресс может кто угодно, «достаточно простого доноса, замеченного слишком любезного общения с иностранцами, подозрительной встречи, анонимного сообщения, вольно высказанной мысли или критики правильности известного решения, чтобы подозреваемый также пропал без вести» (с. 279).

Сведения о репрессиях распространяются преимущественно в виде слухов, а «полная ясность в цепь этих событий может быть внесена историей лишь с годами», предрекает Коциньш, вряд ли предполагая тогда, что в июле 1941 г. он будет расстрелян на Лубянке по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР (с. 276).

В издание вошло 106 документов, составляющих одно дело, хранящееся в Государственном историческом архиве Латвии и охватывающее период с 17 ноября 1935 г. по 17 ноября 1937 г. Археографическое введение раскрывает особенности этого корпуса документов.

Публикация осуществлена без изъятий и купюр, что не может не внушать доверия читателю, а в данном случае это особо важно, ибо книга рассчитана на определенную аудиторию: русскоязычных, имеющих самое общее представление о латвийской истории, отделенных от оригинала не только пограничными барьерами, но и языковым, поскольку донесения создавались на латышском языке. Добротный литературный перевод, передающий интонации оригинала, обеспечивает доступ к ценному источнику. Этому же способствует аннотированный именной указатель, дающий достаточно подробные сведения о лицах, упомянутых в документах. Указатель выглядел бы более «академичным», если бы помимо русской версии написания фамилий давал бы и латышскую.

Не повредила бы изданию и краткая историческая справка о политической жизни Латвийской республики образца 1920–1930-х гг., малоизвестной большинству российской публики, за исключением специалистов. Впрочем, этот пробел отчасти восполняется подстрочными комментариями и емкими, яркими биографическими очерками, представляющих читателю лиц, определявших внешнюю политику Латвии: Карлиса Улманиса, в 1930-е гг. премьера, затем президента Первой Латвийской республики; Вилхелмса Мунтерса, министра иностранных дел в 1936–1940 гг.; Алфредса Билманиса, влиятельного латвийского дипломата и посланников в СССР Робертса Лиепиньша и Фрициса Коциньша.

Добросовестно подготовленное издание донесений латвийских дипломатов из Москвы будет интересно и полезно всем, кого занимает история отечества и тех стран, с которыми нас связывает не только общность границ, но и прошлое.

К.М. АНДЕРСОН

Историк, культуролог, педагог: Татьяна Петровна Чернобаева

(1941–2016)

Настоящая «Фотолетопись» посвящена светлой памяти моей жены, друга и коллеги, с которой мы прожили 53 года. Все знавшие Татьяну Петровну отмечали ее стремление к знаниям, трудолюбие, доброту.

Родилась Т.П. Чернобаева (в девичестве Стрижова) в Москве за неделю до начала Великой Отечественной войны. Ее отец, Петр Николаевич, с 1920 г. слесарь литейного цеха завода АМО, впоследствии один из близких сотрудников директора Московского автомобильного завода И.А. Лихачева, был эвакуирован в Челябинск, где на бывшем тракторном заводе наладили выпуск военной техники. Заботы о двух дочерях легли на плечи ее мамы, Веры Андреевны. Трудные годы послевоенного детства воспитали в девочке любовь к Родине, желание изучать историю и культуру России.

В 1958 г. Татьяна с золотой медалью окончила среднюю школу, а в 1963 г. историко-филологический факультет МГПИ им. В.И. Ленина. Увлекалась музыкой, поэзией, спортом. 10 лет была учителем английского языка в школе. В 1973 г., после успешной защиты в своей alma mater кандидатской диссертации по проблеме освещения в англо-американской историографии истории Всероссийского Учредительного собрания, стала преподавателем Московского финансового института, ныне Финансовый университет при Правительстве РФ, где трудилась до 2015 г. «За многолетний безупречный труд» была удостоена нагрудными знаками «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (2002 г.), «Почетный работник Финансовой академии» (2009 г.), «Почетный работник Финансового университета» (2014 г.).

Т.П. Чернобаева – автор более 150 статей и документальных публикаций по истории России XIX–XX вв., биографических очерков о государственных и политических деятелях, ученых, писателях, музыкантах. На основе архивных материалов ею написаны главы в монографии «История Финансовой академии» и учебнике «История России IX–XX вв.», десятки статей в словаре-справочнике выдающихся мыслителей и политиков «Мировая политическая мысль от античности до современности» и биобиблиографическом словаре «Историки России конца XIX – начала XXI в.».

С 1996 г. Т.П. Чернобаева сосредоточила внимание на исследовании и преподавании проблем истории культуры и искусства. По дисциплине «Культурология» и авторским спецкурсам («Культура и искусство России», «Россия и Европа: диалог культур», «Мировые религии») она читала лекции на русском и английском языках для студентов и стажеров-иностранцев Финансового университета. Много лет Татьяна Петровна руководила студенческим кружком «Московская старина». Большим успехом пользовались ее экскурсии по столице и Подмосковью, в ходе которых она знакомила слушателей с шедеврами русской культуры.

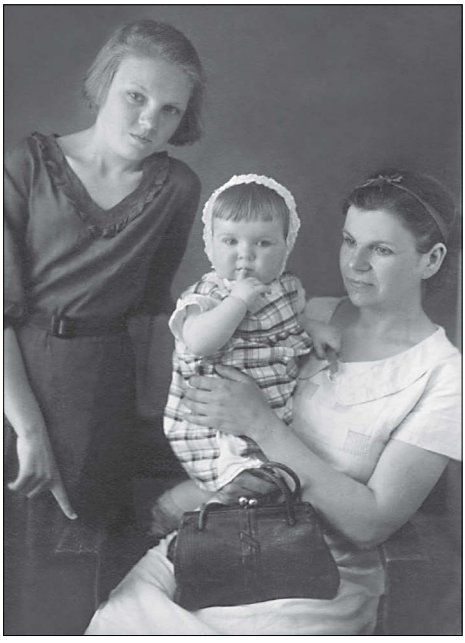
В статье, опубликованной в 2011 г. во 2-м номере научно-образовательного журнала ФУ «Гуманитарные науки» в связи с ее 70-летием, отмечалось: «Т.П. Чернобаева – один из старейших преподавателей Финансового университета – отмечает свой почтенный юбилей. Этот юбилей знаменует ее преданность делу воспитания юношества и верность гуманитарному знанию… Мудрую и отзывчивую, жизнерадостную и чуткую Татьяну Петровну отличает высокий профессионализм, интеллигентность, умение отдавать свое тепло и знания на благо людям: тем, кто ее окружает на кафедре и в университете, и тем, кому она несет свои знания и любовь к культуре».

Скончалась Татьяна Петровна после тяжелой болезни 22 ноября 2016 г.

Публикацию подготовил доктор исторических наук А.А. ЧЕРНОБАЕВ.

Т.П. Чернобаева

Слева направо: мама Вера Андреевна, сестра Лёля
и отец Петр Николаевич Стрижовы. 1940 г.



С мамой и сестрой
Еленой Петровной. 1942 г.

Тане 8 лет. 1949 г.

Группа № 6 истфила МГПИ им. В.И. Ленина. Июнь 1963 г.

Во дворце бракосочетаний. 9 августа 1963 г.

Т.П. Чернобаева – учитель английского языка 5а класса. Июнь 1965 г.

С сыном Димой на даче в Подмосковье. 1972 г.

За работой над кандидатской диссертацией. 1972 г.

С сыновьями Димой и Алешей в Габрово, Болгария. 1982 г.

С Ириной Семеновой. 1996 г.

На свадьбе Дмитрия и Татьяны. 1 марта 1997 г.

В гостях у Энтони Бивера (стоит справа) и Артемис Купер (сидит третья слева). Лондон, Великобритания. 1997 г.

С Джоном Слэттером в Остафьево, Подмосковье. 1998 г.

На даче у Сергея и Валентины Запольских под Звенигородом. 2001 г.

С Борисом Васильевичем Ананьичем. Петербург. 2003 г.

В гостях у Шамансура и Нины Шахалиловых. 2004 г.

С коллективом кафедры социально-политических наук ФА.
Сидят: Н.П. Ионичев, Я.А. Пляйс. 2002 г.

Выступление на заседании кафедры СПН ФА. 2003 г.

Труды
Т.П. Чернобаевой

ФИНАНСОВАЯ АКАДЕМИЯ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Кафедра «Философия»
Т. П. Чернобаева
КУЛЬТУРА И
ИСКУССТВО
РОССИИ
Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего профессионального образования
«ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(Финансовый университет)
Кафедра «Философия»
Т. П. Чернобаева
Россия и Европа: диалог культур
Рабочая программа дисциплины
ВЕСТНИК
финансовой
академии
4
2003

Выступление с докладом на конференции в ФУ, посвященной юбилею Г.Я. Сокольникова. Справа – его дочь Г.Г. Тыркова. 2013 г.

На экскурсии со студентами по Москве. 2014 г.

В гостях у Эрнеста Александровича и Валентины Алексеевны Чернобаевых. Слева – Манфред и Елена Эрнестовна Вальден. 2014 г.

С внучкой Машей и невесткой Татьяной. 2015 г.

На даче Э.А. и В.А. Чернобаевых. Редкино, Тверская обл.
Август 2015 г.

Одна из последних фотографий Т.П. Чернобаевой. 2016 г.

Т.П. Чернобаева

АННОТАЦИИ

В публикацию **В.Ф. Солдатенко** включены хранящиеся в ЦГАОО Украины протоколы Киевской организации РСДРП за 7–19 апреля 1917 г. об острой дискуссии, развернувшейся вокруг вопросов выработки общепартийного политического курса.

Ключевые слова: История Киевской организации РСДРП(б), «Апрельские тезисы» В.И. Ленина.

Дневник профессора Московской духовной академии А.Д. Беляева за апрель 1917 г., выявленный в НИОР РГБ, подготовлен к публикации **М.И. Одинцовым**.

Ключевые слова: История Февральской революции, МДА.

В «Фотолетопись», подготовленную **Е.Ю. Басаргиной**, **Е.Н. Груздевой**, **О.А. Кириковой**, включены материалы СПбФ АРАН о Российской АН в 1917 г.

Ключевые слова: История РАН в 1917 г.

Письма Е.Д. Кусковой к писателю М.А. Алданову за 1946–1951 гг., хранящиеся в архиве «Дома-музея Марины Цветаевой», подготовлены к публикации **В.Л. Телицыным**.

Ключевые слова: История русской эмиграции. Биография Е.Д. Кусковой и М.А. Алданова.

В публикацию **Д.А. Аманжоловой** включена запись беседы с Героем Советского Союза М. Габдуллиным в 1943 г. Документ хранится в НА ИРИ РАН.

Ключевые слова: История СССР, Великой Отечественной войны. Биография М. Габдуллина.

Документы РГАСПИ о роли И.В. Сталина в «конструировании» партийной власти в июле 1922–феврале 1923 г. подготовлены к публикации **М.В. Зеленовым**, **Н.Ю. Пивоваровым**, **А.А. Чернобаевым**.

Ключевые слова: История РКП(б), борьбы за власть. Биографии партийных вождей.

В публикацию **Г.Н. Бибикова** включены инструкции жандармским штаб-офицерам на золотых промыслах Западной и Восточной Сибири 1842 г., выявленные в ГА РФ.

Ключевые слова: История Корпуса жандармов, золотопромышленности, Сибири.

Письмо туркестанского генерал-губернатора Н.О. Розенбаха министру иностранных дел Н.К. Гирсу 1888 г., хранящееся в АВПРИ, к публикации подготовил **В.И. Куликов**.

Ключевые слова: История Туркестана, государственного управления в России. Биография Н.К. Гирса.

Инструкция обер-прокурору Святейшего Синода 1722 г., выявленная в РГИА, подготовлена к публикации **Г.В. Бежанидзе** и **А.Г. Фирсовым**.

Ключевые слова: История Святейшего Синода, синодальной системы церковно-государственных отношений в России.

В рецензии **К.М. Андерсона** дан анализ изданного в 2016 г. сборника документов и материалов «Миссия в Москве. Донесения латвийских дипломатов из СССР, 1935–1937 гг.».

В «Фотолетопись», подготовленную **А.А. Чернобаевым,** включена иконография историка, культуролога и педагога Т.П. Чернобаевой.

Ключевые слова: Российская историография, биографии историков.

SUMMARIES

Publication of **V.F. Soldatenko** includes the protocols of the Kiev organization of RSDRP for the period of April 7–19, 1917 on the fierce debate, that unfolded around the issues of development of the all-Party policy. The protocols are stored in the Central State Archive of non-governmental organizations of Ukraine.

Keywords: History of the Kiev organization of RSDRP(b), The April Theses of V.I. Lenin.

Diary of Professor of the Moscow Theological Academy A.D. Belyaev for April, 1917, which has been revealed in the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library (NIOR RGB), was prepared for publication by **M.I. Odintsov**.

Keywords: History of February Revolution, the Moscow Theological Academy.

"Photochronicles", prepared for publication by **E.Yu. Basargina, E.N. Gruzdeva**, and **O.A. Kirikova**, includes materials of St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences on the Russian Academy of Sciences in 1917.

Keywords: History of the RAS in 1917.

Letters of E.D. Kuskova to the writer M.A. Aldanov for the period of 1946–1951, stored in the archive of "Marina Tsvetaeva's House Museum", have been prepared for publication by **V.L. Telitsyn**.

Keywords: History of Russian émigré. Biographies of E.D. Kuskova and M.A. Aldanov.

Publication of **D.A. Amanzholova** includes the record of a conversation with the Hero of the Soviet Union Malik Gabdullin, 1943. The document is stored in the Research Department of the Institute of Russian History of the RAS (NA IRI RAN).

Keywords: History of the USSR, the Great Patriotic War. Biography of M. Gabdullin.

Documents from RGASPI on I.V. Stalin's role in "designing" of the party power in July1922 – February, 1923, have been prepared for publication by **M.V. Zelenov, N.Yu. Pivovarov** and **A.A. Chernobaev**.

Keywords: History of RCP(b), fight of the party for the power. Biographies of party leaders.

Publication of **G.N. Bibikov** includes the instructions to gendarme field officers on gold-fields of Western and Eastern Siberia of 1842, which have been revealed in the State Archive of the Russian Federation (GA RF).

Keywords: History of the Corps of Gendarmes, goldmining, Siberia.

A letter of the governor general of Turkestan N.O. Rozenbakh to the Minister of Foreign Affairs N.K. Girs of 1888, which is stored in the Archive of Foreign Affairs of the Russian Empire (AVPRI), has been prepared for publication by **V.I. Kulikov**.

Keywords: History of Turkestan, state management in Russia. Biography of N.K. Girs.

An instruction to the Ober Procurator of the Most Holy Synod 1722, which has been revealed in the Russian State Historical Archive (RGIA), was prepared for publication by **G.V. Bezhanidze** and **A.G. Firsov**.

Keywords: History of the Most Holy Synod, the synodic system relations between the church and the state in Russia.

In **K.M. Anderson's** review the analysis of the collection of documents and materials entitled as "Mission in Moscow. Reports of the Latvian diplomats from the USSR, 1935–1937", which has been published in 2016, is given.

"Photochronicles", prepared for publication by **A.A. Chernobaev**, includes the iconography of the historian, culturologist, and teacher T.P. Chernobaeva.

Keywords: Russian historiography, biographies of historians.

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА В РОССИИ

«Киевский комитет, выслушав и обсудив тезисы В.И. Ленина, находит их в общем неприемлемыми». Из протоколов Киевской организации РСДРП(б). Апрель 1917 г. (В.Ф. Солдатенко) 3

«Радостного ничего не было, но не было ничего и буйного». Впечатления и размышления профессора Московской духовной академии А.Д. Беляева. Апрель 1917 г. (М.И. Одинцов) 30

Российская Академия наук в 1917 г. Фотолетопись (Е.Ю. Басаргина, Е.Н. Груздева, О.А. Кирикова) 42

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

«От политики оскомина...». Письма Е.Д. Кусковой к М.А. Алданову. 1946–1951 гг. (В.Л. Телицын) (Окончание) 56

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

«Это могут сделать только гвардейцы-панфиловцы». Запись беседы с Героем Советского Союза М. Габдуллиным. 1943 г. (Д.А. Аманжолова) 100

АРХИВ ВОЖДЕЙ

И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Июль 1922 – февраль 1923 г. (М.В. Зеленов, Н.Ю. Пивоваров, А.А. Чернобаев) 134

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

«Чтобы рабочие люди, на промыслах находящиеся, состояли в надлежащем повиновении местным властям». Инструкции жандармским штаб-офицерам на золотых промыслах Западной и Восточной Сибири. 1842 г. (Г.Н. Бибиков) 166

«Уничтожить же совершенно обычай обмена подарками я не решился». Письмо туркестанского генерал-губернатора Н.О. Розенбаха министру иностранных дел Н.К. Гирсу. 1888 г. (В.И. Куликов) 172

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

«Повинен сидеть в Синоде и смотреть накрепко». Инструкция обер-прокурору Святейшего Синода. 1722 г. (Г.В. Бежанидзе, А.Г. Фирсов) 178

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Донесения латвийских дипломатов из Москвы (К.М. Андерсон) 185

ФОТОЛЕТОПИСЬ

Памяти историка, культуролога, педагога: Татьяна Петровна Чернобаева (1941–2016) (А.А. Чернобаев) 188

CONTENTS

ON THE OCCASION OF THE CENTURY OF THE REVOLUTIONS OF 1917 IN RUSSIA

"The Kiev committee, having heard and discussed V.I. Lenin's theses, finds them generally unacceptable". From the protocols of the Kiev organization of RSDRP(b). April, 1917. (V.F. Soldatenko) 3

"There was nothing joyful, but there was nothing violent either". Impressions and reflections of Professor of the Moscow Theological Academy A.D. Belyaev. April, 1917 (M.I. Odintsov) 30

Russian Academy of Sciences in 1917. Photo chronicle. (E.Yu. Basargina, E.N. Gruzdeva, O.A. Kirikova) 42

RUSSIAN EMIGRE

"Politics sets my teeth on edge..." E.D. Kuskova's letters to M.A. Aldanov. 1946–1951. (V.L. Telitsyn)(Ending) 56

THE GREAT PATRIOTIC

"Only the Panfilov division's guardsmen can make it". Record of a conversation with the Hero of the Soviet Union M. Gabdullin. 1943. (D.A. Amanzholova) 100

ARCHIVE OF LEADERS

I.V. Stalin and "designing" of the party power. July 1922–February 1923. (M.V. Zelenov, N.Yu. Pivovarov, A.A. Chernobaev) 134

NINETEENTH CENTURY

"So that working people who are at fields, be in proper obedience to the local authorities". Instructions to gendarme field officers on gold-fields of Western and Eastern Siberia. 1842. (G.N. Bibikov) 166

"But I couldn't decide to destroy absolutely the custom of exchange of gifts". Letter of the governor general of Turkestan N.O. Rozenbakh to the Minister of Foreign Affairs N.K. Girs. 1888. (V.I. Kulikov) 172

FROM ANCIENT TIMES

"Obliged to sit in the Synod and watch carefully". Instruction to the Ober Procurator of the Most Holy Synod. 1722. (G.V. Bezhanidze, A.G. Firsov) ... 178

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

Reports of Latvian diplomats from Moscow (K.M. Anderson) 185

PHOTOCHRONICLES

To the memory of the historian, culturologist, and teacher: Tatyana Petrovna Chernobayeva (1941–2016) (A.A. Chernobaev) 188

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АМАНЖОЛОВА Дина Ахметжановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН *amanzlova19@mail.ru*

АНДЕРСОН Кирилл Михайлович – кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова *kiranderson@mail.ru*

БАСАРГИНА Екатерина Юрьевна – доктор исторических наук, зав. отделом Санкт-Петербургского филиала Архива РАН *akhos@mail.ru*

БЕЖАНИДЗЕ Георгий Вениаминович – кандидат богословия, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета *georgy.bezhanidze@gmail.com*

БИБИКОВ Григорий Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН *grigoriy_bibikov@mail.ru*

ГРУЗДЕВА Елена Николаевна – кандидат исторических наук, зав. отделом СПбФ АРАН *akhos@mail.ru*

ЗЕЛЕНОВ Михаил Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ *mvzelenov@gmail.com*

КИРИКОВА Ольга Александровна – научный сотрудник СПбФ АРАН *kirikova.o@bk.ru*

КУЛИКОВ Владимир Иванович – кандидат исторических наук, доцент РГГУ *kulikov59@mail.ru*

ОДИНЦОВ Михаил Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный специалист Центра документальных публикаций РГАСПИ *dept33@ropnet.ru*

ПИВОВАРОВ Никита Юрьевич – кандидат исторических наук, ассистент Первого МГМУ им. И.М. Сеченова *pivovarov.hist@gmail.com*

СОЛДАТЕНКО Валерий Федорович – член-корреспондент Национальной академии наук Украины, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института политических и этнонациональных исследований НАН Украины (Киев) *soldatenko.v.f@gmail.com*

ТЕЛИЦЫН Вадим Леонидович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН *telitsyn@mail.ru*

ФИРСОВ Андрей Германович – кандидат исторических наук, доцент Петербургского государственного университета путей сообщения *agfirsov@mail.ru*

ЧЕРНОБАЕВ Анатолий Александрович – доктор исторических наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ *ist_arh@rosspen.su*

Издательство «Политическая энциклопедия»
Л.Р. № 066009 от 22.07.1998 Подписано в печать 10.03.2017
Формат 70×100/16 Печать офсетная Усл печ. л 16,77.
Тираж 800 экз. Заказ 330.
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д 40, стр. 1
Тел : 8 (499) 685-15-75 (общий, факс), 8 (499) 709-72-95 (отдел реализации)
Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Индекс 79289

Издательство
«Политическая энциклопедия»
проводит подписку на журнал
«ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ» на I полугодие 2017 г.
Периодичность издания – 3 номера в полугодие.
Стоимость полугодовой подписки 810 руб.
без учета почтовых услуг в пределах Российской Федерации.

Адрес издательства:
127018, г. Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи,
д. 40, стр. 1.
Тел. (499) 709-72-95. E-mail: market@rosspen.su
www.rosspen.su

Также подписаться на журнал можно в любом почтовом отделении:

- по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ» «Газеты. Журналы» (красного цвета) по названию в алфавитном или тематическом разделе либо по индексу журнала – 79289;
- по каталогу «АРЗИ» «Пресса России» (зеленого цвета). Подписной индекс – 34071.

По возникшим вопросам следует связаться через почтовое отделение с претензионным отделом агентства «РОСПЕЧАТЬ» или претензионной службой АРЗИ, либо позвонить в издательство по тел. (499) 709-72-95 (отдел маркетинга).

Редакция принимает к рассмотрению рукописи документальных публикаций, впервые вводимых в научный оборот. Требования: объем до 2 п. л. (80 000 знаков). Присылать в бумажном и электронном вариантах: текстовый редактор Word for Windows, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1. Публикация должна включать: вводную статью (ссылки – постранично); тексты документов (ссылки в конце публикации) с указанием архивной легенды; аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках; сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, должность и место работы, контактный телефон, адрес электронной почты), внешний отзыв.

Все поступившие материалы проходят предварительную экспертизу главного редактора и рецензирование специалистами по соответствующей проблематике. При положительной рецензии автору направляются пожелания по доработке материала, при отрицательной – сообщается мотивированный отказ. Решение о публикации принимается на заседании редколлегии, которое проводится один раз в два месяца.

Все материалы публикуются в журнале «Исторический архив» бесплатно.